

Т 23
261

ЗАМѢТКИ

О

СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

сп 1-88
10029

С. РАЧИНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

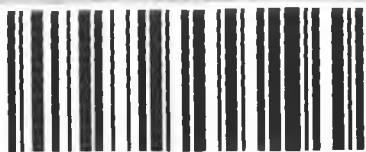
ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.

1883.

По распоряженію Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода

18933-0

2010515255

Эти бѣглыя замѣтки, написанныя подь непосредственнымъ впечатлѣніемъ школьной жизни, воспроизводятся здѣсь въ томъ же видѣ, въ какомъ онѣ появились въ первый разъ на страницахъ «Руси». Авторъ, по условіямъ своей школьной дѣятельности, лишень возможности подвергнуть ихъ той тщательной переработкѣ, которая могла бы служить оправданіемъ вторичному ихъ изданію. Онъ просить у читателей снисхожденія, во имя того дѣла, которое отнимаетъ у него время дѣйствовать словомъ.

С. Р.

I.

ЗАМѢТКИ О СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

Камень, его же не въ ряду сотворивша зиждущимъ, той бысть во главу угла.

Сужденія сельскаго учителя о школьномъ дѣлѣ не могутъ отличаться ни многосторонностію, ни строгимъ безпристрастіемъ. Явленія школьной жизни, входящія въ его кругозоръ, знакомы ему близко, извѣстны ему въ такихъ подробностяхъ, которыя ускользаютъ отъ посторонняго наблюдателя. Но кругозоръ его узокъ, и онъ безпрестанно подвергается опасности принимать мѣстное и частное за общее, основывать свои выводы на слишкомъ недостаточныхъ данныхъ. Съ другой стороны, самая близость его къ дѣлу можетъ препятствовать правильной оцѣнкѣ многихъ существенныхъ его сторонъ. По свойственному всѣмъ людямъ самообольщенію, онъ можетъ преувеличивать свое значеніе въ дѣлѣ, которому онъ призванъ служить,—можетъ взвалить на другихъ отвѣтственность за такія его несовершенства, которыя онъ могъ бы самъ устранить...

Тѣмъ не менѣе, всякое искреннее слово чловека, преданнаго своему дѣлу, объ этомъ, кровномъ его дѣлѣ, имѣетъ относительную цѣну, какъ данная, какъ матеріалъ для людей, имѣющихъ возможность обсудить это дѣло съ точекъ зрѣнія болѣе общихъ, отрѣшенныхъ отъ всякихъ мѣстныхъ случайностей, отъ всякаго личнаго пристрастія. Это соображеніе и даетъ мнѣ смѣлость взяться за перо.

I.

Скажу прежде всего нѣсколько словъ объ особенностяхъ, присущихъ, въ силу вещей, нашей сельской школѣ, насколько онѣ начинаютъ выясняться за краткій періодъ ея существованія.

(Читая наши педагогическія руководства, прислушиваясь къ толкамъ печати, бесѣдуя о школахъ съ представителями нашей интеллигенціи, постоянно чувствуешь, что рѣчь идетъ не о той сельской школѣ, въ которой приходится намъ трудиться, но о сельской школѣ вообще, о какой-то схемѣ, заимствованной изъ наблюденій надъ школами иностранными, преимущественно нѣмецкими. Но та школа, которая возникаетъ на нашихъ глазахъ, среди народа, глубоко отличающагося отъ всѣхъ прочихъ своимъ прошлымъ, своимъ религіознымъ и племеннымъ характеромъ, своимъ общественнымъ составомъ, — среди обстоятельствъ, безпримѣрныхъ въ исторіи, — съ этою схемою имѣетъ очень мало общаго. Постараюсь указать на самыя рѣзкія изъ ея отличительныхъ особенностей.)

Въ противоположность школамъ западнымъ, наша сельская школа возникаетъ, при весьма слабомъ участіи духовенства, при глубокомъ равнодушіи образованныхъ классовъ и правительственныхъ органовъ, изъ потребности *безграмотнаго* населенія дать своимъ дѣтямъ извѣстное образование. Въ этомъ ея слабость, въ этомъ и ея сила, въ этомъ ключъ къ объясненію всѣхъ прискорбныхъ и отрадныхъ явленій въ жизни нашихъ сельскихъ школъ.

Изъ этого порядка вещей прямо слѣдуетъ, что преподаваніе въ сельскихъ школахъ не можетъ имѣть никакого направленія, кромѣ даннаго тѣми же безграмотными родителями, что за ними не можетъ быть инаго контроля, кромѣ контроля тѣхъ же родителей.

То, что я говорю, многимъ покажется чудовищнымъ парадоксомъ. Наши сельскія школы находятся подъ четвернымъ контролемъ: дирекцій народныхъ

училищъ, епархіального начальства (черезъ благотворныхъ и особо назначаемыхъ надзирателей), училищныхъ совѣтовъ и мѣстной полиціи. Кажется, на недостатокъ направляющихъ и контролирующихъ силъ жаловаться нечего. Но чѣмъ же на дѣлѣ выражается вся эта роскошь надзора и контроля?

Директоры и инспекторы народныхъ училищъ не пользуются сочувствіемъ нашей печати. Она преисполнена самыми рѣзкими нападками на ихъ бездѣйствіе или на ложное направленіе ихъ дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ должностяхъ человѣкъ неблагонамѣренный можетъ принести много вреда. Но принести пользу человѣкъ благонамѣренный (а таковы всѣ члены инспекцій, съ которыми меня сводила судьба) положительно не можетъ. Все зимнее время этихъ почтенныхъ чиновниковъ поглощено составленіемъ многосложныхъ отчетовъ (за гражданскій годъ), а лѣтомъ, какъ извѣстно, всѣ школы закрыты. Этотъ прекрасный порядокъ вещей, съ одной стороны, не даетъ инспекторамъ физической возможности посѣтить тѣ сотни школъ, разбросанныя на сотни верстъ, которыя состоятъ въ ихъ вѣдѣніи, съ другой, — ведетъ къ составленію тѣхъ дутыхъ цифръ, которыми щеголяютъ отчеты министерства народнаго просвѣщенія (въ нихъ, по каждой школѣ, числятся и ученики окончившіе курсъ весною, и поступившіе осенью).

Участіе училищныхъ совѣтовъ въ школьномъ дѣлѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ограничивается ходатайствомъ передъ земствомъ объ отпускѣ денежныхъ суммъ, огульнымъ распредѣленіемъ ихъ по наличнымъ школамъ и назначеніемъ членовъ для присутствованія на экзаменахъ.

Благотворные и спеціальные надзиратели за преподаваніемъ Закона Божія посѣщаютъ школы нехотя и только для исполненія формальности.

Полицейскіе чины, по свойственному русскому человѣку здравому смыслу, вовсе не вмѣшиваются въ школьное дѣло, въ коемъ они ничего не смыслятъ.

И при всемъ томъ, число школъ растетъ, уровень ихъ медленно поднимается и, что бы ни говорили алармисты, онѣ не только остаются нетронутыми вигилистическою пропагандою, но приобрѣтаютъ все болѣе религіозный, церковный характеръ, и центральнымъ предметомъ преподаванія все болѣе становится въ нихъ—Законъ Божій, тотъ самый Законъ Божій, отъ преподаванія котораго, въ большинствѣ случаевъ, упорно отказываются священники, или который, по молчаливому согласію, они предоставляютъ учителю!

О тѣхъ отрадныхъ исключеніяхъ, которыя представляютъ школы съ ревностнымъ къ дѣлу народнаго образованія законоучителемъ—и говорить нечего.

Результатъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что все, повидимому, при возникновеніи нашихъ сельскихъ школъ, клонило ихъ въ направленіе противоположное: равнодушіе къ нимъ духовенства, краткое увлеченіе ими (перешедшее затѣмъ въ совершенное охлажденіе) мѣстной интеллигенціи, отношеніе къ нимъ министерства, наконецъ естественное стремленіе элементовъ противуобщественныхъ, антирелигіозныхъ овладѣть этою возникающею школою. О равнодушій духовенства распространяться теперь не стану: на эту тему писано много, съ явнымъ впрочемъ злораднымъ преувеличеніемъ. Отношеніе нашей интеллигенціи къ религіозному элементу въ школахъ—извѣстно: она допускаетъ его лишь ради соблюденія какихъ-то консервативныхъ приличій, или какъ уступку невѣжественнымъ требованіямъ простонародья,—и это лицемѣрное отношеніе къ нему вреднѣе прямого гоненія. Что касается министерства, то его постановленія, циркуляры, инструкціи преисполнены выраженіями неустанной заботливости о процвѣтаніи религіознаго элемента въ школахъ всѣхъ возможныхъ наименованій. Но во всемъ этомъ мало искренности. Стоитъ только вспомнить то приниженное положеніе, которое отведено преподаванію Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Относительно сель-

скихъ школъ, стѣитъ только заглянуть въ «каталогъ книгъ для употребленія въ сельскихъ школахъ», изданный министерствомъ въ 1875 г. (Вышло ли новое изданіе—мнѣ неизвѣстно, во всякомъ случаѣ по школамъ оно не разослано). Слѣдуетъ замѣтить, что всякая книга, не входящая въ этотъ каталогъ (распадающійся на списки книгъ рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ) безусловно запрещена. *) Повѣритъ ли мнѣ читатель, если я скажу ему, что въ этомъ каталогѣ не значится ни «Часослова», ни «Псалтири», ни Ветхаго Завѣта! *Новый Завѣтъ*—«одобренъ», но не «рекомендованъ»... Всякому, конечно, извѣстно, что безъ Часослова и Псалтири сельская школа у насъ немыслима, что Ветхій Завѣтъ во всякой школѣ необходимъ. Тѣмъ не менѣе, употребленіе этихъ книгъ въ школахъ оказывается «*безусловно запрещеннымъ*» со стороны министерства. Это запрещеніе ни малѣйшаго практическаго результата не имѣетъ. Оно только даетъ мѣрку внимательности министерства къ духовно-нравственнымъ нуждамъ народа. Наконецъ, всеѣмъ памятно, что нигилистическій походъ *въ народъ*, въ программу коего, между прочимъ, входило и отравленіе сельской школы, окончился полнѣйшею неудачею.

Какимъ же путемъ совершается это воздѣйствіе официально безправнаго, безграмотнаго, повидимому, совершенно некомпетентнаго населенія на дѣло, въ коемъ въ сущности оно одно искренно заинтересовано? Медленнымъ, почти бессознательнымъ, но упорнымъ давленіемъ снизу,—пассивнымъ сопротивленіемъ всему, неподходящему къ народному понятію о школѣ, выживаніемъ негодныхъ учителей, поощреніемъ удовлетворяющихъ народнымъ нуждамъ—неотразимымъ вліяніемъ учащихся на учащихся.

*) Соблюденіе этого запрещенія, какъ извѣстно, обезпечивается особыми мѣрами, которыя были бы крайне стѣснительны для школъ, если бы существовала какая-либо возможность привести ихъ въ дѣйствіе.

Само собою разумѣется, что этимъ преобладаніемъ здороваго, но темнаго, еще мало осмысленнаго вліянія на наши сельскія школы, рядомъ съ ихъ несомнѣнною жизненностію, обусловливаются многія ихъ слабости и недостатки, устранимые только временемъ. Наше дѣло зиждется неустаннымъ трудомъ поколѣній, и не можетъ созрѣть въ краткій періодъ человѣческой жизни...

Этотъ религіозный, церковный характеръ, налаженный на нашу школу силою вещей, обусловливаетъ другую ея рѣзкую особенность—учебную программу, отличающуюся отъ учебныхъ программъ всѣхъ школъ иноземныхъ.

Кромѣ всѣхъ предметовъ, преподаваніе которыхъ желательно или нужно во всякой сельской школѣ, польза и необходимость которыхъ еще смутно сознается нашимъ безграмотнымъ населеніемъ, русская сельская школа уже теперь обязана сообщать своимъ питомцамъ знаніе *церковно-славянскаго языка*.

Не могу достаточно настаивать на громадномъ значеніи этого обстоятельства, на неоцѣненномъ преимуществѣ, которое оно даетъ русской сельской школѣ надъ всѣми прочими. Обязательное изученіе языка мертваго, обособленнаго отъ отечественнаго цѣлымъ рядомъ синтаксическихъ и этимологическихъ формъ, а между тѣмъ столь къ нему близкаго, что изученіе его вполне доступно на первыхъ ступеняхъ грамотности,—это такой педагогическій кладъ, которымъ не обладаетъ ни одна сельская школа въ мірѣ. Это изученіе, составляя само по себѣ превосходную умственную гимнастику, придаетъ жизнь и смыслъ изученію языка русскаго, придаетъ незыблемую прочность приобретенной въ школѣ грамотности.

Дѣйствительно, по условіямъ нашего сельскаго быта, по бѣдности и малодоступности нашей свѣтской литературы, для грамотнаго крестьянина не существуетъ инаго постояннаго упражненія въ грамотности, кромѣ чтенія Псалтири по покойникамъ и участія въ богослуженіи. Свѣтскихъ книгъ, доступ-

ныхъ и полезныхъ крестьянину, у насъ слишкомъ мало, и онѣ попадаются ему рѣдко. Между тѣмъ, неисчерпаемая богатства нашего богослужебнаго круга,—этого сокровища поэзіи, нравственнаго и догматическаго поученія на ряду съ Священнымъ Писаніемъ и житіями святыхъ,—даютъ постоянную пищу уму, воображенію, нравственной жаждѣ нашего грамотнаго крестьянина, поддерживаютъ въ немъ способность къ тому серьезному чтенію, которое одно полезно и желательно. Вотъ почему, между прочимъ, лишь тѣ школы, которыя устроены при церквахъ, плодятъ у насъ истинныхъ грамотѣевъ.

Подобная роль, и по тѣмъ же причинамъ, предстоитъ въ будущемъ въ нашихъ сельскихъ школахъ изученію пѣнія (церковнаго). Вернусь къ нему впоследствии.

Мнѣ остается указать на третію особенность нашихъ сельскихъ школъ (сѣверной полосы)—особенность, обусловленную причинами чисто внѣшними, но имѣющую на ея внутреннюю жизнь неизмѣримое вліяніе.

Особенность эта заключается въ слѣдующемъ. Девять десятыхъ изъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ не *ходятъ* въ школу, а *живутъ* въ ней. Деревни наши такъ разбросаны, ученики наши такъ малы и такъ плохо одѣты, что лишь изъ одной, много изъ двухъ, трехъ деревень они могутъ ходить ежедневно въ школу. Всѣ живущіе въ деревняхъ болѣе отдаленныхъ приходятъ на цѣлую недѣлю, съ запасомъ хлѣба, цѣлый день сидятъ въ школѣ, или толкуются около нея, ночуютъ, гдѣ попало—въ классѣ, церковной сторожкѣ; болѣе зажиточные въ особо нанятыхъ квартирахъ: у причетниковъ и т. д. Школы, при которыхъ устроено для учениковъ особое помѣщеніе, или даже правильное общежитіе, составляютъ весьма рѣдкое исключеніе.

Нельзя обратить достаточнаго вниманія на эту особенность нашихъ сѣверныхъ сельскихъ школъ. Впервые, она объясняетъ то *нежеланіе* родителей

посылать дѣтей въ школу, въ которомъ такъ часто, и совершенно напрасно, упрекаютъ нашихъ крестьянъ. Всякій отецъ, всякая мать согласится, что нужно очень сильное *желаніе* дать своимъ дѣтямъ сильное образованіе, большая увѣренность въ пользу этого образованія, чтобы при такихъ условіяхъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Помѣщеніе дѣтей къ живущимъ по близости отъ школы часто сопряжено съ немалыми хлопотами и издержками. Эти хлопоты и издержки могутъ быть значительно уменьшены, при устройствѣ въ самой школѣ приличнаго помѣщенія, при разумной инициативѣ священника или учителя, берущаго на себя организацію правильнаго общежитія. Но подобныя общежитія пока обязательными сдѣлать нельзя, ихъ распространеніе будетъ дѣломъ времени и опыта. Всего этого не слѣдовало бы забывать нашимъ ревнителямъ обязательнаго и дароваго обученія. Даровое обученіе пока обходится у насъ очень дорого.

Это исключительное положеніе нашихъ сельскихъ школъ имѣетъ громадное вліяніе на всю постановку нашего школьнаго дѣла. Оно даетъ родителямъ право быть чрезвычайно требовательными къ ученію, достигающемуся цѣною столь явныхъ неудобствъ; оно возлагаетъ на школу разные виды отвѣтственности, о которыхъ не можетъ быть рѣчи въ школахъ западной Европы и южной Россіи. Оно, по силѣ вещей, превращаетъ сельскую школу изъ учебнаго заведенія въ воспитательное. Школа захватываетъ всю жизнь ребенка, и становится великою силою, налагающею на него неизгладимую печать. Какую? Это зависитъ отъ духа школы, отъ ея организаціи, отъ лицъ ею управляющихъ.

Само собою разумѣется, что это обстоятельство имѣетъ также рѣшающее вліяніе на самый планъ преподаванія, на его способы и методы. Вопросъ уже не въ томъ, какъ разумно распредѣлить занятія въ теченіи четырехъ, пяти часовъ ученія, а въ томъ, какъ разумно занять весь день ребенка. Счастлива та

школа, которая имѣетъ лампу, освѣщающую длинные зимніе вечера, въ которой ребята не вынуждены съ трехъ часовъ пополудни сидѣть въ потемкахъ или читать при свѣтѣ догорающей печки. Но не легка задача учителя, который беретъ на себя исполнить свои обязанности до конца, дополнить свои дневные уроки вечерними занятіями, безъ которыхъ не имѣетъ смысла жизнь несчастныхъ школьнико́въ, оторванныхъ отъ семьи, пользующихся ученіемъ лишь въ теченіи двухъ, трехъ зимъ, отъ Покрова до Свѣтлаго праздника.

Сказаннаго, полагаю я, достаточно, чтобы убѣдить читателя въ коренномъ своеобразіи русской сельской школы. Задачи ея труднѣе, шире, чѣмъ задачи какой-либо сельской школы въ мірѣ. Чтобы стать на высоту этихъ задачъ, ей предстоитъ выработать себѣ особый типъ, учебный и нравственный, которому нѣтъ образца въ школахъ западно-европейскихъ. Да хранитъ ее Богъ на первыхъ невѣрныхъ шагахъ ея труднаго существованія. Въ ней кроется зародышъ великаго блага или великаго зла....

Постараюсь, въ слѣдующихъ замѣткахъ, разъяснить по мѣрѣ моихъ силъ, какимъ образомъ отражаются эти коренныя отличія русской сельской школы на всѣхъ сторонахъ ея учебнаго и нравственнаго дѣла,—на ея жизни, внѣшней и внутрешней.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается жизнь русской сельской школы, остановлюсь прежде всего на самомъ важномъ изъ нихъ,—на ея ученикахъ.

При первомъ же взглядѣ на всякую нашу школу, въ ней поражаетъ отсутствіе или малое количество дѣвочекъ. Ясно, что наша школа дѣлаетъ лишь половину своего дѣла, а что другая, быть-можетъ самая важная половина ускользаетъ отъ нея.

Отсутствіе дѣвочекъ объясняется очень просто,—тѣми же внѣшними условіями, которыя затрудняютъ помѣщеніе въ школу мальчиковъ. Понятно, что эти

условія для дѣвочекъ еще болѣе неблагопріятны и стѣснительны. Поэтому вы въ нашихъ сельскихъ школахъ, кромѣ дочерей причетниковъ, встрѣтите развѣ дѣвочекъ изъ самыхъ ближайшихъ деревень. Никакого общаго предубѣжденія противъ обученія дѣвочекъ у крестьянъ однако не существуетъ. Тамъ, гдѣ возможно прилично устроить ихъ при школѣ, ихъ охотно отдаютъ въ ученіе.

Впрочемъ, появленіе дѣвочекъ въ нашихъ сельскихъ школахъ—явленіе совершенно новое. Трудно сказать, какіе размѣры оно приметъ въ ближайшемъ будущемъ. Если не возникнетъ внѣшнихъ препятствій, все заставляетъ думать, что наплывъ дѣвочекъ годъ отъ году будетъ расти. А такое внѣшнее препятствіе существуетъ уже теперь.

Для того, чтобы ребенокъ пріобрѣлъ прочную грамотность, ему необходимо посѣщать школу по крайней мѣрѣ три зимы. (По моимъ наблюденіямъ, этотъ срокъ достаточенъ только для дѣтей самыхъ способныхъ,—для всѣхъ же прочихъ нужны четыре зимы.) Притомъ, необходимо начинать не ранѣе десяти лѣтъ, и съ этимъ вполне согласна практика крестьянъ: они понимаютъ, что ребенокъ, оставляющій школу одиннадцати, двѣнадцати лѣтъ, рискуетъ все позабыть. Между тѣмъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія строго воспрещено обучать вмѣстѣ съ мальчиками дѣвочекъ старше 12-ти лѣтъ. Это запрещеніе равняется безусловному исключенію дѣвочекъ изъ сельскихъ школъ. Объ отдѣльныхъ для нихъ школахъ у насъ еще не можетъ быть и рѣчи. Помѣстить осьми, девятилѣтнюю дѣвочку въ нашу сельскую школу почти невозможно (ни при одной изъ нихъ нѣтъ, да и не можетъ быть, особаго общежитія для дѣвочекъ). Довести дѣвочку, поступающую въ школу лѣтъ 10, 11, до полной грамотности—запрещено. Сообщить дѣйствительную грамотность крестьянкѣ наша школа можетъ только *при явномъ нарушеніи закона*.

Легко смѣяться надъ этимъ постановленіемъ, словно изданномъ въ Парижѣ и для Парижа, надъ тѣмъ

баснословнымъ незнаніемъ сельскаго быта, сельскихъ нравовъ, которое одно можетъ его извинить. Но право, намъ не до смѣха. Появленіе дѣвочки въ сельской школѣ, это—нашъ первый успѣхъ, наше первое, дорого купленное завоеваніе, это—залогъ всего будущаго развитія нашей сельской школы. То, чего недостаетъ нашимъ ученикамъ при школѣ самой совершенной, чего мы имъ не въ силахъ замѣнить, та атмосфера грамотности внѣ школьныхъ стѣнъ, которая одна можетъ поднять наше дѣло на степень жизненности и прочности, которая ей подобаешь,—эта атмосфера можетъ создаться лишь при посредствѣ грамотныхъ матерей. Между тѣмъ, дѣвочки уже изгнаны изъ министерскихъ сельскихъ училищъ (въ нашемъ уѣздѣ, слава Богу, существуетъ только одно), а въ прочихъ училищахъ онѣ только терпимы: учебныя власти *обязаны* ихъ изгнать. Дивиться ли тому, что у многихъ рука не подымается при видѣ бѣдныхъ крошекъ, худенькихъ и слабыхъ, какъ осьмилѣтнія дѣти зажиточныхъ классовъ, но имѣвшихъ несчастіе родиться двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и потому лишенныхъ права пріучить свои неумѣлые пальцы къ твердому держанію пера и иглы *), свой пробуждающійся умъ къ самымъ элементарнымъ приемамъ мышленія, свою безсмертную душу къ созерцанію Божества? (Дѣвочка не учащаяся въ школѣ—у насъ и въ церкви никогда не бываетъ.) Но другія начальствующія лица болѣе исполнительны,—и ихъ за это винить невозможно.

Пишу эти строки въ субботу вечеромъ. Ученіе въ школѣ еще не началось: завтра соберутся ученики, чтобы пѣть обѣдню. Но ученица изъ самой дальней деревни нашего прихода (18 верстъ) уже тутъ. Она поетъ на правомъ клирѣ: это радость и гордость ея жизни. Изъ темной глубины притвора, гдѣ, за густою толпою мужчинъ, вздыхая и крестясь, перешептываются деревенскія кумушки, она вознесена на высоту

*) Наши крестьянки вышивають великолѣпно, но шьютъ отвратительно.

того таинственнаго алтаря, въ который она не можетъ вступить. О ней молятся на сугубой эктениі. Тѣ святые и страшныя слова, отъ которыхъ содрагаются сердца и гнутся колѣни,—она оглашаетъ ими церковь, и мало-по-малу, въ строгомъ строѣ созвучій, въ благоговѣйномъ вниманіи, напрягающемъ весь хоръ, передъ нею раскрывается глубокой смыслъ этихъ словъ, неизяснимый никакими школьными толкованіями...

Но боюсь распространяться о дѣвочкахъ. Предпринимать ихъ характеристику быть-можетъ еще слишкомъ рано. Поговорю лучше о мальчикахъ. О нихъ позволяю себѣ имѣть свое сужденіе. Оно же и всего лучше пояснить читателю, почему я считаю полезнымъ, чтобы вмѣстѣ съ ними учились и дѣвочки.

Мальчикъ, поступающій на одиннадцатомъ году въ сельскую школу, мало похожъ на своего сверстника изъ образованныхъ классовъ. Онъ не видалъ еще букваря, но твердо знаетъ азбуку жизни. Онъ уже испыталъ много недѣтскаго горя, участвовалъ во многихъ недѣтскихъ трудахъ. Едва онъ сталъ твердо держаться на ногахъ, ему поручили нянчить младшаго брата или сестру. Черезъ это нянченье прошли всѣ наши деревенскіе ребята, и мальчики, и дѣвочки. На порогѣ сознательной жизни, на нихъ возлагается самая страшная изъ отвѣтственности—отвѣтственность за жизнь безпомощнаго, дорогаго, но докучливаго существа, которое безъ ихъ постоянной заботы существовать не можетъ. Вѣдь мать боронуетъ и пашетъ, коситъ и жнетъ. Какъ только являются признаки физической силы, на мальчика возлагаются работы, превышающія эту силу, работы, сопряженныя съ отвѣтственною за самыя цѣнныя части крестьянскаго инвентаря—за скотъ и лошадей. Онъ дѣятельный участникъ всѣхъ трудовъ и заботъ семьи. Среди этихъ тяжелыхъ, лихорадочныхъ трудовъ не до того, чтобы скрывать отъ него какія-либо грязныя или темныя стороны жизни. Онъ узнаетъ все, не изъ шутивыхъ рассказовъ, а изъ горькаго личнаго опыта.

Онъ видитъ вблизи и смерть, со всѣми ея ужасающими подробностями, во всемъ ея таинственномъ величїи, и научается смотрѣть на нее трезво и просто, съ покорностію и надеждою. Онъ неучъ передъ пятилѣтнимъ ребенкомъ образованныхъ классовъ, онъ неизмѣримо зрѣлѣе для жизни, чѣмъ двадцатилѣтній юноша, выхолощенный въ богатомъ, просвѣщенномъ семействѣ.

Въ школу онъ поступаетъ съ радостію. Тутъ его ожидаетъ жизнь относительно привольная и легкая, безъ непосильнаго труда, физическаго или умственнаго,—ожидаетъ его роскошь, составляющая потребность дѣтскаго возраста, роскошь, на которую нѣтъ времени въ его семейной жизни: постоянное вниманіе къ нему старшихъ, постоянная забота о немъ. Но онъ приноситъ съ собою прибрѣтенное въ семьѣ чувство отвѣтственности за свои поступки, за свое время, сознаніе необходимости труда, напряженія своихъ силъ. Отъ учителя зависитъ не дать заглухнуть этимъ драгоценнымъ задаткамъ, но укрѣпить и направить ихъ. Приноситъ онъ съ собою и темное, но высокое и благоговѣйное понятіе объ ученїи, какъ о ключѣ къ тайнамъ молитвы, жизни вѣчной, Божественной мудрости. Онъ, крестясь, цѣлуетъ первую книгу, которую даютъ ему въ руки.

Съ товарищами дружится онъ скоро. Въ крестьянскихъ семьяхъ нѣтъ тѣхъ различій тона, взглядовъ, привычекъ и мнѣній, которыя въ нашемъ образованномъ обществѣ дошли до вавилонскаго смѣшенія языковъ, и мѣшаютъ его дѣтямъ понимать другъ друга и сближаться.

Старшіе ученики принимаютъ новичковъ съ радушіемъ и ласкою. Эти мальчики—любимцы школы. По доброй домашней привычкѣ, съ ними носятся и нянчатся. Мерзкій обычай нѣмецкой школы, перешедшій и въ наши среднія учебныя заведенія, обычай дразнить и мучить новичковъ, совершенно чуждъ школѣ русской,—а такова, пока, лишь наша бѣдная сельская школа. Но этого мало. Заботливость стар-

шихъ о новичкахъ составляетъ такую же характерную особенность въ нашей школѣ, какъ противоположная черта въ школѣ нѣмецкой. Эта заботливость проявляется во всемъ: въ играхъ, въ работахъ, въ постоянной помощи старшихъ младшимъ въ школьныхъ занятіяхъ. Она сопровождается изумительнымъ въ дѣтяхъ терпѣніемъ и умѣніемъ обращаться съ дѣтьми младшаго возраста, умѣніемъ, которое было бы непостижимо, если бы мы не знали, что оно пріобрѣтается внѣ школы раннею, продолжительною практикою.

Страннымъ, почти чудовищнымъ можетъ показаться людямъ, чуждымъ сельской жизни, это нянченье крошекъ малютками, этотъ тягостный искусъ, возлагаемый на дѣтей, слишкомъ юныхъ, чтобы понять все его нравственное значеніе. Таковымъ казался онъ когда-то и мнѣ. Но что, если онъ отражается на дѣтяхъ именно своею нравственною стороною, оставляетъ въ ихъ душѣ глубокое чувство жалости къ безпомощнымъ и малымъ—именно потому, что онъ не произвольное насиліе, а горькая необходимость?.....

....Приводятъ въ школу осьмилѣтняго мальчика.—Маль онъ еще, говорю я—лучше подождать годъ или два.—Помилуйте, отвѣчаетъ мать,—пора его освободить: онъ уже четыре года нянчить...

Въ школѣ заходитъ рѣчь о томъ, чтобы завести куръ, для того чтобы не пропадали крохи отъ общей трапезы. Одинъ изъ живущихъ въ школѣ учениковъ, нервный и впечатлительный мальчикъ, морщится и блѣднѣетъ:—что хотите заводите, только не куръ! Этотъ мальчикъ—внукъ птичницы при господскомъ дворѣ. Все его раннее дѣтство прошло въ нянченьи ребятъ и въ вознѣ съ домашнею птицею. Тотъ же мальчикъ (12 лѣтъ) способенъ цѣлыми часами заниматься съ цѣлымъ классомъ новичковъ,—учить ихъ съ жаромъ, съ толкомъ, съ увлеченіемъ и приковываетъ ихъ вниманіе не хуже любого патентованнаго учителя....

Почти во всякомъ изъ нашихъ школьнико́въ есть педагогическая струнка, часто весьма сильная. Учитель, умѣющій играть на этой стрункѣ, приобретаетъ драгоценное, почти необходимое подспорье въ почти неограниченной работѣ, возлагаемой на него исключительными условіями нашей школьной жизни. Во всякой школѣ найдется два-три толковыхъ и усердныхъ мальчика, которымъ, съ великою обоюдною пользою, можно смѣло поручить младшихъ товарищей для извѣстныхъ, нехитрыхъ, но необходимыхъ упражненій. Замѣчательная распространенность этой склонности между крестьянскими ребятами имѣетъ огромное значеніе для всей будущности нашего школьнаго дѣла. Она поведетъ, и уже начинаетъ вести, къ распространенію элементарной грамотности въ школьныхъ стѣнъ. Она обезпечиваетъ намъ тотъ громадный контингентъ дешевыхъ сельскихъ учителей, который понадобится намъ въ близкомъ будущемъ, и который не можетъ быть почерпнуть ни откуда, какъ только изъ среды грамотнаго крестьянства.

Наши школьники поступаютъ въ школу съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлаться грамотными, большею частію по собственной неотступной просьбѣ, съ полною готовностію учиться безъ перерыва съ утра до вечера. Таково и желаніе родителей. Школа, въ которой ограничиваются четырьмя-пятью часами занятій, признанными достаточными педагогическою наукою, считается плохою школою. И родители правы. Они мало цѣнятъ тѣ весьма скудныя свѣдѣнія, которыя могутъ быть приобретены на показъ въ теченіе трехъ-четырехъ зимъ казеннаго ученія, но высоко цѣнятъ тѣ необходимыя *умнья*, которыя дѣйствительно могутъ быть приобретены въ этотъ срокъ, но лишь при весьма интенсивной работѣ. Все это неудержимо тѣснитъ нашу школу къ увеличенію числа учебныхъ часовъ, и главнымъ двигателемъ тутъ являются сами ученики. Ихъ постоянное присутствіе въ школѣ, ихъ по истинѣ ненасытная жадность къ уче-

нію волею-неволею заставляеть всякаго внимательнаго учителя умножать число классныхъ занятій, въ особенности въ первой половинѣ зимы, когда нужно пользоваться всёмъ краткимъ днемъ, и затѣмъ настаеть длинный вечеръ, въ который ученикамъ и бѣгать по улицѣ невозможно. О тѣхъ особенностяхъ, которыя столь интенсивное ученіе по необходимости вносятъ и въ учебный планъ, и въ школьную дисциплину, скажу впоследствии. Настаиваю теперь только на томъ, что такое интенсивное ученіе не есть насиліе надъ дѣтьми, но уступка ихъ требованіямъ: они пришли учиться и кромѣ школы дѣваться имъ некуда. Чтобы выжить ихъ изъ класса, буквально нужно погасить лампу. Дѣлають они свое дѣло съ терпѣніемъ и настойчивостію, вполне понимая, что дѣло это трудное и важное. Это отношеніе дѣтей къ школѣ одно и даетъ учителю возможность вести такое усиленное ученіе, которое, впрочемъ, всякому учителю крестьянину представляется вполне нормальнымъ.

Въ прямой связи съ этимъ дѣловымъ направленіемъ нашихъ школьниковъ находится ихъ отличное, бодрое и веселое, но скромное и ровное поведеніе въ школѣ. Имъ не до шалостей, не до ссоръ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда того отвратительнаго сквернословія и скверномыслія, которыми заражены наши городскія учебныя заведенія, въ особенности столичныя. Въ нормальной крестьянской жизни нѣтъ мѣста тѣмъ преждевременнымъ возбужденіямъ воображенія, тѣмъ нездоровымъ искушеніямъ мысли, которыми исполненъ бытъ нашихъ городскихъ классовъ. Русскій народъ, вошедшій въ пословицу своимъ сквернословіемъ, въ сущности самый стыдливый народъ въ мірѣ. Грязь въ глазахъ русскаго человѣка есть грязь. Когда въ немъ проснется звѣрь, живущій въ каждомъ человѣкѣ, онъ видается ею. Но пока онъ трезвъ, пока онъ остается самъ собою, онъ чистъ въ мысляхъ и словахъ. Гаденькая, любезничающая грязноватость, проникнувшая изъ Франціи въ нравы

нашего полубразованнаго общества, въ нашу литературу низшаго разряда—глубоко ему чужды. Каждый нашъ крестьянскій мальчикъ—такой, еще не испорченный, русскій человекъ. Считаю это замѣчаніе нелишнимъ потому, что пугливость нашего министерства относительно совмѣстнаго обученія дѣвочекъ и мальчиковъ, вѣроятно, происходитъ отъ того, что оно судить о послѣднихъ по гимназистамъ и кадетамъ ихъ возраста. Ошибочнѣе этого сближенія ничто быть не можетъ. Мальчики и дѣвочки, проводящіе въ деревнѣ, безъ всякаго надзора и безъ всякаго вреда, всю свою жизнь вмѣстѣ, не повредятъ другъ другу и въ школѣ.

Но за то они могутъ принести, и приносятъ, другъ другу немалую пользу. Все сказанное мною объ отношеніяхъ мальчиковъ къ школѣ можно сказать и о дѣвочкахъ. Но нельзя не замѣтить на сторонѣ мальчиковъ извѣстнаго преимущества въ развитіи, въ ширинѣ умственнаго кругозора. Это неравенство, весьма сильное между взрослыми крестьянами и крестьянками, по самымъ условіямъ ихъ жизни, въ дѣтяхъ является лишь въ зачаткѣ, и сглаживается совмѣстнымъ обученіемъ въ школѣ.

Предоставляю судить читателямъ, не желательнѣе ли такое уравненіе, чѣмъ искусственное усиленіе неравенства черезъ затрудненіе дѣвочкамъ доступа къ прочной грамотности. Не полезно ли для самихъ мальчиковъ съ ранняго дѣтства убѣдиться въ томъ, что ихъ сестры, ихъ будущія жены нисколько не уступаютъ имъ въ умственныхъ способностяхъ?

Средній уровень способностей нашихъ крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, вообще очень высокъ. Послѣднія быть-можетъ еще превышаютъ первыхъ понятливостію и терпѣніемъ. Способности эти разнообразны, но преобладаютъ замѣтно способности математическія и художественныя. Умственный счетъ—любимая забава дѣтей въ промежутки между классными занятіями, и въ немъ легко достигается значительная быстрота и ловкость

такъ же, какъ и въ рѣшеніи сложныхъ письменныхъ задачъ. Пѣніе, при сколько-нибудь умѣломъ преподавателѣ, прививается несравненно успѣшнѣе, чѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Успѣху въ этомъ отношеніи конечно способствуетъ сочувствіе родителей. Пѣніе—единственный предметъ преподаванія, о результатахъ котораго могутъ непосредственно судить и безграмотные, который получаетъ немедленное практическое приложеніе, возвышая красоту и торжественность церковной службы. Оно же нѣкоторымъ образомъ даетъ очевидную мѣрку усердія и умѣлости учителя. Но и независимо отъ этихъ выгодныхъ условій, музыкальная даровитость нашихъ крестьянъ поистинѣ изумительна. Ничуть не менѣе распространена другая художественная способность, которая, при нынѣшнемъ зачаточномъ состояніи нашей сельской школы, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ возможность проявиться—способность къ рисованію. Количество дремлющихъ художественныхъ силъ, таящихся въ нашемъ народѣ—громадно, и о немъ пока можетъ составить себѣ приблизительное понятіе лишь внимательный сельскій учитель.

Остается мнѣ дополнить эту бѣглую характеристику нашихъ сельскихъ учениковъ нѣсколькими словами объ ихъ отношеніи къ предметамъ религіознымъ и нравственнымъ. Оно не можетъ быть иное, какъ отношеніе къ нимъ ихъ родителей, лишь болѣе бессознательное и смутное. Мы тутъ вступаемъ въ область мало изслѣдованную и обширную, въ которую до сихъ поръ бросаютъ яркіе лучи свѣта лишь указанія, разбросанныя въ твореніяхъ трехъ незабвенныхъ покойниковъ: А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и Ф. М. Достоевскаго. Область эта совершенно выходитъ изъ рамокъ краткой журнальной замѣтки, и я долженъ ограничиться осторожными намеками.

Та высота, та безусловность нравственнаго идеала, которая дѣлаетъ Русскій народъ народомъ христіанскимъ по преимуществу; которая въ натурахъ спокойныхъ и сильныхъ выражается безграничною

простотою и скромностію въ совершеніи всякаго подвига, доступнаго силамъ человѣческимъ; которая въ натурахъ страстныхъ и узкихъ ведетъ къ ненасытному исканію, часто къ чудовищнымъ заблужденіямъ; которая въ натурахъ широкихъ и слабыхъ влечетъ за собою преувеличенное сознание своего безсилія, и, въ связи съ нимъ, отступленіе передъ самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимыя, глубокия паденія; которая во всякомъ русскомъ человѣкѣ обуславливаетъ возможность внезапныхъ побѣдоносныхъ поворотовъ отъ грязи и зла къ добру и правдѣ,—вся эта нравственная суть русскаго человѣка уже заложена въ русскомъ ребенкѣ. Велика и страшна задача русской школы въ виду этихъ могучихъ и опасныхъ задатковъ, въ виду этихъ силъ, этихъ слабостей, которыя она призвана поддержать и направить. Школѣ, отрѣшенной отъ церкви, эта задача не по силамъ. Лишь въ качествѣ органа этой церкви, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, можетъ она приступить къ ея разрѣшенію. Ей нужно содѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ этой церкви, и духовныхъ и свѣтскихъ...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ, учебное начальство возымѣло оригинальную мысль подвергнуть статистическому изслѣдованію задушевные желанія парижскихъ ребятъ. Съ этою цѣлію во всѣхъ начальныхъ школахъ было задано одновременно всѣмъ учащимся сочиненіе на одну тему. Всякій долженъ былъ высказать, какъ бы онъ желалъ провести свою жизнь. Этотъ матеріалъ былъ подвергнутъ тщательной классификаціи и изслѣдованію, и въ общемъ выводѣ получился успокоительный результатъ, что идеаломъ большинства парижскихъ дѣтей нужно считать честный трудъ и приобретаемый имъ скромный достатокъ.

Не задаваясь столь строго-научными цѣлями, я часто задаю своимъ ученикамъ темы тождественныя или подобныя: ученики на нихъ пишутъ охотно, и учитель можетъ почерпнуть изъ ихъ отвѣтовъ полез-

ныя указанія. Отвѣты эти самые разнообразныя, смотря по возрасту, характеру, степени развитія, минутному настроенію ученика. Но весьма замѣчательно въ этихъ сочиненіяхъ частое повтореніе одного мотива, который, ручаюсь за это, во всякой школѣ, кромѣ русской, можетъ явиться лишь какъ рѣдкое исключеніе.

Большинство мальчиковъ, внимательно относящихся къ заданной темѣ, нарисовавъ себѣ жизнь, соответствующую ихъ вкусамъ и наклонностямъ (по большей части хозяйственнымъ,—изъ земныхъ благъ самымъ желательнымъ оказывается собственный кусокъ земли), заключаютъ ее отреченіемъ отъ всего мірскаго, раздачею имущества бѣднымъ,—поступленіемъ въ монастырь!

Да, монастырь, жизнь въ Богѣ и для Бога, отверженіе себя,—вотъ что совершенно искренно представляется конечною цѣлью существованія, недостижимымъ блаженствомъ этимъ веселымъ, практическимъ мальчикамъ. Эта мысль не могла имъ быть навязана учителемъ, нимало не сочувствующимъ нашимъ современнымъ монастырямъ. Монастыря они и не видали. Они разумѣютъ тотъ таинственный, идеальный, неземной монастырь, который рисуется передъ ними въ разказахъ странниковъ, въ житіяхъ святыхъ, въ собственныхъ смутныхъ алканіяхъ ихъ души...

Осенью 1876 г., ко мнѣ явился двадцатилѣтній юноша, безземельный сирота, ужъ грамотный, умоляя меня принять его въ число моихъ учениковъ. Въ то время моя школа не была еще переполнена. Я позволилъ ему поселиться въ ней, возложивъ на него нѣкоторыя обязанности по школьному хозяйству, надзору за учениками, и т. д. Радости его не было конца, и онъ съ жаромъ принялся за ученіе. Его ровный и веселый характеръ, горячее участіе, съ которымъ онъ вошелъ во всѣ интересы школы, въ нѣсколько дней сдѣлали изъ него общаго любимца.

Приближался наборъ, надвигалась Восточная война, въ неизбѣжности которой никто въ крестьянскомъ мірѣ не сомнѣвался. Всѣ разговоры вертѣлись около этой предстоящей войны. Мой Иванъ Самсоновъ съ радостію готовился къ слишкомъ вѣроятному поступленію на военную службу. Но не надежда отличиться на этой войнѣ, не великое значеніе ея, которое онъ вполне понималъ, одушевляли его, а *надежда быть убитымъ* на этой войнѣ, искренняя и радостная надежда. Въ ноябрѣ онъ вынулъ жребій и попалъ въ войска, расположенныя въ Варшавскомъ военномъ округѣ. Я часто получалъ отъ него письма, исполненныя возрастающаго нетерпѣнія. По объявленіи войны, это нетерпѣніе достигло крайнихъ предѣловъ, и онъ задумалъ *блжзатъ* въ ряды дѣйствующей арміи, но къ счастію, предварительно обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Скоро его желанія сбылись. Его полкъ двинули къ Дунаю. «Наконецъ», писалъ онъ, «мнѣ удастся омыть своею кровью мое грѣшное тѣло». Затѣмъ послѣдовало лишь нѣсколько печальныхъ строкъ изъ-подъ Плевны... До сихъ поръ не знаю, когда и какъ онъ погибъ.

Правъ ли я былъ, утверждая, что къ нашей сельской школѣ нельзя подойти съ одними отвлеченными педагогическими понятіями и приемами?

Все сказанное мною объ ученикахъ нашихъ школъ относится къ ученикамъ нормальнымъ, дѣтямъ порядливыхъ и болѣе или менѣе зажиточныхъ крестьянъ, которые одни до сихъ поръ пользуются у насъ ученіемъ. Но кромѣ ихъ, въ составъ учащихся въ сельской школѣ входятъ и другіе элементы: дѣти причетниковъ, служащихъ при господскихъ усадьбахъ, бездомныя сироты, обучающіеся и живущіе при школахъ на средства добрыхъ людей, дѣти сельскихъ торгашей и кабатчиковъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ (весьма многочисленныхъ въ нашей мѣстности); наконецъ въ школѣ, въ которой я учу, дѣти Латышей-арендаторовъ, въ значительномъ числѣ поселившихся въ нашемъ приходѣ. Не стану

говорить въ отдѣльности о всякомъ изъ этихъ рядовъ учениковъ, вообще малочисленныхъ; но не могу не сказать нѣсколько словъ о двухъ изъ нихъ, представляющихъ особья затрудненія для учителя.

Истинную язву нашихъ сельскихъ школъ составляютъ дѣти торгашей и кабатчиковъ. Эта денежная аристократія нашихъ сельъ, ничего не дѣлающая для школъ *), отлично умѣетъ пользоваться ими для первоначальнаго обученія своихъ дѣтей, затѣмъ нерѣдко поступающихъ въ гимнази и городскія училища. Эти дѣти, выросшія въ кабацкѣ, въ праздности и относительной роскоши, въ атмосферѣ грязи и обмана, рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ учениковъ. Школа, въ которой они рѣдко живутъ, не въ силахъ перевѣсить тлетворныя вліянія домашняго очага. Ихъ сквернословіе, ихъ мерзкія шалости составляютъ грубый диссонансъ въ мирномъ строѣ сельской школы.

Менѣе испорчены, но также весьма затруднительны для учителя тѣ несчастныя дѣти, которыя попадаютъ въ школу послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нищенства. Очень трудно побѣдить въ нихъ привычку къ праздности, къ бродячей жизни, разные сопряженные съ нею дурные навыки. Число этихъ дѣтей пока еще весьма незначительно. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ касается нашей сельской школы общественная и частная благотворительность. Но обращаю вниманіе на этотъ незначительный контингентъ, потому что увеличеніе его крайне желательно. Тѣ печальныя послѣдствія, физическія и нравственныя, которыя влечетъ за собою раннее нищенство дѣтей,

*) Кабатчики впрочемъ нерѣдко съ великимъ шумомъ и трескомъ основываютъ школы. Это основаніе заключается въ пожертвованіи какой-либо негодной постройки и обѣщаніи дальнѣйшей поддержки, подъ условіемъ перенесенія волостнаго правленія въ сосѣдство кабака, принадлежащаго жертвователю. Крестьяне постоянно попадаютъ на эту удочку. Разумѣется, какъ только цѣль достигнута, всякая помощь школъ прекращается. Исключенія весьма рѣдки: мнѣ извѣстно только одно.

настоятельно указываютъ на необходимость предотвращать его помѣщеніемъ дѣтей въ школы, и изыскать нужныя для этого денежные средства.

Быть можетъ, дочитывая эту замѣтку, читатель заподозритъ меня въ излишнемъ пристрастіи къ ученикамъ сельской школы, спроситъ себя: не подкрашиваю ли я дѣйствительность, подбирая для ихъ характеристики черты исключительно свѣтлыя, симпатическія. Самъ задаю себѣ этотъ вопросъ, но по совѣсти долженъ отвѣчать на него отрицательно. Пусть вспомнитъ читатель, что до сихъ поръ мы въ сельскихъ школахъ имѣемъ дѣло съ дѣтьми лучшаго меньшинства нашего крестьянства. Дай Богъ, чтобы духъ, воцарившійся съ ними въ нашей сельской школѣ, не измѣнился и не заглохъ, а упрочился и развился.

Пусть вспомнитъ также читатель, что съ нимъ говоритъ не случайный посѣтитель, подкупленный веселымъ и бодрымъ видомъ школы, а учитель, проводящій въ ней всю свою жизнь. Зимой, онъ съ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера окруженъ семьюдесятью крестьянскими ребятами, въ будни и праздники. Этотъ учитель—человѣкъ больной и старый, избалованный инымъ образомъ жизни. Поручите ему, при тѣхъ же условіяхъ, столько же дѣтей того же возраста, самаго тщательнаго воспитанія, изъ самыхъ лучшихъ нашихъ семействъ,—и онъ черезъ недѣлю сошелъ бы съ ума. Физическое утомленіе, неизбежное при этомъ образѣ жизни, съ избыткомъ вознаграждается тѣмъ душевнымъ отдыхомъ, который онъ нашелъ на склонѣ лѣтъ и силъ,—такъ близко, такъ легко.

Да проститъ мнѣ читатель нескромность этого, чисто личнаго аргумента. Покоряюсь на его насмѣшку, если только мнѣ удалось возбудить въ немъ малѣйшее желаніе заглянуть въ этотъ скромный міръ, столь доступный и, какъ мнѣ кажется, столь мало еще знакомый нашему образованному обществу.

III.

Поговоривъ объ ученикахъ сельской школы, мнѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ ея учителяхъ. Будучи самъ однимъ изъ нихъ, прошу напередъ извиненія у читателей, если не смотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удастся удержаться при этомъ въ границахъ строгаго безпристрастія.

Учителя, подвизающіеся въ нашихъ официально признанныхъ сельскихъ школахъ, распадаются на три разряда, рѣзко отличающіеся между собою. Укажу на особенности каждаго изъ нихъ, въ порядкѣ появленія ихъ на поприщѣ сельскаго учительства.

Первый разрядъ, и по времени появленія, и по внутреннему достоинству, составляютъ молодые люди, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и готовящіеся къ священническому сану. Наша сельская школа не имѣетъ, и долго не будетъ имѣть, контингента учителей, болѣе солидно и многосторонне подготовленныхъ. Основательность ихъ свѣдѣній, въ особенности по русскому и церковнославянскому языку и по закону Божию, вполне вознаграждаетъ нѣкоторую недостаточность въ знакомствѣ съ приемами элементарнаго обученія. Эта недостаточность, впрочемъ, лишь относительная. Въ духовныхъ семинаріяхъ преподается педагогика, при нихъ существуютъ воскресныя школы для упражненія воспитанниковъ. На той ступени умственнаго развитія, которая достигается нашими семинаристами, всякій методъ преподаванія усваивается сознательно и легко. Громадное преимущество доставляетъ имъ также полное практическое знакомство съ богослуженіемъ и извѣстный навыкъ къ церковному пѣнію. Тѣ немногіе изъ нихъ, для которыхъ священство есть дѣло призванія, и многіе другіе, въ силу своей умственной зрѣлости относятся къ своему дѣлу добросовѣстно и серьезно. Привлеченіе ихъ къ дѣятельности въ сельской школѣ (черезъ особую, назначенную имъ стипендію) составляетъ дѣйствительную заслугу министерства народнаго просвѣщенія.

Но само собою разумѣется, что этотъ цѣнный контингентъ, при возрастающемъ количествѣ школъ, при повсемѣстномъ недостаткѣ въ священникахъ, совершенно исчезаетъ сравнительно съ потребностію въ учителяхъ. Рѣдкому изъ этихъ молодыхъ людей доводится провести въ должности учителя положенные закономъ три года: они только проходятъ черезъ сельскую школу и оставляютъ ее, не успѣвъ пріобрѣсти тотъ навыкъ, ту опытность, которые одни могли бы сдѣлать изъ нихъ безукоризненныхъ сельскихъ учителей.

Другой разрядъ нашихъ сельскихъ учителей, и самый многочисленный, составляютъ молодые люди, пріобрѣтающіе это званіе посредствомъ экзамена при гимназіяхъ, уѣздныхъ училищахъ, etc. Экзаменъ этотъ, относительно легкій, даетъ доступъ къ учительской должности всякому, кто способенъ ее исполнить въ предѣлахъ начерченныхъ официальной программой сельскихъ школъ. Молодые люди, сдающіе его, по большей части окончили курсъ въ уѣздномъ или духовномъ училищѣ, или не окончили его въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи. Какъ весьма рѣдкія исключенія, появляются между ними крестьяне обучавшіеся въ сельскихъ школахъ, и затѣмъ нашедшіе случай пополнить свои свѣдѣнія до уровня, требуемаго программой учительскаго экзамена. Такія учителя, если не ошибаюсь, встрѣчаются въ Тульской губерніи, въ сферѣ дѣятельности Ясно-Полянской школы графа Л. Н. Толстаго. Въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются они и въ Смоленской губерніи.

Само собою разумѣется, что общая характеристика этого разряда учителей невозможна: между ними встрѣчаются учителя отличные, посредственные и изъ рукъ вонъ плохіе, смотря по ихъ личнымъ свойствамъ, по той школѣ, которую они прошли до экзамена. Лишенные всякой теоретической педагогической подготовки, они вынуждены пользоваться пріемами той школы, изъ которой они вышли, подражать пріемамъ учителей болѣе опытныхъ, или оцущью созда-

вать себѣ собственные приемы, сообразно своимъ умственнымъ силамъ и матеріальнымъ средствамъ школы, въ которой они учатъ. Инспектора народныхъ училищъ, какъ уже сказано, по несоразмѣрной обширности своего круга дѣйствій, по множеству возложенныхъ на нихъ канцелярскихъ трудовъ, не имѣютъ физической возможности направить дѣятельность этихъ учителей, придать ей какое-либо методическое единство. Между тѣмъ, этотъ разрядъ учителей, постоянно возрастающій въ числѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Это пока единственные полноправные учителя, которые по карману нашимъ крестьянскимъ обществамъ, нашимъ волостямъ, нашимъ приходамъ. 'Эти люди, сознательно выбравшіе себѣ учительскую должность, иногда за неимѣніемъ лучшей, иногда по дѣйствительной склонности или призванію, напередъ знакомые съ ея болѣе чѣмъ скромною обстановкою, дорожащіе этою должностію, по меньшей мѣрѣ какъ своимъ единственнымъ, окончательнымъ ремесломъ, или какъ замѣною обязательной воинской повинности. Размноженіе этихъ учителей—плодъ дѣйствительной потребности, и притязанія ихъ нейдутъ далѣе дѣйствительно достижимаго.

Третій разрядъ нашихъ сельскихъ учителей составляютъ тѣ учителя *ex professo*, которые выходятъ изъ нашихъ учительскихъ семинарій. Количество ихъ возрастаетъ, но не такъ быстро, какъ можно было бы ожидать, по количеству этихъ заведеній. Прибыль ослабляется постоянно убылью, по причинамъ, которыя я тотчасъ изложу.

Наши учительскія семинаріи наполняются, съ одной стороны, молодыми крестьянами, окончившими курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, съ другой—юношами изъ всѣхъ прочихъ сословій. Причины, побуждающія ихъ поступать въ эти заведенія—разнообразны, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ между ними играетъ видную роль—сознательное желаніе поступающаго посвятить себя учительскому званію. Преобладающимъ мотивомъ со стороны родителей-кре-

стьянъ является тутъ смутное желаніе вывести своихъ дѣтей въ *господа*; со стороны родителей другихъ сословій—вполнѣ сознательное желаніе избавить своихъ дѣтей отъ воинской повинности и доставить имъ три года казеннаго содержанія и ученія, а затѣмъ—казенное мѣсто. Желających поступить въ учительскія семинаріи всегда больше, чѣмъ можно ихъ принять.

Эти юноши въ теченіи трехъ лѣтъ проходятъ тотъ многосложный курсъ ученія, программа котораго подробно изложена на страницахъ «Руси», въ статьѣ г. Николаевскаго. Самое поверхностное усвоеніе такого курса въ столь краткое время стѣдуетъ не малаго труда. О серьезномъ, дѣйствительномъ усвоеніи не можетъ быть и рѣчи. Особенно печально отражается это несоотвѣтствіе между содержаніемъ курса и его продолжительностію на усвоеніи самыхъ основныхъ предметовъ—русскаго и математики. Но кромѣ массы отрывочныхъ полужнаній, воспитанники учительской семинаріи приобрѣтаютъ въ ней еще нѣчто другое. Крестьянскаго парня, проведеннаго въ ней три года, невозможно узнать. Общество юношей иныхъ сословій, нѣмецкое платье, французскія танцы, быстрое усвоеніе всѣхъ *внѣшнихъ* признаковъ образованности, столь соблазнительное для впечатлительной, художественно-подражательной русской природы, неизбѣжно и безповоротно переводятъ его въ разрядъ *господъ* (въ крестьянскомъ смыслѣ этого слова). Онъ вполнѣ отпадаетъ отъ крестьянской среды, и, поступивши на мѣсто, вдали отъ своей родины, прямо примыкаетъ къ среднему слою сельскаго общества, состоящему изъ духовенства, небогатыхъ помѣщиковъ, кабатчиковъ и деревенскихъ кулаковъ. Въ этомъ кругу онъ является образованнымъ, всюду желаннымъ и приглашаемымъ кавалеромъ, затмѣвающимъ недоучившихся барчуковъ и тяжеловатыхъ, робкихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Его преподаваніе, по новымъ методамъ, имѣющимъ свои достоинства, но мало отношенія къ потребностямъ сельской школы, строгій порядокъ и благообразіе, водворенные имъ въ училищѣ, приводятъ

въ восхищеніе мѣстную интеллигенцію, обезпечиваютъ ему одобреніе вѣчно торопящагося учебнаго начальства.

Между тѣмъ, столь выгодное общественное положеніе, укрѣпляющее его въ высококомъ мнѣніи о себѣ, вынесенномъ изъ семинаріи,—имѣетъ свою весьма существенную оборотную сторону: скудость матеріальныхъ средствъ—повсемѣстную принадлежность нашей сельской школы. Его жалованье, превышающее жалованье прочихъ учителей (воспитанникамъ семинарій достаются лучшія мѣста), все-таки слишкомъ мало, и на улучшеніе въ этомъ отношеніи не имѣется надеждъ. Это жалованье, при полубарскомъ его образѣ жизни, не даетъ ему возможности откладывать на черный день, не даетъ права рассчитывать на женитьбу въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращается. Отсюда быстро развивающееся недовольство своимъ положеніемъ, желаніе улучшить его во что бы ни стало. Первымъ, ближайшимъ выходомъ является поступленіе въ учительскій институтъ, сулящее впереди лучше обезпеченное мѣсто городского учителя, сопричисленіе къ служебному чиновначалію, возможность безграничной карьеры... Но всѣмъ воспитанникамъ учительскихъ семинарій нѣтъ возможности поступать въ учительскіе институты; это—удѣлъ немногихъ счастливицевъ. Остальные вынуждены искать инаго выхода и рано или поздно его находятъ. Бойкій и грамотный молодой человекъ, примкнувшій къ средѣ *господъ* и купцовъ, всегда найдетъ себѣ положеніе менѣе тягостное, чѣмъ положеніе сельскаго учителя, съ вознагражденіемъ не въ примѣръ бѣльшимъ. Внѣшній лоскъ, приобретаемый въ учительскихъ семинаріяхъ, несомнѣнно приноситъ пользу ихъ воспитанникамъ, но не учебному дѣлу.

Конечно, есть исключенія. Есть воспитанники учительскихъ семинарій, съ любовью погружающіеся въ свое дѣло и поэтому довольствующіеся его скромною обстановкою, тщательно пополняющіе собственнымъ трудомъ пробѣлы, оставленные въ ихъ образованіи

учительскою семинарією, вырабатывающіе изъ себя превосходныхъ, прочныхъ сельскихъ учителей. Но такіе молодые люди поступаютъ въ семинарію лишь случайно. Поступленіе въ нее опредѣляется въ весьма раннемъ возрастѣ. Двухклассныя сельскія училища, главные, почти единственные разсадники семинаристовъ изъ крестьянъ (а они должны считаться нормальными воспитанниками семинаріи), не имѣютъ права оставлять при себѣ для приготовленія въ эти заведенія мальчиковъ старше 16 лѣтъ. Въ эти лѣта угадать призваніе трудно—да и некому на это обратить вниманіе.

Все это въ высшей степени не нормально, и должно измѣниться... Но не хочу прерывать мою характеристику настоящаго предположеніями о будущемъ.

Всѣмъ извѣстно, что кромѣ нашихъ официальныхъ, регистрованныхъ училищъ, находящихся и подъ номинальнымъ контролемъ разныхъ лицъ и учреждений, у насъ существуетъ сельская школа, ускользающая отъ всякаго контроля, отъ всякой статистики, школа предшествовавшая учрежденію нашихъ правильныхъ училищъ, и продолжающая дѣйствовать наряду съ ними. Эта чисто-деревенская школа заключается въ наймѣ жителями какой-либо деревни грамотея, переходящаго изъ дома въ домъ и обучающаго дѣтей этой деревни. Школы этого рода, на которыя до сихъ поръ смотрѣли съ пренебреженіемъ, почти враждебно, наши ревнители просвѣщенія, начинаютъ обращать на себя то вниманіе, котораго онѣ вполне заслуживаютъ. Слышатся даже голоса, указывающіе на нихъ, какъ на единственную нормальную форму сельской школы въ Россіи.

Не впадая въ эту крайность, мы должны признать, что эти самородныя школы сильно способствуютъ распространенію грамотности въ Россіи, той элементарной, но прочной грамотности церковнаго характера, которая соответствуетъ пробуждающейся потребности нашихъ крестьянъ въ образованіи. Онѣ

имѣютъ предъ школами волостными и приходскими то грамадное бытовое преимущество, что не отрываютъ своихъ учениковъ отъ семьи. Онѣ, что бы ни говорили наши записные педагоги, составляютъ могучее подспорье правильной школы, облегчая ея трудъ, сокращая въ ней срокъ ученія.

Но было бы ошибочно думать, что онѣ могутъ вполне замѣнить эту правильную школу. Это видно уже изъ того, что вездѣ, гдѣ существуетъ дѣйствительно хорошая волостная или приходская школа, деревенскія школы въ ея окрестностяхъ исчезаютъ.

Но исчезаютъ онѣ, я въ этомъ убѣжденъ, только для того, чтобы въ ближайшемъ будущемъ возродиться въ новомъ, улучшенномъ видѣ. На мѣсто разныхъ проходимцевъ, занимающихся теперь ремесломъ обученія ребятъ, станутъ грамотные крестьяне тѣхъ же деревень, ученики приходской школы, дѣйствующие въ ея духѣ и подъ ея руководствомъ. Онѣ составятъ нѣчто въ родѣ параллельныхъ классовъ низшихъ отдѣленій этой школы, подчасъ и старшихъ. Лишь этимъ путемъ, какъ я постараюсь показать ниже, можетъ быть достигнуто, въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, поголовное обученіе крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Мысль эта—не новая. Она уже была выражена, съ полною отчетливостію и ясностію, гр. Л. Н. Толстымъ, въ его замѣчательной брошюрѣ о народномъ образованіи. Ту же мысль, не въ столь опредѣленной формѣ, высказывалъ и покойный О. М. Достоевскій.

Но и въ теперешнемъ ихъ состояніи, эти деревенскія школки заслуживаютъ сочувствія и поощренія. Ихъ часто весьма плохіе учителя, имѣя дѣло съ небольшимъ числомъ учениковъ, вынужденные постояннымъ контролемъ родителей къ усиленной дѣятельности, по этому самому достигаютъ результатовъ замѣчательныхъ, по какому бы методу они ни вели свое преподаваніе. Встрѣчаются между ними и люди весьма умные и талантливые, доведенные пьянствомъ и распутствомъ до скитальческой жизни. Само собою

разумѣтся, что примѣръ ихъ не полезень дѣтямъ, не способенъ внушить родителямъ высокаго мнѣнія о благахъ образованія. Но за то всякое опасеніе какой-либо неблагонадежности, политической или религіозной—тутъ невозможно: контроль имѣется полный, единственно дѣйствительный, существующій въ Россіи...

Таковы учителя, которыми нынѣ располагаетъ наша сельская школа. Читатель видитъ, что они оставляютъ желать многого, что типъ русскаго сельскаго учителя еще далеко не выработался. Тѣмъ не менѣе уже теперь, исключительныя условія нашей сельской школы налагаютъ на ея учителя особый отпечатокъ. Если онъ человѣкъ по личнымъ качествамъ достойный своего званія, если это званіе не есть только ремесло, навязанное ему случайными обстоятельствами,—онъ неминуемо беретъ на себя нелегкій трудъ приладиться къ этимъ тяжкимъ, своеобразнымъ условіямъ, чтобы извлечь изъ нихъ какую-либо пользу для своихъ учениковъ. Эти ученики поручены ему на краткій срокъ, но за то у него подъ руками съ утра до вечера. Чтобы добиться какого-либо результата, онъ волею-неволею долженъ умножить число классныхъ занятій, или придумать для дѣтей полезныя занятія внѣ классовъ. Отношенія его къ ученикамъ становятся живѣе, ближе, чѣмъ въ школѣ, дѣйствующей только въ опредѣленные часы. Сила вещей заставляетъ его заботиться о многомъ другомъ, кромѣ успѣховъ этихъ учениковъ въ ариметикѣ и чистописаніи. Его затягиваетъ дѣло, по самой своей жизненной сложности, и онъ привязывается къ нему навсегда, если онъ склоненъ къ нему достаточно, чтобы не отказаться отъ него послѣ нѣсколькихъ лѣтъ настойчиваго, слабо вознаграждаемаго труда.

Но однимъ учителемъ не исчерпываются учебныя силы школы. Рядомъ съ нимъ, во всякой школѣ, заслуживающей названіе нормальной, дѣйствуетъ законоучитель-священникъ.

Читателю тотчасъ приходитъ на умъ повторяемые на всѣ лады и, къ сожалѣнію, отчасти справедливыя упреки нашему сельскому духовенству за его якобы полное равнодушіе къ дѣлу сельской школы.

Да, эти упреки справедливы, но они преувеличены. Изъ среды нашего сельскаго духовенства рѣзко выдѣляется постепенно возрастающее меньшинство священниковъ, беззавѣтно преданныхъ дѣлу народнаго образованія, видящихъ въ немъ необходимое дополненіе своей пастырской дѣятельности. Благо той школѣ, которая обладаетъ такимъ законоучителемъ! Она не умретъ, какія бы ее ни постигли виѣшнія и внутреннія невзгоды. Она пуститъ и глубокіе корни, и широкія вѣтви.

По самому свойству нашей сельской школы, священникъ, принимающій къ сердцу ея преуспѣяніе, пріобрѣтаетъ въ ней кругъ дѣятельности несравненно болѣе широкій, чѣмъ простое преподаваніе Закона Божія. Онъ раздѣляетъ или беретъ на себя труды учителя по преподаванію церковно-славянскаго языка. Обладая, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, несравненно болѣе солидными и обширными познаніями, чѣмъ учитель *), онъ имѣетъ благотворное вліяніе и на всѣ прочія отрасли преподаванія, ибо, если онъ искренно преданъ школьному дѣлу, онъ человекъ не притязательный и скромный, какъ всѣ наши хорошіе священники, щадящій самолюбіе своего младшаго товарища.

Но еще важнѣе воспитательное вліяніе священника на школу. Урокъ закона Божія, этотъ любимый урокъ нашихъ учениковъ, исходя изъ устъ любимаго священника, учащаго своею жизнію, пріобрѣтаетъ громадную силу, помимо тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя въ немъ сообщаются. Священ-

*) Обратное отношеніе можетъ встрѣтиться лишь въ томъ случаѣ, когда учитель также окончилъ курсъ въ духовной семинаріи.

никъ, и внѣ классовъ слѣдящій за жизнью учениковъ, оторванныхъ отъ семьи, приходящій въ ихъ бѣдныя жилища на утреннюю и вечернюю молитву, входящій въ ихъ маленькія горести, въ ихъ горькія нужды,—дѣлаетъ больше и лучше, чѣмъ самый искусный преподаватель. Онъ придаетъ смыслъ этой насильственной жизни дѣтей вдали отъ роднаго дома, подъ сѣнію церкви. Онъ завязываетъ съ своею паствою тѣ неразрывныя связи, которыя однѣ даютъ прочность и дѣйственную силу его школьнымъ ученіямъ. Хорошій священникъ — душа школы; школа—якорь спасенія для священника. Все это не предположенія, не благія пожеланія, а краткая отповѣдь моихъ личныхъ наблюденій.

И при всемъ томъ, упрекъ нашему духовенству въ равнодушіи къ школѣ, этотъ страшный упрекъ, заставляющій многихъ сомнѣваться въ нормальности и жизненности нашей сельской школы, въ жизненности самой нашей церкви,—въ общемъ и цѣломъ не теряетъ своей силы. Гдѣ искать причинъ этого прискорбнаго, подавляющаго явленія?

Оглянемся на себя! Вспомнимъ хоть на мгновение, что мы не католики, что въ церковныхъ вопросахъ мы не имѣемъ права отдѣлять себя въ качествѣ безсильныхъ, ни за чтò не отвѣтственныхъ мірянъ, отъ непрогрѣшаемаго, всѣмъ управляющаго клира. Вѣдь церковь—это также мы; въ вопросахъ образованія и ученія, это преимущественно мы, люди досуга и знанія, надѣленные и временемъ, и данными для оцѣнки неизмѣримой важности этихъ вопросовъ. Будемъ откровенны, будемъ искренни. Для многихъ ли изъ насъ вопросы вѣры—вопросы жизни? Принялъ ли хоть одинъ изъ насъ на себя эту должность священника, о важности и святости которой мы такъ охотно толкуемъ? Чтò я говорю! Многіе ли изъ насъ пошевелинутъ пальцемъ, чтобы имѣть въ своемъ приходѣ достойнаго священника, чтобы удержатъ его въ немъ? Многіе ли изъ насъ смотрятъ на религіозный элементъ въ школѣ, какъ на самую ея

сутъ, а не какъ на благовидный, безвредный придатокъ?

И мы жалуемся на то, что священники наши плохи, что вліяніе ихъ на нашу школу ничтожно!

Да, священники наши плохи. Наше духовенство чахнетъ и гибнетъ, гибнетъ медленно, позорною смертію, похожею на самоубійство. Долго замкнутое въ строгую касту, оно постоянно выдѣляло и продолжаетъ выдѣлять изъ себя всё живыя силы, сохраняя въ своихъ нѣдрахъ лишь элементы слабые и косные, да тѣ немногія сильныя личности, въ которыхъ случайно призваніе совпало съ рожденіемъ. Нынѣ замкнутость духовнаго сословія уничтожена закономъ. Двери настежь (онѣ и прежде всегда бы раскрылись передъ твердою волею, передъ искреннимъ призваніемъ), но никто въ нихъ не входитъ. Кто же въ этомъ виновать?

Легко сослаться на Петровскія реформы, на цѣлый рядъ правительственныхъ постановленій, облекшихъ нашу церковь въ мертвящія формы казеннаго вѣдомства. Но все это еще не корень зла, а вопіющій его признакъ. Надъ живою церковью никакое правительство въ мірѣ не властно; зло не въ мѣрахъ правительства, а въ медленномъ, постепенномъ, по большей части безсознательномъ отпаденіи отъ церкви всего, что у насъ есть образованнаго, богатаго, властнаго. Дивиться ли тому, что это отпаденіе, у людей образованныхъ обставленное всёми приличіями сдержанной недосказанности, въ подражающей имъ полубразованной массѣ выражается безобразнымъ кощунствомъ или грубымъ лицемѣріемъ? Дивиться ли приниженному матеріально и нравственно положенію нашего духовенства, въ свою очередь выталкивающему изъ него, почти поголовно, всё силы, которыя могли бы поднять его нравственный уровень, его нравственный авторитетъ? Полу-робкому, полу-раздраженному отношенію его къ школѣ, водворяемой въ нашихъ селахъ этимъ нецерковнымъ, или даже противуцерковнымъ элементомъ нашего общества?

Тому, что у насъ попадаются священники, вовсе не понимающіе значенія церкви для школы и школы для церкви? Тому, что большинство изъ нихъ выжидаетъ, чтобы искренность настояній на ихъ участіи въ школьномъ дѣлѣ выразилась хотя бы назначеніемъ имъ какого-либо вознагражденія за ихъ учительскіе труды? *) Что священникъ, *только для виду* приглашаемый въ школу, *только для виду* исполняетъ въ ней свои обязанности?

Дивиться нужно скорѣе тому, что у насъ встрѣчаются сельскіе священники, и число ихъ не мало, въ тишинѣ и смиреніи совершающіе свое святое дѣло, за которое никто никогда не скажетъ имъ спасибо.

Это печальное положеніе продлится до тѣхъ поръ, пока не измѣнится отношеніе къ церкви нашихъ образованныхъ классовъ, и пока эти классы будутъ задавать тонъ нашей сельской школѣ. Тутъ не могутъ никакіе министерскіе циркуляры, никакія архипастырскія увѣщанія. Лишь созданіе въ большинствѣ грамотнаго, сознающаго свои вещественныя и духовныя нужды крестьянства можетъ, въ числѣ тысячи противорѣчій нашей общественной жизни, разрѣшить и тотъ узелъ, который до сихъ поръ связываетъ нормальное развитіе нашей сельской школы, и это созданіе неминуемо совершится, даже помимо

*) Нѣкоторыя земства, рѣшившіяся наконецъ прибѣгнуть къ этому средству для привлеченія священниковъ къ законоучительству въ сельской школѣ, счумѣли обставить его крайне стѣснительными и непрактическими условіями. Священнику выдается почасная плата, по аттестаціи учителя. Впервыхъ, этимъ напередъ ставится предѣлъ его школьной дѣятельности. Вотъ-рыхъ, слѣдуетъ вспомнить, что учитель—нервдко мальчишка, исключенный изъ средняго учебнаго заведенія за неспособность усвоить правила элементарной орфографіи—но читающій газеты, налитанный *передовыми* идеями, считающій долгомъ, по примѣру старшихъ, относиться къ священнику, передъ которымъ онъ совершенный неучъ, съ высококомѣрнымъ презрѣніемъ и канцелярскою придирчивостію. Само собою разумѣется, что этою организаціею священникъ отталкивается отъ школы.

всякихъ официальныхъ школъ, въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній. Оно же и оживить нашу церковь наплывомъ новыхъ силъ въ наше духовенство, могучею поддержкою тѣхъ добрыхъ элементовъ, которые въ немъ уцѣлѣли.

Положеніе нашей церкви опасно. Опасно оно не для самой церкви—ея побѣдоносная жизненность проявляется и теперь для всякаго, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать. Оно опасно для тѣхъ, которое отъ нея отпали. Не тайнымъ ли сознаниемъ этой опасности объясняется позорное равнодушіе нашей интеллигенціи къ дѣлу образованія нашего народа, ея торопливая жажда захватить внѣшнюю власть, за неимѣніемъ внутренней?

Спасти эту интеллигенцію отъ гибели, которую она себѣ готовитъ, могутъ только дружныя усилія людей мыслящихъ и вѣрующихъ, неустанная ихъ работа на почвѣ церкви, на почвѣ школы. Медлить невозможно. Предостереженій было довольно.

IV.

Перехожу къ внѣшней организаціи школьнаго дѣла въ нашихъ деревняхъ и селахъ, и къ его матеріальной обстановкѣ.

Въ этомъ отношеніи наши сельскія училища представляютъ крайнее разнообразіе. У насъ существуютъ училища министерскія, содержаніе которыхъ почерпается изъ Государственнаго Казначейства при значительной прибавкѣ изъ мѣстныхъ средствъ; училища земскія, въ содержаніи которыхъ въ большей или меньшей мѣрѣ участвуютъ мѣстныя крестьянскія общества—волости или приходы; училища волостныя и приходскія, пользующіяся болѣе или менѣе щедрою поддержкою отъ земства; наконецъ училища, исключительно или преимущественно содержимыя на средства частныхъ лицъ. Училища, обезпеченныя принадлежащимъ имъ капиталомъ, составляютъ весьма рѣдкое исключеніе. Денежная помощь, оказы-

ваемая Государственнымъ Казначействомъ сельскимъ школамъ не министерскимъ, совершенно ничтожна.

Это разнообразіе отрадно и поучительно. Оно свидѣтельствуетъ о сильной потребности въ элементарномъ образованіи, изъискивающей всё средства для своего удовлетворенія; оно даетъ намъ возможность исподоволь собирать данныя для будущей, окончательной организациі нашего школьнаго дѣла.

Прежде всего, конечно, нужно сказать нѣсколько словъ объ училищахъ министерскихъ: они именуются образцовыми и предназначены служить типомъ для всѣхъ прочихъ сельскихъ училищъ.

Такимъ высокимъ назначеніемъ этихъ учебныхъ заведеній, конечно, объясняется ихъ чрезвычайная дороговизна. Учреждаются они не иначе, какъ при пожертвованіи подъ училище десятины земли и при ежегодномъ взносѣ, изъ мѣстныхъ средствъ, не менѣе 400 р., суммы достаточной для содержанія, безъ всякаго участія министерства, вполне благоустроеннаго училища, находящагося въ вѣдѣніи и подъ контролемъ жертвователей. Учрежденіе двухкласснаго училища требуетъ еще большихъ пожертвованій отъ мѣстнаго населенія. Эти издержки были бы, разумѣется, ничтожны, если бы въ министерскихъ училищахъ мы имѣли передъ собою образцы, которымъ было бы желательно и возможно подражать.

У насъ существуютъ сельскія министерскія училища двухклассныя и одноклассныя. Первые образцами служить не могутъ, ибо открывать двухклассныя училища не министерскія не разрѣшается. Подражаніе однокласснымъ министерскимъ училищамъ не желательно.

Основаны эти училища въ предположеніи, что ученіе въ сельской школѣ можетъ продолжаться большую часть года, прерываясь совершенно лишь на шесть недѣль. Курсъ въ этихъ училищахъ трехлѣтній. Въ первые два года полагается по три часа уроковъ въ день, въ третій—по четыре. Но дѣйствительное учебное время у насъ обнимаетъ семь мѣся-

цевъ (отъ 1 Октября по 1-ое Мая), изъ коихъ выпадаетъ одинъ мѣсяцъ на Святки, Страстную и Святую недѣлю *). Въ такіе сроки и при такомъ количествѣ учебныхъ часовъ, сообщить ребенку среднихъ способностей прочную грамотность не возможно. Изъ министерскихъ училищъ исключены дѣвочки, которымъ удастся врываться въ прочія, не образцовыя школы. Это обстоятельство не можетъ внушать сочувствія къ образцовымъ. Наконецъ, въ министерскомъ училищѣ учить воспитанникъ учительской семинаріи, совершенно отчужденный отъ родителей своихъ учениковъ, совершенно отъ нихъ независимый, человекъ казенный, не вѣдающій инаго надзора, инаго контроля, какъ со стороны учебнаго начальства, не имѣющаго физической возможности, сверхъ обязательнаго пріѣзда на торопливый экзамень, посѣтить училище болѣе одного раза въ годъ. Представляютъ ли эти данныя какое-нибудь ручательство въ успѣхѣ? Не нужно ли, напротивъ, стеченіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ для того, чтобы ученіе, организованное такимъ образомъ, давало какіе-либо ощутимые результаты?

Да, подражаніе нашимъ образцовымъ училищамъ не желательно. Не желательно и ихъ размноженіе. Та доля пользы, которую они несомнѣнно приносятъ, указывая намъ, какъ не слѣдуетъ устраивать сельскую школу, служа, какъ говорятъ Нѣмцы, als abschreckendes Beispiel **), вполне достигается наличнымъ ихъ числомъ.

Несравненно нормальнѣе поставлено дѣло въ тѣхъ нашихъ училищахъ, по которымъ издержки и контроль дѣлятся между земствомъ и мѣстными крестьянскими обществами. Положеніе ихъ пока тѣмъ нормальнѣе, чѣмъ болѣе большая доля издержекъ падаетъ на мѣстное общество, чѣмъ болѣе большая доля контроля,

*) Это время можетъ быть увеличено на одинъ мѣсяцъ, но лишь для дѣтей болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей.

**) Устрашающимъ примѣромъ.

по этому самому, имъ принадлежитъ. Дѣйствительно, при нынѣшнемъ слишкомъ недостаточномъ числѣ сельскихъ училищъ, значительное расширеніе издержекъ земства на народное образованіе едва ли желательно и справедливо. Десятокъ другой училищъ, разбросанныхъ по цѣлому уѣзду, приносятъ пользу развѣ сотой части его населенія: нѣтъ основанія разлагать издержки по содержанію этихъ училищъ на всѣхъ плательщиковъ земскаго сбора. Съ другой стороны, чѣмъ незначительнѣе доля денежнаго участія мѣстнаго общества въ содержаніи училища, тѣмъ, разумѣется, слабѣе его вліяніе на нее, его контроль надъ нимъ, тѣмъ меньше шансовъ на его улучшеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ на усиленіе его матеріальныхъ средствъ. Контроль же земства, при нашихъ разстояніяхъ, при бѣдности нашихъ училищныхъ совѣтовъ людьми преданными дѣлу народнаго образованія и обладающими педагогическою опытностію, по необходимости весьма слабъ и поверхностенъ, и не можетъ быть усиленъ соразмѣрно съ увеличеніемъ денежныхъ тратъ земства на содержаніе школъ.

Это обстоятельство такъ важно, что быть-можетъ требуетъ болѣе точнаго разъясненія. Наши сельскія училища до сихъ поръ крайне бѣдны, и этимъ затрудняется привлеченіе въ нихъ хорошихъ учителей. Эта бѣдность зависитъ отъ того, что земства, по вышеизложеннымъ причинамъ, не могутъ тратить на нихъ значительныхъ суммъ, а крестьянскія общества, на *первыхъ порахъ*, облагаютъ себя на содержаніе школы въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ,—огромное же большинство нашихъ сельскихъ училищъ существуетъ съ весьма недавняго времени. Тѣ же самые крестьяне готовы заплатить каждый въ десять разъ больше учителю, который училъ бы ребятъ въ ихъ деревнѣ. Зажиточный крестьянинъ нерѣдко платитъ и въ сто разъ больше грамотѣю, котораго онъ нанимаетъ для обученія своихъ дѣтей. Количество денегъ, тратимое крестьянами на этотъ

предметъ, уже теперь было бы достаточно, чтобы содержать въ каждомъ приходѣ порядочную школу.

Причина этого явленія вполне понятна. Чѣмъ болѣе родители чувствуютъ себя хозяевами въ обученіи своихъ дѣтей, чѣмъ менѣе предвидится по этому предмету дополнительныхъ хлопотъ и издержекъ, тѣмъ болѣе они расположены жертвовать на этотъ предметъ. Отсюда, на первыхъ порахъ, предпочтеніе, оказываемое ими деревенской школѣ передъ приходскою, приходскою—передъ волостною. Трудно брать на себя поголовный, равномерный взносъ на совершенно неравномерное удовлетвореніе одной и той же потребности. Имѣть школу въ верстѣ, или въ двадцати верстахъ отъ своего дома—двѣ вещи совершенно разныя. Понятно, что такой взносъ, при возникновеніи новой школы, въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть значителенъ.

И при всемъ томъ, этотъ взносъ возрастаетъ вездѣ, гдѣ является школа, сколько-нибудь достойная своего имени. Вездѣ, гдѣ является умѣлый и усердный учитель, гдѣ имѣется священникъ, радѣющій о школѣ, возрастаніе это происходитъ быстро и достигаетъ той цифры, при которой незначительная помощь отъ земства совершенно достаточна для исправнаго веденія дѣла. Тамъ, гдѣ крестьяне имѣютъ возможность поручить выборъ учителя и призоръ за училищемъ лицу, пользующемуся ихъ довѣріемъ, они и при основаніи училища готовы обложить себя гораздо болѣе значительнымъ взносомъ.

Все это вполне разумно, вполне законно. Но при этомъ естественно возникаетъ вопросъ о той сельской единицѣ, къ которой на практикѣ всего удобнѣе приурочивать наши училища, о томъ кругѣ дѣйствія, достаточно обширномъ, чтобы обезпечить ихъ матеріально, достаточно тѣснымъ, чтобы заинтересовать родителей возможностью контроля, — который для этихъ училищъ желателенъ.

У насъ до сихъ поръ преобладаютъ два типа сельскихъ училищъ: негласная, совершенно частная

деревенская школка и официально признанное, пользующееся надзоромъ отъ правительства и поддержкою отъ земства волостное училище, возникшее по инициативѣ того же земства, дѣятельнаго волостнаго старшины или ближайшихъ къ волостному правленію деревень.

Всякому ясно, что наша сѣверная деревня—единица слишкомъ мелкая, слишкомъ бѣдная матеріальными и умственными силами, чтобы создать себѣ удовлетворительную школу. Деревенская школка, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ повести своихъ учениковъ далѣе голой грамотности церковнаго характера, къ тому же недостаточно осмысленной. Она драгоценна, она въ ближайшемъ будущемъ станетъ необходимою, какъ подспорье, какъ дополнение къ школѣ болѣе совершенной, но дальнѣйшее самостоятельное развитіе ея почти невозможно.

Но для всякаго, кто близко стоитъ къ школьному дѣлу, столь же ясно, что по отношенію къ этому дѣлу, волость—единица слишкомъ крупная, слишкомъ искусственная, и должна быть замѣнена единицею болѣе тѣсною, болѣе органическою, а именно—приходомъ *). Эта замѣна кое-гдѣ начинается совершаться на практикѣ. Не стану тутъ касаться вопроса о правахъ прихода на значеніе основной единицы земской. Въ этомъ вопросѣ не считаю себя компетентнымъ. Но тѣмъ съ болѣею настойчивостью считаю себя въ правѣ утверждать, что въ знакомомъ мнѣ дѣлѣ сельской школы приходъ, а не волость, есть та единица, которая для этого дѣла представляетъ прочную, надежную почву.

Чтобы предварительно освоиться съ внѣшнею стороною вопроса, прошу только читателя принять въ соображеніе, что число дѣтей школьнаго возраста

*) Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, въ которыхъ, по мысли Положенія 19 Февраля, волость совпадаетъ съ приходомъ, соединены самыя выгодныя условія для веденія школьнаго дѣла. Но такіе приходы страдаютъ слишкомъ значительнымъ объемомъ.

составляетъ приблизительно 10% всего населенія; что населеніе нашихъ волостей считается тысячами, а населеніе нашихъ приходовъ—сотнями; что школа при одномъ учителѣ, можетъ взятыя за дѣло съ десятками учениковъ, а съ сотнями справиться не можетъ.

Да будетъ мнѣ позволено пояснить эти слишкомъ общія соображенія частнымъ примѣромъ. Волость, въ которой я живу, считаетъ около 4000 душъ крестьянскаго населенія обоого пола. Это волость, по нашимъ условіямъ—средняя. Распадается она на три прихода, также среднихъ и почти равныхъ, съ населеніемъ отъ 1300 до 1400 душъ. Предполагая курсъ ученія четырехлѣтнимъ, мы имѣемъ въ нихъ дѣло съ 400 дѣтей—отъ 130 до 140 дѣтей на каждый приходъ. (Это цифры дѣйствительныя, а не выведенныя изъ общихъ соображеній.) Каждый изъ трехъ приходовъ имѣетъ школу и во всѣхъ трехъ школахъ вмѣстѣ обучается отъ 140 до 150 дѣтей. Въ настоящее время потребность въ обученіи удовлетворена. Но мы можемъ предвидѣть время, когда этихъ трехъ школъ не хватитъ. Возьмемъ предѣльное число, 130 или 140 учениковъ на школу. При такомъ наплывѣ, приходская школа можетъ удѣлать каждому ученику только два года, а остальные два года (первые) онъ долженъ обучаться въ школѣ деревенской—и такой порядокъ вполне совмѣстимъ съ успѣхомъ дѣла. Я предположилъ случай крайній, невѣроятный *). Но и въ этомъ случаѣ приходская школа, и *только* приходская, какъ увидимъ ниже, можетъ исполнить свое дѣло.

Замѣчу притомъ, что въ упомянутой волости ощущается крайняя нужда въ выдѣленіи нѣкоторыхъ деревень изъ всѣхъ трехъ приходовъ въ особый, самостоятельный приходъ. Возникновеніе этого новаго прихода, и устройство при немъ школы, разумѣется, значительно упростило бы дѣло.

*) Этотъ критическій моментъ впрочемъ приближается для одной изъ упомянутыхъ школъ.

Представимъ себѣ одно училище на всю эту волость. Оно бы уже теперь было недостаточно—не говоря о будущемъ.

Слѣдуетъ вспомнить, съ другой стороны, что наши волости—единицы новыя, подлежащія безпрестаннымъ видоизмѣненіямъ и перекройкамъ, что до сихъ поръ онѣ успѣли установить между своими членами лишь весьма слабую внѣшнюю связь; что ихъ центръ безпрестанно переносится съ мѣста на мѣсто, по волѣ всеильныхъ заправителей сельскаго самоуправленія—деревенскихъ кабатчиковъ; что школа при волостномъ правленіи, т. е. при кабакѣ, есть положительное зло. Слѣдуетъ вспомнить также, что наши приходы сложились вѣками, въ силу географическихъ условій и духовныхъ нуждъ населенія, что ихъ вѣковое существованіе установило между входящими въ ихъ составъ деревнями преимущественную нравственную связь, поддерживаемую общеніемъ въ молитвѣ, въ заботахъ о благолѣпіи храма, обычаемъ родственныхъ союзовъ; что наконецъ приходъ есть единственная у насъ мелкая единица всесословная, включающая въ себѣ людей всѣхъ степеней богатства и образованія.

Не стану отрицать, что объемъ и распредѣленіе нашихъ сельскихъ приходовъ представляетъ значительныя ненормальности. На многихъ изъ нихъ остались слѣды крѣпостнаго права въ видѣ произвольнаго, насильственнаго распредѣленія деревень по приходамъ. Многіе изъ нихъ нуждаются въ исправленіи границъ, многіе—въ раздѣленіи на два или три самостоятельныхъ прихода (нужда въ сліяніи встрѣчается весьма рѣдко). Эти измѣненія, требующія крайней осмотрительности и осторожности *), отчасти совер-

*) Дѣйствительно, слить съ приходомъ деревню, которая къ нему не тянетъ, почти невозможно. Послѣ 1812 года, въ наше сосѣдство были переселены изъ Сычевскаго уѣзда государственныя крестьяне и причислены къ нашимъ старымъ приходамъ. Они до сихъ поръ составляютъ особнякъ, въ свои приходскія церкви не ходятъ (отъ нихъ расположена гораздо ближе церковь,

шаются уже теперь, и осуществились бы гораздо быстрее и успешнее, если бы тому не препятствовалъ абсентеизмъ, вещественный и нравственный, нашихъ имущихъ и образованныхъ классовъ. Но при всемъ томъ, за приходомъ послѣ деревни остается значеніе единственнаго дѣйствительнаго, *живаго* союза въ нашемъ сельскомъ быту.

Другое соображеніе первостепенной важности заставляеть желать, чтобы всѣ по возможности наши сельскія школы приняли характеръ школъ приходскихъ. Такой ихъ характеръ одинъ можетъ привлечь къ нимъ и окончательно за ними обезпечить живое участіе нашего сельскаго духовенства. Въ приходской школѣ священникъ является не наемнымъ преподавателемъ, а исполнителемъ прямыхъ своихъ обязанностей относительно своей паствы. Помимо всякаго денежнаго вознагражденія, онъ своею дѣятельностію въ школѣ возвышаетъ и упрочиваетъ свое положеніе въ приходѣ, и тѣмъ самымъ упрочиваетъ свое благосостояніе. Хорошо веденная приходская школа, возвышая красоту богослуженія, распространяя пониманіе церковной службы и любовь къ ней, прямо ведетъ къ увеличенію церковныхъ доходовъ.

Такова чисто внѣшняя сторона дѣла. Но имѣеть она и сторону внутреннюю, несравненно болѣе важную. Наша сельская школа, сдѣлавшись приходскою, тѣмъ самымъ приобрѣтетъ характеръ *церковный* въ широкомъ смыслѣ этого слова, станетъ дѣломъ всѣхъ церковныхъ элементовъ сельскаго населенія духовныхъ и свѣтскихъ, безъ различія состоянія и сословія. Прежде всего она станетъ дѣломъ самихъ священниковъ. Они уже имѣютъ передъ собою слишкомъ рѣдкіе до сихъ поръ примѣры школъ, возник-

находящаяся въ Тверской губерніи,) браковъ съ коренными прихожанами не заключаютъ, рѣдко съ ними знакомятся. Въ одной изъ этихъ переселенныхъ деревень (самой отдаленной) расплодился расколъ. Лишь со времени открытія школъ началось нѣкоторое сближеніе между этими новыми прихожанами и старыми.

шихъ въ селахъ исключительно по почину ихъ священниковъ, живущихъ ихъ неуспынными попеченіями; но ихъ пугаютъ трудности новаго дѣла, пользу и важность котораго они не могутъ не понять. Между тѣмъ, большинство молодыхъ священниковъ поступаютъ на мѣста съ неопредѣленнымъ желаніемъ сдѣлать для своего прихода нѣчто большее чѣмъ простое исполненіе службъ и требъ. Эти желанія въ послѣдствіи гложутъ за неимѣніемъ поддержки и общаго направленія. Эту поддержку, это направленіе должна имъ дать та часть нашего образованнаго общества, для которой интересъ къ школѣ неразрывенъ съ интересомъ къ церкви. Уже теперь, всякій сельскій священникъ, дѣйствуя съ терпѣніемъ, безкорыстіемъ и энергіею, можетъ собрать въ своемъ приходѣ средства необходимыя для содержанія школы. Но не всѣ одинаково одарены этими свойствами. Помощь въ большинствѣ случаевъ необходима.

Распространеніе у насъ приходскихъ школъ будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для нашего духовенства. Жизнь нашихъ сельскихъ батюшекъ пуста. Лѣто ихъ кое-какъ наполняется хозяйственными работами. Но зимою, самое добросовѣстное исполненіе службъ и требъ оставляетъ широкіе пробѣлы, по неволѣ наполняющіеся разѣздами по гостямъ, игрою въ карты, пошлыми общественными развлеченіями. Не говорю уже о тѣхъ печальныхъ случаяхъ, когда они наполняются пьянствомъ и развратомъ. Пора вытянуть ихъ изъ болота, затягивающаго ихъ.

Искреннимъ, дѣятельнымъ участіемъ священника къ школѣ разрѣшается и вопросъ о контролѣ за преподаваніемъ, о томъ ежедневномъ, доброжелательномъ контролѣ, который ей нуженъ. Право на этотъ контроль принадлежитъ всему приходу, но имъ во многихъ отношеніяхъ не могутъ пользоваться родители учениковъ, за недостаткомъ времени и свѣдѣній. Оно на дѣлѣ по необходимости переносится на компетентнаго чловѣка, пользующагося довѣріемъ прихода, а таковымъ, за неимѣніемъ дѣятельнаго и

образованнаго попечителя, рѣдко достающагося на долю сельской школы, неминуемо является священникъ, стоящій на высотѣ своего призванія. Даровать это право огульно нашему сельскому духовенству было бы величайшимъ зломъ. Но всякій священникъ въ отдѣльности можетъ и долженъ завоевать себѣ это право, не въ силу своего сана, а въ качествѣ истиннаго пастыря своего прихода, радѣющаго о всѣхъ его духовныхъ нуждахъ.

Наконецъ, мы должны предвидѣть тѣ случаи, въ которыхъ приходская школа станетъ слишкомъ тѣсною для всѣхъ желающихъ въ ней учиться, и потребуетъ себѣ въ помощь содѣйствіе подготовительныхъ деревенскихъ школъ. Единственнымъ человекомъ, который можетъ въ этихъ мелкихъ школахъ придать учению желательное направленіе, кто можетъ служить связующимъ звеномъ между ними и школою приходскою, опять-таки является священникъ. Придаю этому соображенію особую важность. Не вытѣснить нашу самородную деревенскую школу призваны возникающія у насъ школы болѣе совершенныя, но поднять ее, устроить и дополнить.

Предвижу, что читатель, даже сочувствующій общему смыслу моихъ предположеній, возразитъ мнѣ, что они неосуществимы, пока нашъ приходъ не получитъ болѣе правильной организаціи, болѣе определенныхъ правъ относительно выбора своихъ пастырей и внутренняго управленія. Признаюсь, что не могу стать на эту точку зрѣнія, хотя и не отвергаю ея относительной справедливости. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, расширенію нашихъ правъ, по крайнему моему разумѣнію, долженъ бы предшествовать дружный приступъ къ исполненію нашихъ обязанностей. Все ли сдѣлано въ нашихъ приходахъ, что возможно при настоящихъ условіяхъ? Сдѣлано ли хоть что-нибудь? Гдѣ тѣ признаки оживленія нашей приходской дѣятельности, которые указывали бы на необходимость для нея большаго простора? Увы? мы живемъ среди пустыхъ ра-

мокъ и не думая ихъ наполнить нашей дѣятельностью, жалуемся на ихъ тѣсноту и требуемъ ихъ расширенія! Никакая организація, какъ бы ни была она совершенна, не можетъ создать организма, не можетъ создать жизни, а всякая жизненная дѣятельность неминуемо создаетъ органы ей свойственные, ей необходимые. Будемъ же хлопотать о первомъ, а второе приложится намъ. Всякая общественная дѣятельность слагается изъ личныхъ усилій, возбуждающихъ и поддерживающихъ другъ друга. За отсутствіемъ этихъ личныхъ, свободныхъ починовъ, всякая организація является усыпляющею ложью или мертвящимъ насиліемъ. Поэтому предоставляю другимъ чертить подробности будущаго устройства нашего прихода; ограничиваюсь отрывочными указаніями на дѣло, которое ему предстоитъ. Конечно не моему слабому голосу разбудить спящихъ, ободрить унывающихъ. Но къ нему, надѣюсь, присоединятся иные голоса, болѣе вѣскіе, болѣе громкіе. Надѣюсь, что самый голосъ вещей дойдетъ до нашего слуха, заставитъ насъ одуматься и очнуться...

V.

Обращаясь къ преподаванію въ сельской школѣ, останавлиюсь прежде всего на русскомъ языкѣ, этомъ необходимомъ орудіи всякаго ученія книжнаго и устнаго на той степени умѣнья говорить, читать и писать, которая можетъ быть достигнута и дѣйствительно достигается въ этой школѣ.

Результаты, достигаемые въ ней, весьма разнообразны, смотря по умѣнью учителя и продолжительности ученія. Требованія, изложенныя въ правилахъ для испытанія на льготу по воинской повинности, столь неопредѣленны и слабы, что удовлетворить имъ не трудно. Этотъ минимумъ представляетъ мало ручательствъ въ прочности приобрѣтенной въ школѣ грамотности, и поэтому всякій добросовѣстный учитель старается пойти дальше, сдѣлать лучше.

Вотъ что представляется мнѣ достижимымъ при четырехлѣтнемъ курсѣ ученія:

1. Умѣніе говорить безъ *ошибочныхъ* мѣстныхъ оборотовъ и реченій. Это умѣніе достигается благодаря постояннымъ выѣкласнымъ сношеніямъ учениковъ съ учителемъ въ нашей сельской школѣ, если только этотъ учитель самъ говоритъ правильно по русски, чего нельзя сказать даже о всѣхъ воспитанникахъ учительскихъ семинарій, но что составляетъ преимущество учителей духовнаго происхожденія, даже не прошедшихъ черезъ духовную семинарію. Крестьянина, проведшаго четыре зимы въ хорошей школѣ, тотчасъ можно отличить по болѣе правильному его говору.

2. Умѣніе читать съ полнымъ пониманіемъ доступную по содержанію прозу и стихотворенія Пушкинскаго періода. Всякій хорошій ученикъ дѣльной сельской школы на 15-мъ году съ наслажденіемъ прочтетъ «Капитанскую дочку» и «Дубровскаго», «Бориса Годунова» и «Русалку», «Полтаву» и Пѣснь про купца Калачникова», «Тараса Бульбу» и «Ночь передъ Рождествомъ», «Ундину» Жуковскаго. «Семейную Хронику» Аксакова *), а также нѣкоторыя вещи второстепенныхъ изъ современниковъ, Лажечникова, Загоскина, Даля, наконецъ подходящаго къ ихъ строю «Князя Серебрянаго» графа А. Толстаго. Мало того: онъ съ живымъ участіемъ выслушаетъ (при необходимыхъ поясненіяхъ) чтеніе историческихъ драмъ Шекспира, Иліады Гифдича и Одиссеи Жуковскаго. «Потерянный Рай» Мильтона, не смотря на дубоватый переводъ, приведетъ его въ восторгъ.

За то вся наша послѣ-Пушкинская литература (за исключеніемъ развѣ рассказовъ А. Печерскаго) для него абсолютно неудобоварима. О нашихъ журналахъ и газетахъ и говорить нечего.

*) Весьма желательно народное изданіе «Семейной Хроники», отдѣльно отъ «Воспоминаній». Эта книга займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ будущихъ нашихъ сельскихъ библіотекахъ.

Остановимся на этомъ замѣчательномъ явленіи. О немъ стоить подумать. Въ немъ есть двѣ стороны, которыя слѣдуетъ строго различать.

Первымъ препятствіемъ къ проникновенію въ народъ нашей новѣйшей литературы служить ея языкъ, и это опять въ двухъ отношеніяхъ. Языкъ этотъ все болѣе и болѣе обременяется, отчасти по нуждѣ, отчасти изъ небрежности, иностранными словами. Изъ газетъ, гдѣ эти слова часто неизбѣжны, они все болѣе и болѣе переходятъ въ журналы и книги. Становятся необходимыми словари иностранныхъ словъ, необходимыми и въ сельской школѣ, не для учениковъ, а для учителей, которые безъ ихъ помощи не могутъ прочесть ни одной журнальной статьи, ни одной серьезной книги. Это обстоятельство наконецъ заставило правительство приступить къ изданію особой газеты, которую можно было бы понять, не зная французскаго языка *).

Другое отличіе нашего современнаго литературнаго языка отъ языка Пушкинскаго періода заключается въ злоупотребленіи свободою, лишенною всякой симметрии періодическою формою, въ накопленіи вводныхъ и придаточныхъ предложеній, слабо сцѣпленныхъ между собою, — складъ рѣчи Гоголевскій, дающій писателю неограниченный просторъ для развитія и окраски своей мысли, но затрудняющій быстрое пониманіе и плавное чтеніе.

Но есть другая, внутренняя, существенная причина, по которой весь Гоголевскій періодъ русской литературы остается, и навсегда, останется, недоступнымъ русскому народу. Онъ не болѣе, какъ яркое отраженіе переходнаго состоянія русскаго, отчасти европейскаго общества, отраженіе такихъ внутреннихъ процессовъ его сознанія, которые со-

*) Могу засвидѣтельствовать, что первые нумера «Сельскаго Вѣстника» читаются грамотными крестьянами съ живымъ интересомъ. Этому изданію, если его будутъ вести съ тѣмъ тщаніемъ, котораго оно заслуживаетъ, предстоитъ блестящая будущность.

вершались лишь въ верхнемъ его слоѣ, которые не имѣютъ ни общечеловѣческаго, ни всенароднаго значенія. Нужно было пережить то, что пережило нынѣ старѣющее поколѣнiе, чтобы понять вполне Бельтова и Базарова, Обломова и Рудина, Левина и Раскольникова. Будущимъ поколѣнiямъ они станутъ столь же загадочными, какъ для нынѣшняго юношества становятся загадочными Онѣгинъ, Чацкiй и Печоринъ. Переживетъ насъ только «Война и Миръ» графа Л. Н. Толстаго, и то не благодаря Петру Безухову и князю Андрею, а благодаря Кутузову и Наташѣ, благодаря грандіозной общечеловѣческой подкладкѣ. Впрочемъ, графъ Л. Н. Толстой еще долженъ написать (не для народа, а для себя) книгу, которая проникнетъ въ самую глубь народа и останется, и эту книгу онъ напишетъ. Въ массы проникаютъ только произведенія вѣчныя.

Само собою разумѣется, что тутъ я говорю о результатахъ ученія въ сельской школѣ, а не о томъ матеріалѣ, который можетъ служить ему орудіемъ. Сказать два слова объ этихъ результатахъ необходимо, ибо сельская школа есть школа окончательная, а не подготовительная. Но и при этой оговоркѣ боюсь, чтобы сказанное мною не показалось страннымъ многимъ изъ моихъ читателей. Смѣю увѣрить ихъ однако, что я говорю не на основаніи какихъ-либо отвлеченныхъ соображеній, а на основаніи опыта, купленнаго длиннымъ рядомъ исканій и ошибокъ. Сохраняю постоянныя сношенія съ бывшими учениками моей школы. Они гостятъ въ ней подолгу на Святкахъ, проводятъ со мною цѣлые дни передъ праздниками, для спѣвокъ. Имѣю случай много читать съ ними, много говорить съ ними о томъ, что они читаютъ. Что же дѣлать, если вся наша поддѣльная народная литература претитъ имъ, и мы принуждены обращаться къ литературѣ настоящей, неподдѣльной? Если при этомъ оказывается, что Некрасовъ и Островскiй имъ въ горло не лѣзутъ, а слѣдятъ они съ замираніемъ сердца за терзаніями

Брута, за гибелью Коріолана? Если Мильтоновскій сатана имъ понятнѣе Павла Ивановича Чичикова? («Потеряннаго Рая» я и не думалъ заводить, они сами притащили его въ школу). Если «Записки Охотника», этотъ перлъ Гоголевскаго періода, по прозрачной красотѣ формы принадлежащій Пушкинскому, оставляетъ ихъ равнодушными, а «Ундина» Жуковскаго съ первыхъ стиховъ овладѣваетъ ими? Если имъ легче проникнуть съ Гомеромъ въ греческій Олимпъ, чѣмъ съ Гоголемъ въ бытъ петербургскихъ чиновниковъ?

Нужно ли присовокуплять, что вся наша публицистика для грамотныхъ крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ и для учителей сельской школы,—вовсе не существуетъ? Что та «рабья манера писать», въ которой она все болѣе изощряется, въ которой въ сущности и заключается весь ея вредъ для полубразованныхъ классовъ, дѣлаетъ ее совершенно недоступною и непонятною для того грамотнаго люда, который стоитъ на ступени образованія элементарнаго, хотя бы самаго тщательнаго?

Но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ обаяніемъ, которое производятъ творенія Пушкина, начиная съ его сказокъ и кончая Борисомъ Годуновымъ. Когда я еще не приступалъ къ занятіямъ въ школѣ, я думалъ, что знаю Пушкина и умѣю его цѣнить. Я ошибался. Узналъ я его только теперь. Этотъ свѣтлый, реальный міръ, который меня окружаетъ, міръ бодрой вѣры и трезваго смиренія, міръ духовной жажды и здраваго смысла,—этотъ міръ столь новый и какъ будто давно знакомый, это *его* міръ, съ раняго дѣтства плѣнявшій и манившій насъ. Онъ *его* пѣвецъ, онъ *его* пророкъ....

Пушкинъ! Наше образованное общество недостойно такого поэта. Да, мы воздвигли ему памятникъ. Мы рукоплескали вдохновеннымъ рѣчамъ, которыми немногіе избранные почтили его память. Но гдѣ тотъ «памятникъ нерукотворный», который онъ воздвигъ себѣ, который онъ намъ ввѣрилъ, умирая?

Онъ повергнуть во прахъ, кучами грязи засыпана къ нему народная тропа. По безумной прихоти монополиста-издателя, наша школа, нашъ народъ лишены величайшаго сокровища, какимъ обладаетъ Россія. Да одинъ ли онъ виноватъ? О чемъ думаетъ общество? Вѣдь есть же сумма, за которую это злополучное право изданія можетъ быть выкуплено! Вѣдь находятся же у насъ деньги, не только на французскій театръ и италіянскую оперу, но и на дѣла милосердія, на помощь неимущимъ, на пропитаніе голодающихъ? Когда же вспомнимъ мы наконецъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, когда поймемъ, что русскій человѣкъ—менѣе всякаго?

Экземпляръ сочиненій Пушкина необходимъ во всякой грамотной семьѣ, во всякомъ среднемъ учебномъ заведеніи. Но еще болѣе необходимъ онъ во всякой сельской школѣ. Языкъ Пушкина, этотъ волшебный языкъ,—единственный мостъ, соединяющій народную рѣчь съ рѣчью нашей литературы. Его творчество, это—всемогущій талисманъ, сразу раздвигающій вокругъ всякаго грамотнаго тѣсныя предѣлы времени и пространства, въ которыхъ до тѣхъ поръ вращалась его мысль.

Но вернемся къ самому чтенію. Дѣйствительно хорошее громкое чтеніе, столь рѣдкое даже въ образованныхъ классахъ, рѣдко также приобрѣтается въ сельской школѣ. За то способность къ нему нерѣдко развивается по выходѣ изъ нея. Грамотныхъ ребятъ заставляютъ цѣлыми вечерами читать вслухъ ихъ родители. Эта усиленная практика, стараніе быть вполне понятными безграмотнымъ слушателямъ, составляетъ въ этомъ отношеніи лучшую школу.

3. Умѣніе написать при должномъ вниманіи, безъ ошибокъ противъ русскаго языка и правописанія то, что бываетъ нужно писать въ крестьянскомъ быту: родственное письмо, прошеніе, условіе.

Этимъ требованіямъ рѣдко удовлетворяетъ сельская школа, и они могутъ показаться чрезмѣрными. Тѣмъ не менѣе удовлетворить имъ при четырехлѣт-

немъ курсѣ возможно и должно. Сельская школа есть школа окончательная. Русская сельская школа располагаетъ средствами, которыхъ лишена всякая другая элементарная школа.

Но, конечно, для того, чтобы достигнуть этихъ результатовъ, нужно нѣсколько отступить отъ модныхъ педагогическихъ приѣмовъ, вести дѣло прямо и проще, сосредоточивать свои усилія на изученіи русскаго языка, не задаваясь при этомъ цѣлію сообщить въ придачу ученикамъ энциклопедію реальныхъ свѣдѣній. Нужно просто-напросто пройти съ учениками элементарный, но дѣльный курсъ грамматики, подкрѣпляемый безчисленными упражненіями, добиться отъ нихъ полнаго пониманія и сознательнаго употребленія всѣхъ формъ русскаго языка. Это существенное, неотъемлемое приобрѣтеніе несравненно важнѣе для нихъ всякихъ отрывочныхъ свѣдѣній *de omni re scibili*, которыя улетучиваются столь же быстро, какъ они воспринимаются. Только овладѣвъ вполне русскимъ языкомъ, приобрѣтаютъ они способность читать изъ книги, а не *въ книгу*, по характерному выраженію нашихъ безграмотныхъ крестьянъ.

Удовлетворительнаго учебника грамматики для сельскихъ школъ я до сихъ поръ не отыскалъ, и поэтому грамматика у насъ преподается устно, съ начала до конца. Преподаемъ мы ее безъ всякихъ усовершенствованій, сперва этимологию, потомъ синтаксисъ, называя всѣ части рѣчи и предложенія, всѣ формы ихъ подлинными именами. Мы убѣдились, что совмѣстное обученіе этимологіи и синтаксису даетъ результаты быстрые, но неточные. Въ головахъ большинства учениковъ оно порождаетъ плачевное смѣшеніе между понятіями объ имени существительномъ и подлежащемъ, глаголѣ и сказуемомъ и т. д., которое затѣмъ приходится распутывать съ великимъ трудомъ. Модныя выраженія: предметъ, качество, дѣйствіе ни на волосъ не понятнѣе крестьянскимъ ребятамъ, чѣмъ выраженія: имя существи-

тельное, прилагательное, глаголь, безъ которыхъ въ концѣ концовъ не обойдешься; если же они эти выраженія поймутъ, выходитъ еще хуже: приходится имъ объяснять, что бѣлизна не есть качество, писаніе не есть дѣйствіе и т. д., что довольно затруднительно.

Для того, чтобы тутъ достигнуть прочнаго результата, необходимо приняться за дѣло съ терпѣніемъ и рѣшимостію, не обходя трудностей, не скрадывая ихъ полуточными облегчительными приѣмами, а побѣждая ихъ медленно и постепенно. Въ моей школѣ, приступъ къ грамматикѣ почти совпадаетъ съ приступомъ къ чтенію. Я бы никогда не рѣшился на эту смѣлость. Этотъ приѣмъ придумали мои помощники—крестьяне: я имъ предоставляю веденіе младшихъ группъ, въ которомъ они несравненно искуснѣе меня. Въ теченіе перваго года ученики приобрѣтаютъ немного: способность ясно различать имя существительное, глаголь и предлогъ. Но это немного имѣетъ для всего послѣдующаго громадную важность. Въ теченіе втораго года они выучиваются отличать всѣ части рѣчи, и знакомятся съ склоненіями, въ третій—проходятъ этимологию, въ четвертый—синтаксисъ. Вотъ въ общихъ чертахъ планъ, вырабатывающійся на практикѣ въ нашей школѣ, вѣроятно еще требующій измѣненій. Считаю неумѣстнымъ входить тутъ въ дальнѣйшія подробности.

Точно также не стану утомлять читателей разборомъ тѣхъ многообразныхъ приѣмовъ, которые предлагаются и практикуются для самаго приступа къ обученію грамотѣ. Замѣчу только, что тутъ выбору метода въ нашей педагогической литературѣ придается преувеличенная важность. По крайнему моему убѣжденію, лучший методъ тотъ, съ которымъ лучше всѣхъ освоился учитель. По всякому методу, негрѣшающему особою нелѣпостію, усвоеніе буквъ и складовъ, способности медленно *читать*, совершается, при усиленной работѣ, закипающей въ нашихъ школахъ въ началѣ учебнаго года—въ двѣ-три недѣли. Это—наименьшая изъ трудностей школьнаго дѣла.

Само собою разумѣется, что въ столь короткій срокъ невозможно совмѣстное обученіе чтенію и *письму*, признанное полезнымъ большинствомъ нашихъ педагоговъ. Признаюсь, что выгоды этого совмѣстнаго обученія кажутся мнѣ чрезвычайно сомнительными. Имъ безъ нужды затрудняется доступъ къ грамотѣ: для каждаго звука ученики должны разомъ усвоить два знака, печатный и курсивный; имъ затрудняется приобрѣтеніе хорошаго почерка: прежде чѣмъ заставлять ребенка чертить буквы, нужно утвердить его руку на каллиграфическихъ элементахъ. Оттягивать искусственно тотъ вождедѣнный моментъ, когда ребенку дается въ руки книга и съ нею возможность самому, внѣ уроковъ, испытывать свои силы — не желательно.

Но существуетъ видоизмѣненіе этого метода, заслуживающее полного вниманія. Заключается оно въ томъ, чтобы начинать обученіе грамотѣ съ совмѣстнаго обученія чтенію и письму на языкѣ церковно-славянскомъ. Совпаденіе славянскаго устава съ печатнымъ начертаніемъ буквъ тутъ дѣлаетъ изъ письма дѣйствительно подспорье чтенію. Самое чтеніе на церковно-славянскомъ языкѣ несравненно легче, чѣмъ на русскомъ, ибо произношеніе вполне соответствуетъ правописанію. Писать уставомъ (такъ пишутъ наши грамотѣи-самоучки) несравненно легче, чѣмъ писать курсивомъ или рисовать буквы гражданской печати. Неправильности, неизбѣжныя при всякомъ писаніи буквъ *ex abrupto*, тутъ не отражаются на курсивѣ, къ которому ученики приступаютъ гораздо позже, утвердивъ свою руку на писаніи палочекъ и прочихъ элементовъ буквъ.

По этому методу дѣло начинается съ звуковаго разбора и писанія самыхъ краткихъ, самыхъ употребительныхъ молитвъ. Ребенокъ, приобрѣтающій въ нѣсколько дней способность писать: *Господи, помилуй* и *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному*, заинтересовывается дѣломъ, несравненно живѣе, чѣмъ если бы заставите его писать: *оса, усы, Маша, наша*. За

одно съ обученіемъ грамотѣ тутъ идетъ твердое заучиваніе молитвъ. Переходъ отъ церковной азбуки къ гражданской совершается съ поразительной легкостью и быстротою. Этотъ приемъ съ полнымъ успѣхомъ практикуется въ одной изъ школъ нашей волости. Онъ, повторяю, заслуживаетъ внимательной и дѣятельной разработки. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что славянская грамота составляетъ такую же необходимую принадлежность нашей сельской школы, какъ и русская, и что порядокъ, въ которомъ пріобрѣтается та и другая, въ сущности безразличенъ.

Но несравненно важнѣе чѣмъ вопросъ объ усвоеніи азбуки и механизмъ чтенія—вопросъ о первой *книжкѣ*, которая дается въ руки ученикамъ нашихъ сельскихъ школъ. Для этой цѣли почти повсемѣстно употребляется «Родное Слово» Ушинскаго, книга замѣчательная, единственная въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ. Кромѣ матеріала для школьнаго чтенія, она содержитъ систематическій рядъ школьныхъ упражненій, расположенныхъ въ виду трехгодичнаго курса ученія. Впрочемъ, третій годъ (грамматика) несравненно менѣе распространенъ, чѣмъ первые два. Но, къ сожалѣнію, книга эта писана для дѣтей иного возраста (7—10 лѣтъ) и иного сословія, чѣмъ ученики нашихъ сельскихъ школъ. Пользуется она въ нашемъ офиціально-педагогическомъ мірѣ авторитетомъ почти каноническимъ, и поэтому добросовѣстно и безжалостно употребляется въ нашихъ министерскихъ училищахъ. Но въ большей половинѣ прочихъ школъ она служитъ просто книгою для чтенія, ибо заключающіяся въ ней упражненія черезчуръ ребячливы для нашихъ сельскихъ учениковъ. Но и въ этомъ послѣднемъ качествѣ она въ сельской школѣ крайне неудобна—по своему содержанію. Покойный авторъ, имѣя въ виду дѣтей городскихъ сословій, всего болѣе хлопочетъ о томъ, чтобы знакомить ихъ съ сельскимъ бытомъ, съ сельскою природою, съ народнымъ говоромъ, которые учени-

камъ нашихъ сельскихъ школъ извѣстны несравненно лучше, чѣмъ самому Ушинскому. Къ той же публикѣ приноровлено и все остальное содержаніе книги. Не стану распространяться о второстепенныхъ ея недостаткахъ, а ихъ не мало.

Несравненно выше, какъ матеріалъ для школьнаго ученія, стоятъ «Новая Азбука» графа Л. Н. Толстаго, и его «Книга для чтенія». Если онѣ не вытѣснили до сихъ поръ «Родное Слово», то отчасти потому, что большая «Азбука» того же автора, изобилующая драгоценными указаніями относительно пріемовъ преподаванія, не представляетъ такой строгой и легко примѣнимой системы, какъ сочиненія Ушинскаго. Другая и главная причина—безвкусіе нашего педагогическаго міра и равнодушіе, съ которымъ отнеслась къ дѣтскимъ книгамъ графа Л. Толстаго наша литературная критика. Я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, что даже почитатели таланта ихъ знаменитаго автора—вовсе ихъ не читали.

Между тѣмъ, ихъ слѣдуетъ знать всякому образованному русскому человѣку. Ни въ одной европейской литературѣ ничего подобнаго не существуетъ. Мы, кажется, забываемъ, что гр. Л. Н. Толстой—величайшій изъ *нынѣ* живущихъ писателей, не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ *). Этотъ великій писатель посвятилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни сельской школѣ, много училъ въ ней и многому въ ней научился. Его дѣтскія книги (пригодныя для дѣтей всѣхъ сословій)—не плодъ художественной прихоти, а жизненное дѣло, совершенное съ глубочайшимъ вниманіемъ ко всѣмъ его практическимъ подробностямъ, съ высокою простотою и смиреніемъ. Во многихъ своихъ очеркахъ и мелкихъ разсказахъ, онъ доходитъ до чисто Пушкинской трезвости и силы. Отъ нихъ можно прямо перейти къ прозѣ Пушкина.

*) Не думаю, чтобы кому-нибудь удалось назвать того, которому подобало бы отвести мѣсто выше его. Развѣ ослѣпленнымъ поклонникамъ Виктора Гюго.

И при всемъ томъ, та книга, которая нужна въ сельской школѣ—вмѣщающая и матеріалъ для чтенія, и для дѣльнаго обученія русскому языку,—еще не написана...

Остается мнѣ сказать нѣсколько словъ о преподаваніи церковно-славянскаго языка. Начинается оно обыкновенно въ нашихъ школахъ со втораго года ученія, но, какъ мы видѣли, можетъ быть начато и съ перваго. Приступаютъ къ нему посредствомъ разбора общеупотребительныхъ молитвъ, и необходимо довести его до полного пониманія *языка* церковно-славянскаго Новаго Завѣта. Это не достижимо безъ практическаго знакомства съ тѣми грамматическими формами, которыми церковно-славянскій языкъ разнится отъ русскаго. Главнымъ орудіемъ тутъ служить неоднократное, внимательное чтеніе въ классѣ всѣхъ четырехъ Евангелій, сперва съ помощью русскаго перевода, потомъ по одному церковно-славянскому тексту съ терпѣливыми остановками на каждомъ словѣ, на каждомъ оборотѣ, который можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію.

Но наряду съ чтеніемъ Евангелія необходимо въ школѣ и чтеніе Псалтири вопреки всякимъ дидактическимъ соображеніямъ, которыя можно привести противъ ея чтенія.

Псалтирь—книга трудная. На ней, болѣе чѣмъ на какой-либо другой книгѣ Ветхаго Завѣта, отразилось затмевающее вліяніе двойнаго перевода, слишкомъ буквальнаго. Русскій ея текстъ (прямой переводъ съ еврейскаго), своими явными отступленіями отъ текста церковно-славянскаго, болѣе затрудняетъ, чѣмъ облегчаетъ точное толкованіе послѣдняго. Если въ Евангеліи кое-гдѣ попадаются выраженія, необъяснимыя безъ обращенія къ греческому тексту, то въ Псалтири на каждомъ шагу встрѣчаются такія, которыя могутъ быть разъяснены лишь сличеніемъ и съ текстомъ греческимъ, и съ еврейскимъ. Не у всякаго учителя подъ рукою такое пособіе, какъ

толкованіе на псалмы Палладія *). Но Псалтирь—единственная священная книга, проникшая въ народъ, любимая и читаемая имъ, и того, что въ ней непосредственно понятно, уже достаточно, чтобы потрясать сердца, чтобы дать выраженіе всѣмъ скорбямъ, всѣмъ упованіямъ вѣрующей души. Темныя реченія, встрѣчающіяся въ ней, и многія другія, которыя разъяснить легко, даютъ полуграмотнымъ людямъ поводъ къ самымъ произвольнымъ, часто чудовищнымъ толкованіямъ. Школа обязана укрѣпить нашъ народъ въ обладаніи этимъ сокровищемъ назиданія и поэзіи, раскрыть, насколько это возможно, передъ своими учениками его высокой, вѣчный смыслъ.

При этомъ не нужно упускать изъ виду одного практическаго соображенія первостепенной важности. Псалтирь читается надъ покойниками. Намъ, людямъ имущимъ, хорошо. Не успѣемъ мы опрятать дорогаго намъ покойника, окружить его цвѣтами и благоговѣйною траурною обстановкою, какъ причетникъ съ псалтирью возсталъ изъ земли. Могли ли бы мы обойтись безъ его чтенія? А въ той тѣсной избѣ, гдѣ толпятся сосѣди, гдѣ кричатъ дѣти, гдѣ готовится обѣдъ, развѣ мыслимо безъ него обойтись? И вотъ, первымъ дѣломъ, посылаютъ въ школу за учениками. *Въ этой просьбѣ никогда, ни подъ какимъ предлогомъ не должно быть отказа.* Тѣ два-три дни въ году, которые черезъ это выпадаютъ для каждаго ученика старшей группы—не потерянные дни, а необходимое дополненіе къ школьному ученію; та школа, которая не можетъ удовлетворить этой законной потребности прихода, никуда не годится.

Такое же необходимое дополненіе къ школьному ученію составляетъ послѣдовательное чтеніе въ церкви шестопсалмія, часовъ, Апостола...

*) Изданіе учебной Псалтири—учебной не только по крупному шрифту, но и снабженной сжатымъ и дѣльнымъ подстрочнымъ комментариемъ—было бы крайне желательно.

Мнѣ скажутъ, что мои требованія чрезмѣрны, что слишкомъ много труда возлагаю я на учителя. Да, трудъ немалъ, но онъ необходимъ; но въ нашей сельской школѣ онъ вознаграждается успѣхами, превышающими его мѣру.

Завтра 1-е октября. Это начало нашего учебного года, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ храмовой праздникъ. Школа наполнена учениками, учащимися и отучившимися, собравшимися для спѣвокъ. Завтра также память Св. Романа, творца кондаковъ. Помните ли вы, читатель, его краткое «житіе»? Каждый годъ, въ это время, приходится намъ его читать, и съ этимъ временемъ года оно неразрывно связалось въ моемъ воображеніи. Бѣднаго безграмотнаго пономаря, долгіе годы въ глубокомъ смиреніи служившаго церкви, молившаго Бога о просвѣтлѣніи своего разума, злые церковники тащатъ на амвонъ, и говорятъ ему: пой! То, что мы до сихъ поръ сдѣлали для нашей сельской школы, похоже на эту насмѣшку гордыхъ своимъ знаніемъ книжниковъ. И что же? Романъ запѣлъ, запѣлъ пѣснь новую, дотолѣ неслыханную. То, что достигается нашею заброшенною, какъ бы на смѣхъ официально признанною сельскою школою, всегда представляется мнѣ началомъ такого же чуда.

Чудо совершится до конца. «Иже первѣе досаждаху ему о простотѣ и невѣжествіи, тѣи по семь у него учихуся»...

VI.

Постороннихъ посѣтителей, изрѣдка заглядывающихъ въ мою школу, всего болѣе поражаетъ умственный счетъ ея учениковъ. Та быстрота и легкость, съ которою они производятъ въ умѣ умноженія и дѣленія, обращаются съ мѣрами квадратными и кубическими, соображаютъ данныя сложной задачи, то радостное оживленіе, съ которымъ они предаются этой умственной гимнастикѣ, наводятъ на мысль, что

въ этой школѣ употребляются особыя, усовершенствованные приемы для преподаванія ариѳметики, что я обладаю въ этомъ отношеніи какимъ-то особымъ искусствомъ или секретомъ.

Ничто не можетъ быть ошибочнѣй этого впечатлѣнія. Конечно, *теперь* я владѣю нѣкоторымъ навыкомъ къ умственному счету, могу импровизовать ариѳметическія задачи въ томъ быстромъ темпѣ, въ которомъ онѣ рѣшаются моими учениками. Но до этихъ скромныхъ умѣній довели меня или, лучше сказать, домучили сами ученики.

Именно домучили. Никогда не занимался я специально ариѳметикою, упражняться въ умственномъ счетѣ никогда и не думалъ. Принялся я за преподаваніе счета въ сельской школѣ, не подозрѣвая, на что я иду.

Не успѣлъ я приступить къ упражненіямъ въ умственномъ счетѣ, которыя до тѣхъ поръ въ школѣ не практиковались, какъ въ ней къ нимъ развилась настоящая страсть, неослабѣвающая до сихъ поръ. Съ ранняго утра и до поздняго вечера стали меня преслѣдовать, то одна группа учениковъ, то другая, то всѣ вмѣстѣ, съ требованіемъ умственныхъ задачъ. Считаая эти упражненія полезными, я отдалъ себя въ ихъ распоряженіе. Очень скоро оказалось, что они опережаютъ меня, что мнѣ нужно готовиться, самому упражняться. На пятомъ десяткѣ нѣкоторыя умственныя способности утрачиваютъ свою эластичность. Эта первая зима была для меня очень тяжела.

Къ этому вскорѣ присоединилась страсть къ письменнымъ упражненіямъ въ счетѣ. Ребята вздумали щеголять другъ передъ другомъ быстрымъ и точнымъ умноженіемъ и дѣленіемъ на доскѣ многозначныхъ чиселъ, не поддающихся умственному счету. Тутъ я было совершенно сталъ въ тупикъ. Эти припадки обыкновенно случались вечеромъ. Наши вечернія занятія, теперь все болѣе и болѣе принимающія характеръ правильныхъ уроковъ, тогда были гораздо свободнѣе, да и теперь, во избѣжаніе утомленія, ча-

сто приходится нарушать ихъ однообразный строй. Вечеромъ же происходили и спѣвки, въ которыхъ участвовали всѣ мои помощники, всѣ лучшіе ученики. Я оставался одинъ съ непоющими учениками. Этого только и ждали мои мучители. Разомъ, всѣ они, человѣкъ тридцать, сорокъ, накидывались на меня съ дощечками: «Сергѣй Александровичъ, дѣленьце!»— «Мнѣ на сотни!—Мнѣ на единицы!—Мнѣ на миллионы!—Мнѣ на тысячи!» И рѣшенія подавались съ такою быстротою, что я едва успѣваю писать задачи. Повѣрять—никакой физической возможности!

Тутъ однажды, въ минуту отчаянья, я безсознательно тиснулъ у себя въ мозгу какую-то невѣдомую мнѣ пружинку, и всѣ дѣленія стали выходить безъ остатка.

Восторгу ребятъ не было границъ. Но увы! На слѣдующій вечеръ они потребовали отъ меня того же, и я не могъ исполнить ихъ желанія. Лишь впоследствии, мало-по-малу, выяснилъ я себѣ то простое сочетаніе мнемоническихъ приемовъ съ быстрымъ умственнымъ умноженіемъ, которое даетъ возможность придумывать безостановочно безконечный рядъ десяти-и двѣнадцати-значныхъ чиселъ, дѣлимыхъ безъ остатка на любыя другія числа, и вмѣстѣ съ тѣмъ—безконечный просторъ для импровизаціи задачъ, устныхъ и письменныхъ.

Эта безпрестанная усиленная возня съ цифрами нагнала на меня настоящій ариѳметическій кошмаръ, загнала меня въ теорію чиселъ, заставила меня неоднократно открывать Америку, т. е. неизвѣстныя мнѣ теоремы Фермата и Эйлера...

Часто задавалъ я себѣ вопросъ, какими основными способностями обуславливается та необыкновенная ловкость въ обращеніи съ числами, тотъ живой интересъ къ цифрамъ и къ сочетаніямъ, которыми отличаются наши крестьянскіе ребята. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ значительную роль играетъ ихъ удивительная память. Но кромѣ памяти, тутъ очевидно участвуютъ и другія способности: воображеніе,

живо рисующее передъ ними составъ чиселъ изъ первоначальныхъ множителей и ихъ сочетаній *), способность связывать внѣшній видъ цифры съ этимъ составомъ. Почти всегда у хорошихъ счетчиковъ оказывается и художественная струнка. Этому обстоятельству, впрочемъ, особаго значенія придавать нельзя. Крестьянскія дѣти тѣмъ и отличаются отъ дѣтей высшихъ сословій, что одностороннія способности встрѣчаются у нихъ весьма рѣдко. Тотъ изъ нихъ, который способенъ къ пѣнію, непременно окажется способнымъ и по ариѳметикѣ, и по русскому языку, — и наоборотъ, мальчики, умственно слабые, рѣдко имѣютъ какія-либо художественныя способности и склонности. Эта соразмѣрность дарованій распространяется даже на сферу нравственную и придаетъ этимъ дѣтямъ ихъ особенную привлекательность.

Говоря тутъ о преподаваніи ариѳметики въ сельской школѣ, ограничиваюсь бѣглыми указаніями на мои наблюденія и впечатлѣнія. Подробныя разсужденія о методикѣ этого предмета были бы неумѣстны на этихъ страницахъ. Но считаю возможнымъ связать съ вышесказаннымъ два замѣчанія, имѣющія практическую важность.

Первое касается того приступа къ преподаванію ариѳметики, который выработанъ нѣмецкими педагогами и получилъ у насъ право гражданства, благодаря повсемѣстному распространенію учебниковъ Евтушевскаго. Основанъ онъ на долговременномъ и всестороннемъ изученіи чиселъ перваго десятка, за которымъ слѣдуетъ столь же кропотливое изученіе чиселъ первой сотни. Приѣмъ этотъ, быть-можетъ необходимый, когда приступаешь къ дѣлу съ пятилѣтними дѣтьми (или съ идиотами), отзывается чрезвычайною искусственностію, когда имѣешь дѣло съ

*) Вчера одинъ мальчуганъ на вопросъ сколько 84×84 отвѣчалъ *мгновенно*: 7056. Какъ ты считалъ? спросилъ я его — «Да это квадратная сажень (т. е. число въ ней кв. дюймовъ): я взялъ 50×144 и выкинулъ 144». — Проще произвести это умноженіе тѣмъ превративши 84^2 въ $7^2 \times 12^2$ — невозможно.

дѣтьми вдвое старшими, уже умѣющими считать болѣе ста, уже имѣющими практическое понятіе о десятичной системѣ, благодаря извѣстному имъ счету на копѣйки, гривенники и рубли. А таково большинство дѣтей, поступающихъ въ наши сельскія школы. Перѣдко приходилось мнѣ наблюдать любопытный фактъ, что крестьянскія дѣти, не умѣющія *называть* чиселъ далѣе двадцати, подчасъ имѣютъ ясное *представленіе* о числахъ до ста и далѣе. Поддерживать съ такими дѣтьми фикцію, что далѣе десяти—чиселъ нѣтъ, или что они имъ неизвѣстны, совершенно непрактично. Разумѣется, имъ по большей части совершенно прозраченъ лишь первый десятокъ, и составъ чиселъ первой сотни долженъ быть имъ разъясненъ рядомъ упражненій. Но въ этихъ упражненіяхъ нужно избѣгать педантической медленности, постоянно оцупывать дорогу впередъ, имѣя въ виду необыкновенную восприимчивость количественнаго созерцанія въ нашихъ крестьянскихъ ребятахъ. При томъ нѣтъ никакой причины скрывать отъ нихъ, въ теченіи всего перваго года, существованіе тысячей, десятковъ и сотенъ тысячъ—безконечную перспективу чиселъ, группирующихся по системѣ, уже извѣстной имъ по копѣйкамъ, гривенникамъ и рублямъ. Конечно, нужно избѣгать упражненій превышающихъ силы учащихся, сообщенія такихъ математическихъ истинъ, которыя могутъ быть восприняты только ихъ памятью. Но не менѣе того нужно избѣгать слишкомъ долгаго пережевыванія уже извѣстнаго ученикамъ: оно порождаетъ скуку, отучаетъ ихъ отъ необходимыхъ умственныхъ усилій. Свойствамъ чиселъ первой сотни нѣтъ конца. Если бы мы вздумали ихъ исчерпать прежде чѣмъ двинуться далѣе, мы бы никогда не дошли до второй.

Другое замѣчаніе, болѣе общаго свойства, сводится къ тому, что ничтожныя знанія, приобретаемая въ сельской школѣ, только и получаютъ нѣкоторую цѣну, если сопряжены съ соответствующими умѣніями. Въ области ариметики,—разумѣю тутъ

быстрый и вѣрный счетъ, умственный и письменный,—этихъ умѣній инстинктивно добиваются сами ученики, и обязанность учителя—всячески помогать ихъ приобрѣтенію. Такъ, въ моей школѣ, всякій ученикъ, постигшій тайны дѣленія, считаетъ долгомъ сдѣлать внѣ уроковъ нѣсколько сотенъ дѣленьицъ на всѣ числа подъ рядъ, начиная отъ 2 до 300, 400, 500, смотря по усердію,—чтобы набить себѣ руку. Это положительно полезно: мнѣ остается только благодарить Бога, что у ребятъ на это хватаетъ терпѣнія, и поддерживать ихъ похвальное рвеніе задаваніемъ имъ дѣленій безъ остатка, или съ остаткомъ, по ихъ заказу, и цѣлымъ рядомъ подобныхъ письменныхъ и умственныхъ упражненій.

Для успѣха дѣла, разумѣется, нужно, чтобы учитель сельской школы владѣлъ приемами умственного счета и имѣлъ къ нему порядочный навыкъ. Къ сожалѣнію, знакомство съ этими приемами, этотъ навыкъ—у нашихъ учителей встрѣчается рѣдко. Особенно слабы въ этомъ отношеніи тѣ, которые прошли черезъ учительскія семинаріи. Практическое знакомство съ цифрами, какъ и съ формами русскаго языка, необходимо учителю для того, чтобы придать нѣкоторое оживленіе неизбѣжнымъ внѣкласснымъ занятіямъ.

И это опять приводитъ насъ къ истинной оцѣнкѣ того громаднаго преимущества, которое даетъ русской сельской школѣ одна изъ самыхъ затруднительныхъ, повидимому, ея особенностей—*постоянное* присутствіе въ ней учениковъ. Эта особенность, конечно, отчасти обусловливается причинами чисто внѣшними: невозможностью для дѣтей уходить домой между классами. Но только отчасти. Вездѣ, гдѣ есть внимательный учитель, ученики, живущіе въ двухъ шагахъ отъ школы, точно также проводятъ въ ней всю свою жизнь. Это соотвѣтствуетъ и собственному ихъ инстинкту, и совершенно сознательному желанію ихъ родителей. Эти родители отлично понимаютъ, что при краткихъ срокахъ ученія, которыми пользуются

ихъ дѣти, для достиженія какого-либо успѣха нужно пользоваться каждою минутою. Требовательность какъ учениковъ, такъ и родителей, относительно учителей не знаетъ границъ. Имъ не приходится въ голову, чтобы въ учебное время учитель могъ подумать объ отдыхѣ.

И они тысячу разъ правы! Развѣ дома, въ тѣсной и темной избѣ, возможны для крестьянскихъ дѣтей какія-либо самостоятельныя занятія? Развѣ при казенномъ количествѣ учебныхъ часовъ возможны какіе-либо результаты, кромѣ оффиціально-удовлетворительныхъ отвѣтовъ на экзаменахъ, кромѣ умноженія свидѣтельствъ на льготу по воинской повинности? Развѣ дѣло въ этихъ жалкихъ экзаменахъ, въ этой несчастной льготѣ? Нѣтъ, дѣло не въ томъ, и это понимаютъ тѣ, для которыхъ сельская школа составляетъ не отвлеченный предметъ сочувствій, а кровное дѣло, тѣ, которые поддерживаютъ ее своими трудовыми деньгами, тѣ, которые ввѣряютъ ей всю жизнь своихъ дѣтей.

Вотъ почему я твердо вѣрю въ будущность этой бѣдной, темной, едва возникающей сельской школы, оцунью создаваемой на нашихъ глазахъ безграмотнымъ народомъ. Ибо—не нужно обольщаться—все, что въ ней есть живаго, добраго, внесено въ нее не нашими просвѣщенными стараніями, не мѣрами правительства, но здравымъ смысломъ и нравственнымъ строемъ этого безграмотнаго народа.

О, если бы въ нашихъ образованныхъ классахъ замѣчалась хоть тѣнь этого прямого, безкорыстнаго духовнаго отношенія къ дѣлу, хоть тѣнь этой истинной вѣры въ пользу истиннаго просвѣщенія! Съ какою радостію сказалъ бы я безъ ограниченій, что вѣрю въ будущность русской школы.

VII.

Изъ всѣхъ сторонъ нашей школьной практики ни одна быть-можетъ не даетъ поводовъ къ столькимъ недоразумѣніямъ, какъ преподаваніе Закона

Божія въ сельской школѣ. Коснусь лишь одного изъ нихъ, потому что оно затрогиваетъ самую сущность дѣла, и разъясненіе его необходимо.

Въ теченіи послѣднихъ годовъ и въ литературѣ, и въ сферахъ земскихъ и правительственныхъ неоднократно былъ поднимаемъ вопросъ о предоставленіи лицамъ свѣтскимъ права преподаванія Закона Божія въ сельскихъ училищахъ. Въ пользу такого расширенія правъ сельскаго учителя приводились и приводятся самые вѣскіе аргументы: необходимость обезпечить въ сельскихъ школахъ правильное преподаваніе этого важнаго предмета; существованіе школъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ по отдаленности церквей трудно или невозможно пользоваться преподаваніемъ священника; слишкомъ частый отказъ священниковъ отъ законоучительства тамъ, гдѣ этихъ препятствій не существуетъ; совершенная возможность для благочестиваго человѣка, обладающаго самымъ скромнымъ образованіемъ, успѣшно сообщать крестьянскимъ дѣтямъ тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя требуются существующими программами по Закону Божию; то возвышеніе авторитета учителя въ глазахъ учениковъ и ихъ родителей, которое проистекло бы изъ порученія ему столь святаго и жизненнаго дѣла; примѣръ классическихъ странъ народнаго образованія, Германіи и Даніи.

Въ виду обилія и внушительности этихъ доводовъ, считаю нелишнимъ сопоставить съ ними нѣкоторыя чисто практическія соображенія, не съ тѣмъ, чтобы повліять такъ или иначе на правительственное рѣшеніе вопроса (мои замѣтки чужды такихъ притязаній), но чтобы обратить на него вниманіе тѣхъ изъ моихъ читателей, которымъ дорого пруспѣяніе нашей сельской школы.

Прежде всего нужно замѣтить, что въ большинствѣ нашихъ сельскихъ школъ, то-есть во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ священникъ не можетъ или не хочетъ принять на себя преподаваніе Закона Божія, или только числится законоучителемъ, этотъ пред-

метъ преподается, независимо отъ всякихъ разрѣшеній, лицомъ свѣтскимъ, а именно учителемъ. Преподаваніе это противозаконно. Но прекращеніе его равнялось бы немедленному закрытію школы. Безъ преподаванія Закона Божія русская сельская школа существовать не можетъ. Нѣкоторые инспекторы училищъ силятся искоренить это беззаконіе, распекаютъ священниковъ, распекаютъ учителей, увѣщываютъ послѣднихъ замѣнить преподаваніе Закона Божія перепискою съ начальствующими мѣстами и лицами о *понужденіи* священника къ преподаванію этого предмета. Но старанія эти безплодны. Учителю очень хорошо извѣстно, что этою перепискою онъ никакой помощи отъ священника не добьется, а добьется развѣ своего изгнанія изъ школы. Ему извѣстно также, что самый усердный инспекторъ не посмѣетъ отрѣшить его отъ должности за то, что онъ выучилъ своихъ учениковъ десятку другому молитвѣ, что онъ сообщилъ имъ краткія свѣдѣнія о земной жизни Спасителя...

Въ томъ-то и дѣло, что мы тутъ вступили въ ту область, гдѣ бессильно всякое запрещеніе, гдѣ безплодно всякое принужденіе.

И такъ, опытъ преподаванія Закона Божія мірянами налицо, опытъ не единичный, а повсемѣстный. Это до сихъ поръ скорѣе норма, чѣмъ исключеніе.

Каковы же результаты этого опыта? Скажу не обинуясь, что при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, при полномъ усердіи и достаточномъ знаніи учителя, результаты эти крайне неудовлетворительны, и это по причинамъ неустранимымъ, по силѣ вещей. Дѣти пріобрѣтаютъ тѣ знанія, которыя имъ нужны для экзамена, и только.

Иначе и быть не можетъ. Пусть читатель попытается поставить себя на мѣсто учителя, вынужденнаго заниматься постоянно съ тремя группами (попросту тремя классами) учениковъ заразъ. Можно за нуду единовременно диктовать одной изъ нихъ,

слѣдить за чтеніемъ другой, задавать третьей ариѳметическія задачи. Отъ каждаго изъ этихъ занятій можно отрывать разъ десять въ часъ, на минуту или двѣ, не прерывая занятій учениковъ. Но пусть читатели представляютъ себѣ, во что обращается, при этихъ условіяхъ, преподаваніе Закона Божія, для котораго соединить всѣ три группы невозможно! Оно неминуемо сводится къ задаванію и выспрашиванію уроковъ, къ упражненію дѣтей въ зубреніи молитвъ и библейскихъ разсказовъ, которому они подвергаются съ покорностію и терпѣніемъ, но безъ всякой оцутительной пользы. Русская сельская школа, въ томъ видѣ, въ которомъ сложилась она подъ гнетомъ обстоятельствъ, положительно не по силамъ *одному* человѣку. Тамъ, гдѣ на помощь учителю не приходитъ священникъ, она своего дѣла исполнить не можетъ.

Такова внѣшняя, такъ-сказать осязаемая сторона дѣла. Но насколько важнѣе сторона внутренняя! Если по простому соображенію времени и среднихъ силъ человѣческихъ, преподаваніе Закона Божія должно быть поручено иному лицу, чѣмъ учителю, преподающему всѣ прочіе предметы, то этимъ лицомъ не можетъ быть никто иной, какъ мѣстный священникъ, — духовный отецъ учениковъ, знавшій ихъ еще до поступленія въ школу, призванный ихъ учить и по выходѣ изъ нея. Онъ имѣетъ возможность не только вести преподаваніе съ каждою группою отдѣльно, въ видѣ непрерывной, благоговѣйной бесѣды; онъ имѣетъ возможность сказать каждому изъ учениковъ то слово, въ которомъ нуждается душа его, и та власть вязать и рѣшить, которою онъ облеченъ, придаетъ этому слову такую силу, которой никогда не достигнуть слову свѣтскаго человѣка.

Не слѣдуетъ забывать также, что та элементарная программа, которая утверждена Св. Синодомъ для преподаванія Закона Божія въ сельскихъ училищахъ, представляетъ собою лишь *minimum* того, что должно быть сообщаемо ея ученикамъ. Она расчи-

тана на нормальный школьный возраст (до 13, 14 лѣтъ), и поэтому изъ нея благоразумно устранено все, что превышаетъ пониманіе дѣтей этого возраста. Но въ нашихъ сельскихъ школахъ, рядомъ съ малыми дѣтьми, безпрестанно обучаются отроки 16, 17 лѣтъ. Это ученики, попавшіе въ школу поздно, на тринадцатомъ, четырнадцатомъ году, и такихъ учениковъ въ нашихъ сельскихъ школахъ еще долго будетъ много, ибо сознаніе необходимости ученія все болѣе распространяется, отъ семьи къ семьѣ, отъ деревни къ деревнѣ и особенно сильно проявляется въ подрастающемъ поколѣніи. Многіе крестьянскіе мальчики попадаютъ въ школу лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неотступныхъ просьбъ. Эти старшіе (и лучшіе) ученики сельскихъ школъ почти всегда отличаются особымъ интересомъ ко всему, что касается вѣры и церкви. Ихъ любознательность прежде всего обращается на подробности богослуженія, а затѣмъ переходитъ и на вопросы догматическіе, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ къ населенію примѣшаны элементы раскольничьи и иновѣрческіе. Законоучитель безпрестанно бываетъ вынужденъ, въ своихъ бесѣдахъ съ учениками, выходить изъ тѣсныхъ рамокъ обязательной программы. Онъ долженъ обладать такимъ подробнымъ и точнымъ знакомствомъ съ богослуженіемъ нашей церкви, котораго невозможно требовать отъ свѣтскаго учителя. Онъ долженъ имѣть и догматическія познанія, достаточно ясныя и полныя, чтобы не затрудняться отвѣтомъ на неожиданные вопросы самаго серьезнаго свойства. И этихъ познаній нѣтъ, и не можетъ быть, у огромнаго большинства нашихъ сельскихъ учителей. Это обстоятельство не можетъ скраться отъ старшихъ учениковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти учителя берутъ на себя преподаваніе Закона Божія, и конечно не можетъ способствовать возвышенію авторитета учителя въ глазахъ учащихся. Наконецъ, самое практическое участіе въ богослуженіи, самое чтеніе и пѣніе въ церкви имѣетъ свою освященную преда-

ніемъ технику, въ которой усердные ученики добиваются возможнаго совершенства. И въ этомъ отношеніи учителю, наряду съ учениками, приходится учиться у священника.

Какую же пользу для дѣла можемъ мы ожидать отъ дарованія официальной санкціи тому жалкому способу, которымъ нынѣ ведется преподаваніе Закона Божія въ большинствѣ нашихъ сельскихъ школъ благодаря именно тому, что оно ведется лицомъ свѣтскимъ, тѣмъ же учителемъ, которому и безъ того слишкомъ много дѣла? Развѣ признаніе плохаго преподаванія удовлетворительнымъ сдѣлаетъ его хорошимъ?

Не должны ли мы, напротивъ, опасаться, что такое признаніе повлечетъ за собою послѣдствія, положительно вредныя? Въ настоящее время все болѣе и болѣе распространяется обычай назначать за преподаваніе Закона Божія въ сельской школѣ денежное вознагражденіе, хотя и скудное, но весьма соблазнительное для нашихъ, плохо обеспеченныхъ учителей. Признаніемъ за учителемъ одинаковыхъ съ священникомъ правъ на преподаваніе Закона Божія между этими лицами было бы возбуждено опасное соперничество, способное въ конецъ подорвать всякій авторитетъ сельской школы.

И такъ, не гораздо ли естественнѣе хлопотать о замѣнѣ плохаго лучшимъ, то есть о привлеченіи священниковъ къ участию въ школьномъ дѣлѣ?

Тѣ немногія школы, которыя удалены отъ церквей, тѣ исключительные случаи, гдѣ въ одномъ приходѣ существуетъ нѣсколько школъ, тутъ вовсе не входятъ въ расчетъ. Количество школъ у насъ, сравнительно съ количествомъ приходоу, еще такъ мало, школы такъ естественно возникаютъ по близости отъ церквей, что говорить о недостаткѣ священниковъ-законоучителей—просто смѣшно. Въ случаѣ же дѣйствительнаго затрудненія въ этомъ отношеніи и по закону, и на практикѣ разрѣшается преподаваніе Закона Божія мирянами, по усмотрѣнію епархіаль-

ныхъ начальствъ, которыя никогда не отказываютъ въ этомъ разрѣшеніи учителю, мало-мальски къ тому способному, очень хорошо зная, что и безъ этого разрѣшенія Законъ Божій имъ будетъ преподаваться.

Всего менѣе, какъ мнѣ кажется, долженъ насъ смущать, по отношенію къ этому вопросу, примѣръ тѣхъ высокообразованныхъ странъ, въ которыхъ процвѣтаетъ дѣло народнаго образованія. Вѣдь эти страны, между прочимъ, протестантскія, а Россія, если не ошибаюсь, страна православная. Едва ли это различіе такъ ничтожно, что можетъ быть совершенно упущено изъ виду, когда дѣло идетъ о преподаваніи Закона Божія. Православная церковь признаетъ нѣкоторое таинство, протестантами отвергаемое, именуемое священствомъ. Этимъ таинствомъ, по ученію церкви, въ числѣ другихъ даровъ Духа Святаго, сообщается и благодать наставленія въ вѣрѣ. Этотъ даръ, какъ и всѣ прочіе евангельскіе таланты, можетъ быть зарытъ въ землю недостойными служителями церкви, но эта возможность не уменьшаетъ его цѣнности. Священникъ, достойный своего званія (и съ этимъ согласится не только всякій человѣкъ вѣрующій, но и всякій безпристрастный наблюдатель) преподаетъ Законъ Божій успѣшнѣе, т. е. лучше преподавателя свѣтскаго, не только въ силу болѣе обширнаго знанія, но и въ силу того, что онъ священникъ.

Да, мы не протестанты, и намъ не пристало пренебрегать участіемъ духовенства въ дѣлѣ духовнаго образованія народа. Но мы также не католики. Намъ не пристало считать это дѣло исключительнымъ достояніемъ духовенства. И тамъ, гдѣ въ школѣ учить, рядомъ съ учителемъ, усердный священникъ, учитель нисколько не устраняется отъ участія въ его трудахъ. Постоянное его общеніе съ дѣтьми, упражненія въ церковно-славянскомъ чтеніи, необходимыя въ извѣстныя времена года репетиціи уроковъ законоучителя, отвлеченнаго другими обязанностями, даютъ ему безпрестанные, ежедневные случаи бесѣ-

довать съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности, не принимая на себя роли законоучителя. Это участіе даже необходимо. Лишь при дружномъ сотрудничествѣ законоучителя и учителя возможенъ успѣхъ въ преподаваніи Закона Божія, возможенъ правильный ходъ всего школьнаго дѣла.

Прошу сельскихъ читателей «Руси» (для нихъ пишутся эти замѣтки) обратить вниманіе на эти соображенія. Прошу объ этомъ священниковъ, учителей, попечителей сельскихъ школъ, всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ съ этими школами непосредственное сопркосновеніе. Отъ нихъ, а не отъ правительства, не отъ земствъ зависитъ исцѣленіе тѣхъ недуговъ, которыми страдаетъ сельская школа, естественнымъ путемъ труда и вниманія, а не путемъ опасныхъ экспериментовъ....

VIII.

Русскимъ языкомъ, ариметикою (цѣлыхъ чиселъ), Закономъ Божиимъ исчерпывается обязательная программа нашихъ сельскихъ школъ (такъ-называемыхъ одноклассныхъ училищъ). Въ двухклассныхъ министерскихъ училищахъ къ этимъ предметамъ преподаванія присоединяются ариметика дробныхъ чиселъ, геометрія, черченіе, элементы геодезіи, географія, русская исторія, естественныя науки, пѣніе и гимнастика, и изученіе какого-либо ремесла. На усвоеніе всѣхъ этихъ добавочныхъ предметовъ полагается два года *).

Желательно ли ввести преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ, или какихъ-либо иныхъ, во всѣ наши сельскія школы? Возможно ли, и въ какой мѣрѣ, расширеніе ихъ программы? Эти вопросы очень важны, не для всѣхъ ясны, и вызываютъ самые разнорѣчивые отвѣты.

*) Т. е. двѣ зимы. Нормальное число учебныхъ дней въ году вертится около 140.

О томъ, что желательнo увеличить сумму дѣйствительныхъ знаній, сообщаемыхъ всякою школою, къ какому бы она ни относилась разряду, кажется, не можетъ быть и спору; о той степени опасности, которую представляетъ расширение программы безъ соотвѣтствующаго улучшенія и усиленія учащаго персонала, безъ достаточнаго удлиненія учебнаго времени, мнѣнiя повидимому раздѣлены гораздо болѣе. Наконецъ, вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должно совершаться расширение учебной программы нашихъ сельскихъ школъ, къ чему можно приступить немедленно, что до времени слѣдуетъ отложить, рѣшается способами, разнообразными донельзя.

Всего естественнѣе обратиться за примѣромъ къ существующимъ у насъ образцовымъ министерскимъ двухкласснымъ училищамъ. Примѣръ этотъ дѣйствительно поучителенъ, но только въ смыслѣ отрицательномъ. Преподаванiе добавочныхъ предметовъ во второмъ классѣ этихъ заведенiй не достигаетъ своей цѣли и по недостаточной подготовкѣ учениковъ въ первомъ классѣ, и по сложности программы, и по недостатку времени, и по недостаточной подготовкѣ учителей. Этотъ второй классъ приноситъ пользу лишь въ качествѣ повторительной школы, придающей прочностъ знанiямъ и умѣнiямъ, прiобрѣтеннымъ въ первомъ, который по опредѣленному уставомъ числу уроковъ совершенно недостаточенъ въ смыслѣ окончательной начальной школы. Что касается до мнимыхъ знанiй по добавочнымъ предметамъ, входящимъ въ программу втораго класса, то пользы принести ученикамъ они, конечно, не могутъ никакой, но свидѣтельство объ обладанiи ими приноситъ имъ вредъ, вселяя въ нихъ желанiе и надежду подняться выше крестьянскаго сословiя—надежду, которая не оправдывается ихъ дѣйствительными знанiями.

И такъ, двухклассныя училища не даютъ намъ прямыхъ практическихъ указанiй насчетъ расширения программы народныхъ училищъ. Этихъ указанiй

скорѣе слѣдуетъ искать въ школахъ не министерскихъ, находящихся въ относительно выгодныхъ условіяхъ. Изъ наблюдений надъ такими школами можно вывести слѣдующія данныя.

Вопервыхъ, одинъ изъ существенныхъ элементовъ успѣха при расширенномъ преподаваніи, удлиненіе учебнаго времени, совершенно зависитъ отъ учащихся въ школѣ учителя и законоучителя. Если только школа ведется ими усердно и исправно, родители охотно оставляютъ въ ней дѣтей не только на четыре, но и на пять, шесть лѣтъ. Къ льготнымъ свидѣтельствамъ они питаютъ глубокое равнодушіе. Нерѣдко они берутъ дѣтей изъ школы за мѣсяць до экзамена и столь же часто посылаютъ доучиваться въ школу дѣтей, уже выдержавшихъ экзаменъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, они держатся разумнаго правила или вовсе не учить дѣтей, или довести ихъ до настоящей, прочной грамотности. Тамъ, гдѣ школа существуетъ уже много лѣтъ, они отлично понимаютъ, что такая грамотность дается не вдругъ. И такъ, первымъ условіемъ возможнаго расширенія существующей программы начальной школы является ея *добросовѣстное исполненіе*. Какъ только родители *увѣрываютъ* въ школу, убѣждаются, что она сообщаетъ прочную, практически приложимую грамотность, церковную и гражданскую, навыкъ къ быстрому и точному счету, что она учитъ дѣтей молитвѣ и страху Божію, школа смѣло можетъ расширить свой учебный курсъ и по времени, и по содержанию. Они очень основательно заключаютъ, что такая школа, расширяя свое преподаваніе, имѣетъ въ виду пользу ихъ дѣтей, даже когда не понимаютъ спеціальной пользы того или другаго вновь вводимаго предмета.

Вовторыхъ, несомнѣнно, что никакое существенное расширеніе программы нашей сельской школы не можетъ быть осуществлено безъ усиленія ея учащаго персонала. Слѣдить за занятіями болѣе трехъ группъ учениковъ заразъ совершенно невозможно. Безъ такого усиленія всякое введеніе новыхъ пред-

метовъ преподаванія въ нашу школу будетъ ложью, и поведетъ только къ ослабленію въ ней преподаванія. Въ этомъ заключается одна изъ самыхъ существенныхъ трудностей дѣла. Наша школа, какъ извѣстно, матеріально крайне бѣдна. Постараюсь указать ниже на самые экономическіе способы для достиженія этой цѣли.

Наконецъ, слѣдуетъ выяснитъ себѣ, въ какомъ порядкѣ, въ какой постепенности могутъ быть введены въ нашу сельскую школу тѣ предметы преподаванія, которые желательно присоединить къ ея программѣ.

На первомъ планѣ тутъ стоитъ церковное пѣніе, и потому, что ни одинъ предметъ преподаванія не дополняетъ столь удачно нашей скудной школьной программы, ни одинъ не возбуждаетъ къ школѣ столько сочувствія въ сельскихъ жителяхъ всѣхъ степеней образованія, и потому, что при свѣдущемъ и даровитомъ учителѣ онъ не требуетъ усиленія учащаго персонала. Чтобы по возможности сократить слишкомъ длинный рядъ моихъ замѣтокъ, позволю себѣ побесѣдовать объ этомъ предметѣ съ читателями «Руси» отдѣльно, впоследствии, тѣмъ болѣе, что о желательности распространенія пѣнія въ сельскихъ школахъ, кажется, нѣтъ и спору.

Затѣмъ, самымъ желательнымъ и полезнымъ шагомъ къ расширенію программы нашей сельской школы представляется введеніе въ нее ариѳметики дробныхъ чиселъ и элементарной геометріи. И то и другое еще не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго при одномъ усердномъ и дѣльнымъ учителѣ, и при четырехлѣтнемъ курсѣ. Разумѣется, въ такомъ случаѣ учителю нужно оставлять учениковъ по два года въ одной группѣ (второй). Геометрія—именно первый новый предметъ, который надлежитъ ввести въ нашу сельскую школу, потому что онъ одинъ даетъ намъ средства къ дальнѣйшему расширенію ея программы, къ введенію въ нее географіи, безъ которой невозможно преподаваніе исторіи, потому что онъ имѣетъ

множество примѣненій (въ техническомъ рисованіи, геодезіи, всѣхъ строительныхъ и художественныхъ ремеслахъ); потому, наконецъ, что онъ приводитъ въ дѣйствіе такія умственные способности ребенка, которыхъ не затрогиваютъ прочія его занятія въ школѣ. На этотъ предметъ должно быть обращено особенное вниманіе нашихъ учительскихъ семинарій. Для того, чтобы принести пользу, преподаваніе геометріи должно быть тщательно и серьезно обставлено обильными упражненіями въ рѣшеніи задачъ и черченіи. То поверхностное преподаваніе геометріи, которое нынѣ практикуется въ министерскихъ училищахъ, есть чистая потеря времени.

Идти далѣе, при одномъ учителѣ, невысказано. Поэтому столь желательное введеніе въ программу сельскихъ школъ географіи и отечественной исторіи пока возможно лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда школа обладаетъ значительными денежными средствами. Притомъ нужно замѣтить, что преподаваніе русской исторіи въ сельской школѣ есть дѣло величайшей трудности. Оно требуетъ отъ преподавателя точныхъ и обильныхъ свѣдѣній по этому предмету. Оно должно быть подробно и живо. Необходимый скелетъ (хронологическій, географическій, генеалогическій) долженъ быть прочно усвоенъ дѣтьми и одѣтъ плотію и кровію. Не должно забывать, что крестьянскія дѣти лишены всѣхъ тѣхъ иллюстрацій, которыя для дѣтей высшихъ сословій оживляютъ школьный остовъ исторіи и которыя приносятъ имъ сама жизнь—въ литературѣ, въ театрѣ, въ произведеніяхъ искусствъ, въ разговорахъ старшихъ, въ лицезрѣніи памятниковъ старины. Все это должно быть замѣнено учителемъ и тѣми немногими книгами, которыя соединяютъ живое, понятное изложеніе съ дѣльнымъ содержаніемъ *). Другое затрудненіе заклю-

*) Изъ такихъ литературныхъ «иллюстрацій» особеннаго вниманія заслуживаютъ «Разказы изъ Русской Исторіи» покойнаго Разина. Вплетенныя въ вихрь романическія нити самаго

чается въ томъ, что взгляды нашихъ историковъ на значеніе самыхъ основныхъ моментовъ русской исторіи расходятся почти діаметрально, и что это разногласіе отражается и въ нашей популярной и дѣтской литературѣ. Въ этомъ хаосѣ трудно разобраться не только ученикамъ сельской школы, но и ихъ учителю.

Что касается до введенія въ программы сельскихъ школъ преподаванія естественныхъ наукъ, то толки о немъ кажутся мнѣ основанными на странномъ недоразумѣніи. Единственный разумный приступъ къ преподаванію наукъ естественныхъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) — наглядное ознакомленіе дѣтей съ мѣстною флорою и фауною, совершенно немыслимъ въ нашей сельской школѣ, въ которой учебный періодъ обусловливается періодомъ покоя органической природы. То же, что можетъ быть сообщено въ нашихъ сельскихъ школахъ путемъ устнымъ и книжнымъ, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, ни воспитательнаго, ни практическаго, и обречено на неизбѣжное забвеніе. Единственный отдѣлъ наукъ физическихъ, который могъ бы съ пользою быть введенъ въ ихъ программу, при условіяхъ исключительно благоприятныхъ, есть экспериментальная физика — разумѣется, вслѣдъ за геометрію.

Вообще, можно сказать смѣло, что при нынѣшнемъ зачаточномъ и крайне неравномѣрномъ развитіи нашей сельской школы, общія мѣры, направленные къ расширенію ея программы введеніемъ новыхъ предметовъ преподаванія, вовсе не желательны. Желательны усиленіе и правильная постановка тѣхъ предметовъ, которые уже нынѣ преподаются, и умноженіе школъ элементарной грамотности.

Но тѣмъ съ большею внимательностію должны отдѣльныя мѣстности, поставленные въ особенно бла-

невиннаго свойства и нанизанные на нихъ историческія подробности весьма обильны и выбраны съ тактомъ. Продолженіе этихъ «Разказовъ», составленное другимъ авторомъ, гораздо слабѣе.

гопріятныя условія, единичныя школы, обладающія исключительными денежными средствами и учебными силами, пользоваться всякою возможностью расширить свои учебныя программы, неизмѣнно держа въ правила вводить лишь то, что по силамъ наличному учебному персоналу, что можетъ уложиться въ мѣстные сроки учебнаго времени. Такія мѣстныя попытки, такіе образцы дѣйствительнаго осуществленія желательныхъ расширеній элементарнаго образованія несравненно сильнѣе подвинуть дѣло, силою примѣра, указаніями на практическія его трудности и способы ихъ побѣдить, чѣмъ всякія общія мѣропріятія, обреченныя въ большинствѣ случаевъ на существованіе бумажное, призрачное, на роли благовидной ширмы, закрывающей отъ насъ печальную дѣйствительность.

Я говорилъ до сихъ поръ лишь о желательномъ расширеніи общеобразовательнаго курса нашихъ сельскихъ школъ, насколько оно возможно. Но есть расширеніе инаго рода, которое необходимо и на которое, слава Богу, у насъ начинаютъ обращать серьезное вниманіе. Говорю о распространеніи у насъ, путемъ сельской школы, свѣдѣній и умѣній тихническихъ, объ основаніи школъ ремесленныхъ, земледѣльческихъ, доступныхъ нашимъ крестьянскимъ дѣтямъ. Поднятіе кустарной промышленности тамъ, гдѣ она существуетъ, введеніе новыхъ отраслей труда въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя представляютъ для нихъ благопріятную почву, были бы великими, неоцѣненными благодѣяніями. Но при этомъ прежде всего нужно обратить вниманіе на два обстоятельства первостепенной важности.

Вопервыхъ. Основной, повсемѣстный промыселъ нашего сельскаго люда, наиболѣе нуждающійся въ поднятіи, наиболѣе страдающій отъ недостатка положительныхъ знаній и умѣній у кормящихся имъ— есть земледѣліе. Намъ прежде всего нужны крестьянскія земледѣльческія школы. Ихъ нужно намъ много, по крайней мѣрѣ по одной на уѣздъ. Эти школы должны представлять самостоятельныя образцовыя

хозяйства, владѣть угодьями, совершенно достаточными для обезпеченія дѣйствительной доходности, по возможности и лѣсными дачами, на которыхъ могъ бы быть поданъ примѣръ правильнаго лѣснаго хозяйства. При такихъ школахъ необходимо обученіе тѣмъ мастерствамъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ земледѣлію (плотничьему, столярному, кузнечному, слесарному, гончарному). Ремесленники по этимъ частямъ необходимы вездѣ, и ихъ отсутствіе составляетъ одинъ изъ главныхъ тормазовъ въ развитіи нашего сельскаго хозяйства, наряду съ отсутствіемъ рабочихъ, умѣющихъ обращаться съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями. Съ земледѣльческою школою должна быть соединена мастерская для изготовленія прочныхъ и возможно дешевыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, болѣе совершеннаго устройства, чѣмъ нынѣ употребляемая. Такая мастерская сдѣлалась бы для школы значительнымъ источникомъ дохода и разсадникомъ сельскихъ мастеровъ по этой части, въ которыхъ ощущается крайняя нужда.—Вслѣдъ за этими школами, разумѣется, должны быть основаны и школы чисто ремесленныя, соответствующія потребностямъ данныхъ мѣстностей.—Тутъ кончается роль сельскихъ обществъ всѣхъ наименованій, слишкомъ слабыхъ и бѣдныхъ для такой задачи, и начинается роль земствъ, при содѣйствіи отдѣльныхъ личностей щедрыми пожертвованіями деньгами и землею.

Вовторыхъ. Столь трудное и неудобное соединеніе школы технической съ обученіемъ элементарной грамоты становится съ каждымъ годомъ менѣе нужнымъ, благодаря быстрому размноженію сельскихъ школъ. Усвоеніе прочной грамотности, при краткости нашихъ учебныхъ сроковъ, требуетъ всего времени и всѣхъ силъ ребенка. Возрастъ самый благопріятный для этого усвоенія предшествуетъ тому, въ которомъ физическія силы позволяютъ ему приняться производительно за трудъ ремесленный или земледѣльческій. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, для

того, чтобы привить ребенку дѣйствительныя умѣнія, долженъ сдѣлаться главнымъ, преобладающимъ его дѣломъ. Занятія ремеслами по одному часу въ день, какъ они практикуются въ нашихъ министерскихъ училищахъ, могутъ имѣть значеніе развѣ лишь гигиеническое, наряду съ гимнастикою, но научить ребенка какому-либо мастерству не могутъ, и желательно было бы совершенно ихъ отмѣнить, какъ лишнюю трату времени и денегъ, которыя съ гораздо большею пользою могли бы быть обращены на прочія учебныя нужды этихъ заведеній. Впрочемъ, профессиональная школа вполне можетъ удѣлить часть своего времени на дополненіе знаній своихъ учениковъ по нѣкоторымъ необходимымъ предметамъ, каковы геометрія, черченіе, физика, и служить по прочимъ школою повторительною.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, всего удобнѣе было бы принимать въ школы земледѣльческія и ремесленныя мальчиковъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ, и эти профессиональныя школы прежде всего слѣдовало бы заводить въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя обладаютъ сплошными группами училищъ элементарныхъ. При этомъ условіи, новыя училища быстро наполнялись бы учащимися и въ свою очередь дали бы сильный толчокъ размноженію сельскихъ школъ грамотности, предоставляя ихъ ученикамъ преимущество первостепенной важности.

Ограничиваюсь этими бѣглыми указаніями по предмету, требующему несравненно болѣе обстоятельнаго обсуждения, но о которомъ рѣшаюсь высказать лишь тѣ соображенія, которыя вытекаютъ изъ моихъ личныхъ наблюденій надъ преподаваніемъ ремеслъ въ сельской школѣ.

IX.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ, необходимо остановиться на вопросѣ, отъ рѣшенія котораго долженъ зависѣть весь нашъ взглядъ на нашу сельскую школу.

Что даетъ эта школа своимъ ученикамъ? Чѣмъ отражается ученіе на ихъ послѣдующей жизни, матеріальной и нравственной? При рѣшеніи этихъ вопросовъ можемъ принимать въ соображеніе лишь школы хорошія. Результаты ученія въ школахъ плохихъ могутъ сводиться къ нулю, и такія школы имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку легче улучшить школу существующую, чѣмъ основать новую.

И такъ, присмотримся къ заурядному ученику школы хорошей.

Прежде всего, онъ отличается отъ своихъ безграмотныхъ односельчанъ болѣе правильною русскою рѣчью. Отличіе это не маловажно. Съ нимъ сопряжено болѣе точное пониманіе рѣчи образованныхъ классовъ, рѣчи письменной, литературной. Это приобрѣтеніе въ безчисленныхъ случаяхъ обыденной жизни приноситъ ему практическую пользу. Оно неограниченно, какъ средство къ дальнѣйшему расширенію его умственного кругозора. Вовторыхъ, онъ приобрѣлъ способность писать письма и, при должномъ указаніи, тѣ дѣловыя бумаги, которыя бываетъ нужно писать въ крестьянскомъ быту. Втретьихъ, онъ приобрѣлъ способность читать для своей забавы, для своего поученія и назиданія, и эта способность приноситъ пользу не только ему, но и окружающему его безграмотному люду. Грамотныхъ парней зимою по деревнямъ много заставляютъ читать вслухъ, на посидѣлкахъ, во время долгихъ ночныхъ работъ *).

*) Старики заставляютъ читать себѣ преимущественно Священное Писаніе, Новаго и Вѣтхаго Завета, на русскомъ языкѣ, Житія Святыхъ, въ переложеніи А. Н. Бахметевой, и другія книги духовно-назидательнаго содержанія (подлинный текстъ Четьи-Миней доступенъ только грамотѣямъ, и это безспорно ихъ любимая книга). Молодежь безпрестанно требуетъ чтенія сказокъ изъ сборника Афанасьева, рассказовъ изъ книги для чтенія графа Л. Н. Толстаго, но болѣе всего—сказокъ Пушкина. У насъ есть безграмотные крестьяне, знающіе наизусть всю длинную сказку о царѣ Салтанѣ. Этотъ краткій репертуаръ деревенскихъ чтецовъ постоянно расширяется.

Наконецъ, и это всего важнѣе, то искреннее благочестіе, тотъ интересъ къ вопросамъ вѣры и духа, который вынесли изъ дома и внесли въ сельскую школу ея ученики, въ ней становятся сознательнѣе и глубже, становятся могучими будильниками ума и впослѣдствіи поддерживаютъ тѣ навыки и знанія, которые приобрѣтены ими въ школѣ. Духовная жажда становится для нихъ главнымъ побужденіемъ не только къ чтенію, но и къ писанію, находящему въ ихъ быту такъ мало постоянныхъ практическихъ приложений. Въ свободныя минуты, они съ величайшею охотою переписываютъ молитвы, духовныя стихотворенія, отрывки церковно-назидательнаго содержанія. Пониманіе церковно-славянскаго языка, знакомство съ богослуженіемъ, способность участвовать въ немъ пѣніемъ или чтеніемъ привязываетъ ихъ къ церкви. Крестьянина, прошедшаго черезъ школу, въ которой отведено должное мѣсто церковному элементу, не легко совратить въ расколъ. Въ матеріальномъ отношеніи школьная грамотность приобрѣтаетъ особенную важность для тѣхъ крестьянъ, которые ищутъ занятій въ городахъ, а также для поступающихъ въ военную службу. Независимо отъ двухгодовой льготы, она значительно облегчаетъ имъ эту службу, въ большинствѣ случаевъ доставляетъ имъ должность инструктора, полковаго писаря, и т. п.

Вотъ что выносить изъ хорошей школы заурядный ученикъ, ограничивающій ею свое умственное образованіе, и право уже изъ-за этого результата стоить потрудиться. Но имъ не ограничивается то, что можетъ почерпнуть въ такой школѣ мальчикъ, одаренный прилежаніемъ и способностями, превышающими средній уровень. Для такого мальчика сельская школа можетъ сдѣлаться первымъ шагомъ къ дальнѣйшему умственному развитію, можетъ служить ступенюю къ выходу въ иныя сферы жизни. Мальчикъ, поступившій въ сельскую школу рано, легко можетъ перейти въ первый или приготовительный классъ гимназіи. Уже теперь въ нашихъ провинціаль-

ныхъ гимназійхъ начинаютъ появляться дѣти зажиточныхъ крестьянъ.

Возможность эта важна въ виду тѣхъ исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ желательно довести крестьянскаго мальчика до высшаго образованія. Но спѣшу прибавить, что въ большинствѣ случаевъ крестьянскій мальчикъ можетъ только проиграть отъ помѣщенія въ наши средне-образовательныя заведенія. Окончательный, безповоротный разрывъ съ крестьянскою средою, неизбѣжный при такомъ шагѣ, рѣдко вознаграждается приобрѣтеніемъ истиннаго образованія. Говорю это не въ укоръ нашему гимназическому преподаванію. Но таково неизбѣжное слѣдствіе отношеній, установленныхъ между нашею учебною системою и государственною службою, взглядовъ на учебное дѣло, развившихся подъ ея вліяніемъ въ нашемъ быстро разрастающемся полу-образованномъ обществѣ. Въ силу этихъ условій, наши среднія учебныя заведенія, отчасти и высшія, все болѣе становятся расадниками не просвѣщенія, а чиновничества. Вотъ почему они переполнены, почему они плодятъ недовольныхъ, почему не окончить въ нихъ курса становится истиннымъ бѣдствіемъ. Вѣдь знанія, приобрѣтаемыя въ нихъ—въ глазахъ учащихся и ихъ родителей—ничто. Все дѣло въ дипломѣ, въ служебныхъ правахъ. Знаніе латинскихъ спряженій, не увѣнчанное полученіемъ 14-го класса, считается такимъ горемъ, что наталкиваетъ нашихъ сбитыхъ съ толку гимназистовъ на всякія безумства, до самоубійства включительно. Рѣдкій крестьянинъ имѣетъ терпѣніе и средства довести своего сына до окончанія гимназическаго курса. Неполный курсъ прививаетъ къ нему гораздо болѣе несбыточныхъ желаній, чѣмъ истинныхъ знаній. Даже при окончаніи курса, ученіе въ большинствѣ случаевъ бросаетъ его въ слишкомъ многочисленную уже голодающую и ненасытную армію нашихъ мелкихъ чиновниковъ.

Обращаю на эти соображенія особенное вниманіе завѣдующихъ школами, попечителей и т. п. Отъ

этихъ лицъ, отъ ихъ указаній и совѣтовъ часто зависить направить тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, которымъ родители желаютъ и могутъ дать иную профессію, чѣмъ земледѣліе. Къ счастью, передъ способными учениками сельскихъ школъ открываются иные пути, чѣмъ помѣщеніе въ наши теплицы для выгонки чиновниковъ. Существуютъ, независимо отъ разныхъ ремеслъ, профессій, болѣе или менѣе хлѣбныя, къ которымъ мы можемъ ихъ направить, не облакая ихъ въ мундиръ, вещественный и нравственный, не прибѣгая къ тому опасному насилію, которое покойный Достоевскій называлъ «отколупываніемъ отъ народа». Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ.

Вездѣ, гдѣ по близости отъ школы существуетъ земская больница, изъ способныхъ учениковъ сельскихъ школъ можно образовать надежныхъ фельдшеровъ. Для тѣхъ изъ нихъ, которымъ предстоитъ военная служба, даже неполное обученіе этому дѣлу, не доводящее ихъ до фельдшерскаго званія, есть великое благодѣяніе, ибо по вступленіи въ службу они неминуемо попадаютъ въ фельдшерскіе ученики и со временемъ дѣлаются военными фельдшерами.

Точно такъ же вездѣ, гдѣ по близости отъ школы живетъ или продолжительно работаетъ опытный землемѣръ, легко обученіе крестьянскихъ мальчиковъ практической геодезіи, которая составляетъ драгоценное знаніе и въ сельской жизни, и на военной службѣ.

Для юношей, одаренныхъ художественными способностями, превосходнымъ выходомъ служатъ иконописныя школы при нашихъ монастыряхъ, дающія имъ возможность усовершенствоваться въ весьма прибыльномъ художественномъ ремеслѣ, а въ случаѣ выдающагося таланта, убѣдиться въ его размѣрахъ, прежде чѣмъ вступить на трудный путь самостоятельнаго искусства. Дай Богъ, чтобы эти прекрасныя учрежденія размножились и улучшались, чтобы къ нимъ присоединились и монастырскія школы церковнаго пѣнія, для образованія дѣльныхъ регентовъ, въ

которыхъ повсюду ощущается настоящая нужда. Да и то ли еще могли бы сдѣлать, и сдѣлаютъ когда-нибудь, для алчущихъ ученія наши монастыри, эта громадная дремлющая сила, которой еще суждено проснуться.

Я упоминалъ до сихъ поръ лишь о профессіяхъ болѣе или менѣе исключительныхъ, доступныхъ лишь при извѣстныхъ, хотя и нерѣдко встрѣчающихся условіяхъ. Но есть двѣ профессіи, въ которыя наплывъ изъ нашихъ сельскихъ школъ всегда возможенъ, въ которыя онъ желателенъ, нуженъ, необходимъ!

Первая изъ нихъ—профессія сельскаго учителя. Сельскихъ учителей намъ нужно много—дѣльныхъ, непритязательныхъ, прочныхъ, исполняющихъ свое трудное дѣло съ любовью и терпѣніемъ. Контингентъ, доставляемый нашими учительскими семинаріями, и качественно, и количественно недостаточенъ. Школьныхъ учителей должна плодить сама сельская школа. Разумѣется, за это дѣло можетъ взяться лишь та, которая съ честью исполняетъ свое прямое назначеніе. Истинно хорошій сельскій учитель, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, или одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ воспитанниковъ учительской семинаріи, которые дѣйствительно усвоили себѣ курсъ этихъ заведеній, легко можетъ приготовить своихъ учениковъ къ учительскому экзамену. Но конечно не въ этомъ экзаменѣ дѣло. Дѣло прежде всего въ *выборъ* тѣхъ юношей, изъ которыхъ могутъ выработаться дѣйствительно полезные сельскіе учителя. Ибо учительство въ русской сельской школѣ не есть ремесло, но *призваніе*, низшая степень того призванія, которое необходимо, чтобы сдѣлаться хорошимъ священникомъ. Этого тезиса не стану доказывать, ибо считаю его доказаннымъ всеѣмъ рядомъ моихъ замѣтокъ. Призваніе это между нашими крестьянами встрѣчается относительно часто. Дѣло учителя и прежде всего священника-законоучителя—его угадать. Приобрѣтеніе практическихъ навыковъ преподаванія, ис-

тиннаго пониманія обязанностей учителя относительно учениковъ—совершается гораздо успѣшнѣе въ живой, дѣйствительной школѣ, гдѣ ученики являются цѣлью, а не средствомъ, чѣмъ въ экспериментальныхъ школахъ при учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ ученики болѣе или менѣе низводятся на степень учебныхъ пособій для преподаванія педагогики и дидактики. Лучшая школа для начинающаго учителя—не упражненіе въ даваніи образцовыхъ уроковъ, но порученіе ему, подъ руководствомъ опытнаго наставника, послѣдовательнаго, соразнаго съ его силами дѣла, сопряженнаго съ отвѣтственностію, сперва легкою, потомъ постепенно осложняющеюся. Нѣсколько лѣтъ такой работы, при должномъ расширеніи познаній (на это остается свободною большая половина года), достаточны, чтобы образовать вполне удовлетворительнаго сельскаго учителя.

Въ каждомъ уѣздѣ найдется нѣсколько школъ, представляющихъ возможность готовить этимъ путемъ учителей изъ крестьянъ, не отрывая ихъ отъ условій сельскаго быта, не дѣлая изъ нихъ чиновниковъ. Такіе учителя намъ необходимы въ виду потребности въ деревенскихъ школахъ, дополняющихъ приходскія. Тѣ школы, которыя возвысятся до способности готовить такихъ учителей, тѣмъ самымъ приобрѣтутъ и другое, громадное преимущество. Читатель, пробѣжавшій мои предыдущія замѣтки, пойметъ, до какой степени расширяется область возможнаго въ школѣ, гдѣ при учителѣ имѣется одинъ помощникъ, не говоря уже о двухъ или трехъ. Устройство и поддержка правильнаго, плодотворнаго общезжитія при сельской школѣ безъ такихъ помощниковъ просто невысказуемо. Оно превышаетъ силы одного человѣка.

Настаиваю на великой пользѣ этого способа приготовления сельскихъ учителей, и это въ силу личнаго опыта. Если я чему-нибудь научился въ теченіи моей школьной практики, то конечно не отъ записныхъ педагоговъ, не отъ учителей казеннаго из-

дѣлія, но отъ учителей-крестьянъ, никогда не покидавшихъ своего глухаго угла, не знавшихъ иной школы кромѣ сельской. Ихъ добросовѣтность и терпѣніе, ихъ умѣніе обращаться съ дѣтьми и приковывать ихъ вниманіе, угадывать, что въ данную минуту затрудняетъ ребенка и какъ помочь ему, ихъ цѣльное, духовное отношеніе къ дѣлу—по истинѣ несравнены. Съ ними можно дѣлать дѣло истинное, а не бумажное, вести школу не на показъ инспекторамъ училищъ, а на умственную и духовную пользу ученикамъ...

Но еще несравненно важнѣе другой исходъ для способнѣйшихъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ, а именно полная возможность поступать въ духовныя училища и со временемъ достигнуть священства. Уже теперь дѣти причетниковъ, даже сельскихъ священниковъ, именно этимъ путемъ начинаютъ свое образованіе. Сносная сельская школа вполнѣ готовится къ первому классу духовнаго училища. Одинъ изъ учениковъ моей школы поступилъ во второй, усвоивъ отъ мая до августа все, что въ первомъ классѣ проходится изъ латинскаго языка (это былъ самый легкій изъ моихъ учительскихъ трудовъ). Въ остальномъ онъ былъ уже готовъ. Само собою разумѣется, что избирать этотъ путь для ребенка слѣдуетъ еще внимательнѣе и осторожнѣе, чѣмъ всякій другой.

Наши духовныя училища, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ имѣютъ передъ учебными заведеніями свѣтскими громадное преимущество. Они, не предрѣшая судьбы своихъ учениковъ, ставятъ передъ ними цѣль духовную, приобрѣтеніе званія несравненной нравственной высоты, обставленнаго униженіемъ и бѣдностью... такъ въ глазахъ дѣтей духовнаго сословія; поэтому большинство изъ нихъ, лишенное призванія, стремится къ переходу въ учебныя заведенія свѣтскія, суляція чины и богатые оклады. Но въ глазахъ крестьянина, бѣдность сельскаго священника есть богатство, возможность удовлетворить той ду-

ховной жаждѣ, которая не по днямъ, а по часамъ растеть въ его темной средѣ—удѣлъ святой и высокій. Даже должность причетника многимъ кажется выгодною и почетною.

Наплывъ въ наше духовенство элементовъ не сословныхъ составляетъ настоятельную потребность нашей церкви. Прежде всего этого наплыва слѣдуетъ ожидать со стороны крестьянства. Помочь этому движению прежде всего должна сельская школа. Но не мѣшало бы и нашимъ земствамъ содѣйствовать ему основаніемъ стипендій при духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ.

Кончаю слишкомъ длинный рядъ этихъ безсвязныхъ замѣтокъ, неосторожно предпринятыхъ мною среди иныхъ трудовъ, исключаящихъ возможность тщательной литературной работы. Благодарю благосклоннаго читателя, имѣвшаго терпѣніе слѣдить за мною до конца. Не ошибаюсь, предполагая въ немъ сочувствіе къ моему дѣлу, сознание его трудностей. Поэтому обращаю къ нему, лично къ нему, мое послѣднее слово, ибо его, какъ и меня, тревожатъ глубокіе вопросы, слишкомъ бѣгло затронутые мною по поводу сельской школы. Обращаюсь именно къ нему, ибо отъ него, отъ каждаго изъ насъ, а не отъ правительственныхъ учреждений зависитъ рѣшеніе этихъ тревожныхъ вопросовъ.

Дѣло народной школы шире и глубже, чѣмъ всякая иная общественная дѣятельность. Для того, чтобы осилить его, намъ нужно совершить внутренний подвигъ. Нужно намъ выйти изъ того лабиринта противорѣчій, въ который завела насъ вся наша внутренняя исторія новаго времени—совмѣстное расширение нашего умственного горизонта и суженіе кругозора духовнаго, совмѣстное развитіе у насъ европейской культуры и крѣпостнаго права. Внѣшній узелъ разрубленъ. Пора разрѣшить внутренний.

Достаточно мы жаловались на то взаимное непониманіе, на то полное отчужденіе, ту бездну, которая отдѣляетъ у насъ массу народа отъ образованныхъ его слоевъ, и тормозитъ всё отправления нашей будничной жизни, поражая безсиліемъ всё наши благія начинанія, направленные къ ея устройству. Достаточно оплакивали мы тотъ роковой разрывъ, который составляетъ суть нашей внутренней исторіи новаго времени и однако не мѣшалъ въ великія минуты этой исторіи нашему полному единенію. Пора намъ вспомнить, что у насъ подъ ногами есть общая почва, и твердо и сознательно стать на нее. Пора сознать, что настало время взаимодѣйствія, благотворнаго для обѣихъ сторонъ, не того мгновеннаго, случайнаго взаимодѣйствія и единенія, которое вызывается событіями чрезвычайными, а взаимодѣйствія постояннаго, ежедневнаго. Почва этого взаимодѣйствія, этого единенія—церковь; орудіе его—школа, и по преимуществу—школа сельская.

Нельзя упрекнуть наше образованное общество въ равнодушіе къ матеріальнымъ нуждамъ меньшей братіи. Въ этомъ отношеніи оно не отстало отъ правительства. Стоитъ вспомнить освобожденіе крестьянъ, исторію нашего земства, обратить вниманіе на весь тонъ нашей текущей литературы, чтобы въ этомъ убѣдиться. Сдѣлано многое, готовится большее. Если эти заботы нашего образованнаго общества до сихъ поръ не повели къ его сближенію съ нуждающеюся духовно и вещественно массою, къ лучшему взаимному пониманію и единенію, то это именно потому, что онѣ до сихъ поръ почти исключительно были направлены на удовлетвореніе нуждъ матеріальныхъ. Касались эти заботы и народнаго образованія, но опять-таки преимущественно съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія, а не внутренняго просвѣщенія народа. Мы какъ бы отмежевали для себя область интересовъ духовныхъ—умственныхъ, нравственныхъ и художественныхъ, въ молчаливомъ предположеніи, что въ этихъ сферахъ у насъ съ народомъ единенія

быть не можетъ. Въ этомъ-то высокоумно-доброжелательномъ отношеніи нашемъ къ народу—вся наша бѣда. Намъ болѣзненно поражаютъ въ нашихъ крестьянахъ неизбѣжные слѣды прошлаго, и мы не замѣчаемъ, что мы сами остались благодѣтельными помѣщиками временъ крѣпостнаго права.

Нѣтъ, именно въ этой забытой нами области, въ сферѣ интересовъ духовныхъ, возможно то единеніе, котораго мы тщетно ищемъ въ сферѣ матеріальной. Надъ всѣми неравенствами, созданными исторіею, царить великое равенство предъ Богомъ. Сознать это равенство, терпѣливо, упорно бороться противъ всего, что затемняетъ его, противъ невѣжества массъ, въ которомъ мы сами виновны, противъ собственнаго высокоумія, отнимающаго у насъ и то, что сумѣли сохранить эти темныя массы, это—долгъ всякаго мыслящаго христіанина, долгъ, грозно напоминаемый намъ обстоятельствами настоящаго времени.

И такъ, мой благосклонный читатель, загляните въ ту сельскую школу, которая у васъ подъ руками. Вы ей нужны, и она вамъ нужна. Помогите ей по мѣрѣ вашихъ силъ. Въ девяти случаяхъ изъ десяти, она нуждается во всемъ, начиная отъ грошевой помощи чернилами и бумагою, и кончая тысячами, нужными на ея вѣчное обезпеченіе. Но дороже всякихъ матеріальныхъ пожертвованій будетъ доброе слово, сказанное вами учащимъ и учащимся, искреннее участіе къ ихъ трудамъ, къ ихъ нуждамъ духовнымъ. Говорю это по опыту. Много денегъ, по незнанію, по легкомыслію, истратилъ я бесплодно. Всякое евангельское слово, сказанное съ любовію, въ сознаніи моего безсилія, принесло плодъ сторицею.

II.

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО И СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА.

I.

Съ нѣкотораго времени, наши газеты и журналы повидимому сильно озабочены вопросомъ о народномъ искусствѣ, объ удовлетвореніи эстетическихъ потребностей полуграмотной и безграмотной массы, имѣющей столь громадный численный перевѣсъ надъ нашимъ полуобразованнымъ и образованнымъ обществомъ.

Въ добрый часъ! Эти заботы своевременны. Но, къ сожалѣнію, онѣ начинаются не съ того конца. Сводятся онѣ почти исключительно къ толкамъ о необходимости народнаго театра—театра по цѣнамъ и репертуару доступнаго всѣмъ и каждому.

Значеніе театра громадно. Драматическое искусство—цвѣтъ человѣческаго искусства, отрѣшеннаго отъ цѣлей практическихъ. Въ эпохи великаго творчества, въ эпохи Софокловъ и Шекспировъ, Мольеровъ и Шиллеровъ, оно составляетъ могучій элементъ нравственнаго и умственнаго воспитанія, даетъ обильную, здоровую пищу всенароднымъ художественнымъ потребностямъ.

Но таково ли наше время? Таково ли наше русское драматическое искусство? Увы! у насъ, какъ и въ другихъ образованныхъ странахъ міра, есть прекрасные актеры. Но не эстетическихъ наслажденій, не высшаго нравственнаго удовлетворенія

ищетъ толпа въ современномъ театрѣ, а нервныхъ раздраженій и пошлой забавы. Типическія явленія этого театра—Сара Бернаръ, два раза въ день умирающая на сценѣ въ конвульсіяхъ, заученныхъ въ госпиталяхъ, и грязноватая оперетка Оффенбаховскаго стиля.

За неимѣніемъ геніальныхъ драматурговъ, театръ есть рабъ полуобразованной толпы. Театръ, ставящій себѣ задачею воспроизводить великія творенія всѣхъ временъ и народовъ, обреченъ на денежныя убытки, ибо требуетъ первоклассныхъ силъ и привлекаетъ лишь избранную публику. Такіе театры существуютъ въ столицахъ образованнаго міра. Таковыми должны бы быть и наши Императорскіе театры. Такіе театры, пожалуй, можно назвать народными въ томъ отношеніи, что высочайшія произведенія драматическаго искусства, при образцовомъ исполненіи, становятся доступными всѣмъ и каждому. Ничто при этомъ условіи не можетъ быть популярнѣе «Гамлета» и «Скупцаго», «Донъ-Жуана» и «Жизни за Царя». Но совершенство—дорого и рѣдко. Такія высокохудожественныя учрежденія, какъ парижская «Comédie Française» и нѣкоторыя германскія «Hofbühnen» остаются безъ всякаго непосредственнаго вліянія на массы. Ничего подобнаго Россія не имѣетъ и долго имѣть не будетъ по крайней малочисленности нашего истинно образованнаго общества, и если бы имѣлись такіе театры въ Москвѣ и Петербургѣ, мечтать о значеніи ихъ для всего Русскаго народа было бы просто смѣшно. Что же касается до того театра, который удовлетворяетъ эстетическимъ вкусамъ нашей столичной интеллигенціи, который, въ формѣ прятныхъ пансонетокъ и пошлыхъ комическихъ рассказовъ, простираетъ свое вліяніе далеко за предѣлы правильной сцены, то да избавитъ Богъ нашъ народъ отъ всякаго съ нимъ соприкосновенія!

Нѣтъ, не въ сферѣ отрѣшеннаго искусства нужно искать удовлетворенія эстетическихъ потребностей

народа, а въ сферѣ его практическихъ нуждъ, въ сферѣ его обыденной жизни.

Русскій народъ—народъ глубоко вѣрующій, и первая изъ его практическихъ потребностей, наряду съ удовлетвореніемъ нуждъ тѣлесныхъ, есть общеніе съ Божествомъ. Эта потребность, источникъ и условіе всякаго человѣческаго искусства, прежде всего должна быть удовлетворена, и можетъ быть удовлетворена лишь при помощи искусства. Не театръ ему нуженъ, а церковь, достойная своего высокаго назначенія, а школа, раскрывающая передъ нимъ сокровища церкви.

Глохнутъ и гаснутъ въ народѣ народная пѣсня, народная сказка, эти живучіе отголоски иной вѣры, иного міросозерцанія. Уже нужны чуткій слухъ художника, зоркій трудъ ученаго, чтобы уловить и спасти отъ забвенія ихъ драгоценные обломки. Среди тягостнаго однообразія сѣрой, трудовой жизни, среди лжи и пошлости, вѣющей отъ полуобразованнаго слоя сельскаго населенія, гдѣ просвѣтъ для души нашего крестьянина, гдѣ отзывъ на тѣ стремленія, которыя лежатъ на днѣ этой души, составляютъ существеннѣйшую ея суть? Въ церковномъ праздникѣ, приносящемъ ему полуискаженный отголосокъ дивнаго древняго напѣва; въ баснословномъ, но согрѣтомъ вѣрою, рассказѣ темнаго странника; въ долго откладываемомъ, наконецъ удавшемся походѣ въ дальній монастырь, гдѣ его молитва обрѣтаетъ достойные ея звуки, укрѣпляющую ее обстановку, гдѣ онъ видитъ, увы! лишь призракъ истинно христіанской жизни, и еще—все чаще и чаще нынѣ—въ долгихъ чтеніяхъ, при свѣтѣ лучины, въ безконечные зимніе вечера—Священнаго Писанія или житій святыхъ...

И если въ настоящее время, въ минуту пробужденія въ нашемъ народѣ сознательнаго христіанства, соперникомъ церкви является кабакъ; если пьяный разгулъ слишкомъ часто заглушаетъ въ немъ всякое движеніе духа; если въ этой борьбѣ не про-

изойдетъ скорый, рѣшительный поворотъ,—то вѣчный позоръ всѣмъ намъ, людямъ досуга и достатка, мысли и знанія, печатнаго слова и правительственной власти! Позоръ и проклятіе нашему мертвому образованію, нашей праздно болтовнѣ, нашей духовной пустотѣ и безсилію!

Совершенно правы поборники народнаго театра, усматривая связь между народнымъ пьянствомъ и отсутствіемъ у народа духовной пищи, умственной и художественной. Но странно искать врачеваніе для болѣзней воли въ пассивномъ воспріятіи возбуждающихъ впечатлѣній. Всякое *дѣйствительно* общедоступное зрѣлище, искусственно устроенное, роковымъ образомъ сводится къ типу византійскихъ ристалищъ, испанскаго боя быковъ—или парижскаго *café-chantant* *). Къ такимъ возбужденіямъ приучать массы легко, но далеко не желательно, и противодействовать пьянству они не могутъ. Помочь тутъ можетъ не это опасное палліативное средство, а развѣ, въ числѣ другихъ условій, скромная, но постоянная и благоговѣйная *дѣятельность*, умственная и художественная.

Такой дѣятельности открываетъ широкій просторъ наша церковь для всякаго человѣка, получившаго дѣйствительное, а не мнимое элементарное образованіе, возможное въ русской сельской школѣ. Эта дѣятельность заключается въ церковномъ чтеніи и пѣніи.

Церковное чтеніе есть искусство, имѣющее свои преданія, свои неписанные законы, искусство, требующее и природнаго таланта, и многолѣтняго упражненія, искусство, которое можетъ быть доведено до высокой степени совершенства, самое популярное изъ искусствъ. Руководители въ этомъ искусствѣ разбѣяны повсюду, въ лицѣ хорошихъ сельскихъ священниковъ и причетниковъ, въ лицѣ благочестивыхъ лю-

*) Естественный дѣйствительно народный театръ можетъ возникнуть лишь властію генія изъ элементовъ народныхъ.

бителей; оно процвѣтаетъ въ нашихъ монастыряхъ, въ извѣстныхъ городахъ и епархіяхъ. Образовательное вліяніе его громадно. Хорошее церковное чтеніе предполагаетъ полное пониманіе читаемаго, т. е. съ формальной стороны усвоеніе цѣлой системы сложныхъ и смѣлыхъ конструкцій, съ внутренней—цѣлаго міра высокой поэзіи и глубокаго богословскаго мышленія. Вспомнимъ громадное содержаніе хотя бы однихъ паремій, апостоловъ и каноновъ Страстной седмицы. Обращаюсь къ суду людей невѣрующихъ, но искреннихъ, но знающихъ то, о чемъ я говорю. Тотъ, кто *это* понялъ, кто *это* прочувствовалъ, тотъ, кто своимъ чтеніемъ довелъ до сознанія безграмотныхъ слушателей хотя бы десятую долю этого вѣскаго содержанія,—можно ли отказать ему въ умственномъ, въ художественномъ развитіи? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что ему будетъ, *eo ipso*, доступно, и по содержанію, и по формѣ, все, что представляетъ прочнаго, истинно цѣннаго наша свѣтская литература?

Само собою разумѣется, что такого развитія не можетъ дать наша сельская школа. Она только ведетъ къ нему, кладетъ ему основу, и это—оставаясь въ предѣлахъ своей элементарной программы, добросовѣстно исполненной. Не знаніями, по необходимости крайне скудными, которыя можетъ она сообщить, сильна наша сельская школа, но приобретаемыми въ ней умѣніями, дающими средства къ дальнѣйшему, внѣшкольному развитію; не нашими измѣнчивыми взглядами на цѣли и объемъ преподаванія, но яснымъ и твердымъ взглядомъ на эти вопросы самого народа.

Я не сочиняю, не придумываю, а говорю на основаніи долгихъ наблюденій. Нѣтъ, не къ газетѣ и театру, какъ во Франціи, тяготѣетъ нашъ грамотный народъ, а къ церкви и книгѣ, и въ этомъ залогъ его будущаго духовнаго развитія—здороваго и прочнаго.

Но еще болѣе широкій просторъ истинно народной художественной дѣятельности даетъ церков-

ное пѣніе. Въ немъ можетъ участвовать всякій, кто обладаетъ хотя бы самыми ограниченными голосовыми средствами, хотя бы самую посредственную музыкальную способностію. Эти задатки, столь распространенные въ нашемъ народѣ, совершенно недостаточные для одиночной художественной дѣятельности, въ хоровомъ пѣніи приобрѣтаютъ глубокій смыслъ, высокую цѣну, даютъ доступъ къ высшимъ сферамъ человѣческаго искусства.

Есть ли надобность передъ людьми, обладающими хоть тѣнью музыкальнаго чутья, настаивать на несравненной красотѣ нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ? Есть ли нужда читателю, хотя сколько-нибудь знакомому съ нашимъ богослуженіемъ, напоминать о ихъ неисчерпаемомъ разнообразіи? Тому, кто окунулся въ этотъ міръ строгаго величія, глубокаго озаренія всѣхъ движеній человѣческаго духа, тому доступны всѣ выси музыкальнаго искусства, тому понятны и Бахъ, и Палестрина, и самыя свѣтлыя вдохновенія Моцарта, и самыя мистическія дерзновенія Бетховена и Глинки *).

Но считаю нелишнимъ присовокупить слѣдующее замѣчаніе. Наша официальная педагогика, допуская въ школѣ церковное пѣніе, рядомъ съ нимъ ставитъ, съ особою настойчивостію, пѣніе свѣтское, пѣніе искаженныхъ для школъ пѣсень народныхъ, и цѣлой литературы, весьма низкопробной, искусственныхъ дѣтскихъ пѣсенокъ. Весь этотъ хламъ безусловно нужно выбросить за бортъ. Все это дѣти съ удовольствіемъ споютъ въ школѣ, ибо всякая правильная послѣдовательность трезвучій имѣетъ для нихъ прелесть новизны. Но все это лишь портитъ ихъ вкусъ, и за предѣлы школы не выходитъ. На-

*) Мнѣ случилось проиграть (на «фортепіано») мальчикамъ, не знавшимъ иной музыки кромѣ церковной, цѣлую музыкальную хрестоматию. Одобренія ихъ удостоились только отрывки изъ «Донъ-Жуана» и изъ «Passionsmusik» Баха. Впослѣдствіи пониманіе ихъ расширилось.

родная пѣснь, измѣненная въ своемъ напѣвѣ, ради чуждой ея характеру гармонизаціи, перестаетъ быть народною. Пѣсни, заученныя въ школѣ, дома не поются,—и слава Богу. Достойная четырехголосная гармонизація нашихъ народныхъ напѣвовъ—дѣло будущаго. Пока плодотворно и жизненно въ школѣ—лишь пѣніе церковное *).

«Служенье музъ не терпитъ суеты», сказали поэты. Тѣмъ паче служеніе, принадлежащее развѣ той небесной музѣ, которую призывалъ Тассо:

O Musa, tu, che di caduchi allori
Non cirondi la fronte in Elicona;
Ma su, nel ciel, fra i beati snori
Hai di stelle immortali aurea corona **).

А попытайтесь-ка это объяснить нашимъ записнымъ педагогамъ!

Но и внѣ педагогическаго міра, обладающаго, такъ-сказать, оффиціальною привилегіею непониманія, многимъ могутъ показаться неумѣстными и странными эти толки о высшихъ сферахъ искусства по поводу нашей темной мужицкой школы. Постараюсь, въ мое оправданіе, войти въ слѣдующей моей замѣткѣ въ нѣкоторыя ближайшія подробности.

Пока ограничусь напоминаніемъ, что эти строки пишутся не литераторомъ, а школьнымъ учителемъ, не въ кабинетѣ столичной редакціи, а въ сельской школѣ, въ которой пишущій проводитъ всю свою жизнь.

*у) Во время похода моей школы въ Нилову пустынь, учениковъ въ деревняхъ безпрестанно просили пѣть молитвы. Никто не просилъ ихъ спѣть пѣсенку.

**у) «О Муза, ты, которая тлѣнными лаврами не осѣняешь чела на Геликонѣ, но на небѣ, среди почестей блаженныхъ, имѣешь изъ безсмертныхъ звѣздъ золотую корону.

II.

Въ оправданіе того громаднаго художественнаго и образовательнаго значенія, которое я придаю нашему церковному пѣнію, напомнимъ прежде всего о неисчерпаемомъ богатствѣ художественнаго матеріала, коимъ оно располагаетъ.

Кругъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній далеко не исчерпывается тѣми мелодіями, которыя изложены въ нотныхъ изданіяхъ Святѣйшаго Синода, тѣми многочисленными обработками и самостоятельными духовно-музыкальными сочиненіями, которыя имѣются въ печати. Все это составляетъ лишь малѣйшую долю нашего живаго, дѣйствительнаго богатства. Нашъ богослужебный кругъ живетъ въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ, возникшихъ въ разное время *распѣвовъ*, отличающихся одинъ отъ другаго не только характеристическими видоизмѣненіями общихъ всѣмъ, основныхъ мелодій, но обладающихъ каждый самостоятельными напѣвами для изустныхъ церковныхъ текстовъ. Характеръ этихъ напѣвовъ, какъ и характеръ нашей церковной архитектуры, представляетъ дивное сліяніе элементовъ заимствованныхъ вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Греціи и элементовъ чисто-русскихъ, народныхъ.

Ни одинъ изъ этихъ мѣстныхъ распѣвовъ не изданъ вполнѣ *), ни одинъ не переложень достойнымъ образомъ на четыре голоса. Всего болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлано для распѣва *привѣрнаго*, распѣва искусственнаго, своднаго, возникшаго въ Императорской пѣвческой капеллѣ изъ сліянія и взаимодѣйствія мѣстныхъ напѣвовъ, занесенныхъ въ Петербургъ изъ всѣхъ краевъ Россіи пѣвчими

*) Нынѣ пристулено къ такому изданію распѣва Московской епархіи.

придворнаго хора. Гармонизація придворной капеллы, распространяемая путем печати, имѣеть громадное значеніе, какъ единственный сборникъ четырехголосныхъ церковныхъ пѣснопѣній, удовлетворяющій главнѣйшимъ практическимъ нуждамъ богослуженія. Но этотъ сборникъ оставляетъ желать многого, и относительно полноты, и относительно доступности голосовымъ средствамъ скромнаго церковнаго хора. На практикѣ, онъ постоянно пополняется заимствованіями изъ мѣстныхъ распѣвовъ, вставками изъ твореній нашихъ извѣстныхъ композиторовъ и еще чаще изъ безыменныхъ твореній, массаи распространяющихся въ рукописи изъ нашихъ пѣвческихъ хоровъ, архіерейскихъ и монастырскихъ. Эти творенія—по большей части не что иное, какъ четырехголосныя переложенія, болѣе или менѣе удачныя, любимыхъ мѣстныхъ распѣвовъ. Тѣмъ же путемъ распространяются нерѣдко сочиненія чисто искусственныя, лишенныя церковнаго характера, единственное достоинство коихъ—легкая исполнимость.

И такъ, въ области нашего церковнаго пѣнія мы имѣемъ дѣло не съ мертвымъ капиталомъ, завѣщаннымъ намъ минувшими вѣками, а съ живымъ творческимъ процессомъ *), постоянно поддерживаемымъ настоятельною практическою потребностію въ стройномъ, осмысленномъ, возвышающемъ душу богослуженіи. Эта потребность, издавна сильная въ центрахъ гражданской и церковной жизни, въ городахъ и монастыряхъ, нынѣ, съ распространеніемъ грамотности, съ умственнымъ и духовнымъ пробужденіемъ массы, распространяется въ ширь и глубь, и неминуемо должна вызвать въ нашемъ музыкальномъ искусствѣ новыя направленія, новую, усиленную дѣятельность.

*) Нѣкоторые распѣвы, какъ Успенскій, Симоновскій, возникли въ самое недавнее время.

Если мы постараемся опредѣлить въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ причины, которыя за послѣдніе два вѣка имѣли рѣшающее вліяніе на видоизмѣненіе нашихъ церковныхъ напѣвовъ, то на первомъ мѣстѣ мы несомнѣнно должны упомянуть о распространеніи у насъ музыки западной, пріучившей нашъ слухъ къ сложной полифоніи въ двухъ ладахъ (*дурз* и *молль*), на Западѣ вытѣснившихъ все прочіе. Но наши церковные напѣвы, какъ и древніе напѣвы Запада, создались не въ этихъ ладахъ, а въ ладахъ *церковныхъ* соответствующихъ осьми *гласамъ* нашего октоиха. Въ то время, когда многоголосное церковное пѣніе сдѣлалось у насъ общею потребностію, гармонизація въ этихъ ладахъ на Западѣ уже вышла изъ употребленія, и вмѣстѣ съ широкимъ примѣненіемъ полифоніи въ наше церковное пѣніе вторглись западные лады. Едвали мы ошибемся, если вліянію этихъ ладовъ припишемъ особенности распѣва Кіевскаго, всего легче поддающагося гармонизаціи въ этихъ ладахъ. Несомнѣнно, что имъ опредѣлился характеръ распѣва придворнаго. То же вліяніе продолжаетъ дѣйствовать на все наше церковное пѣніе. Все, что написано нашими композиторами для церкви, написано въ ладахъ западныхъ. Слѣды полифоніи въ ладахъ церковныхъ сохранились лишь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Мы давно привыкли подъ осьмью *гласами* разумѣть не восемь самостоятельныхъ ладовъ, а восемь характеристическихъ мелодій, движущихся въ гаммахъ *дурз* и *молль*. Между тѣмъ, истинное осьмигласіе сохранилось у насъ въ утонномъ пѣніи и имѣетъ свою, весьма элементарную, традиціонную полифонію.

И такъ, наше церковное пѣніе доказало свою жизненность, приспособивъ свои мелодіи къ гармоническимъ требованіямъ ладовъ западныхъ и тѣмъ усвоивъ себѣ все музыкальныя средства и приемы современнаго искусства, а между тѣмъ сохранило въ неизмѣнномъ видѣ, въ живомъ употребленіи и свои

древніе напѣвы, требующіе гармонизаціи иной, въ ладахъ церковныхъ.

Въ такой-то гармонизаціи чувствуется нынѣ настоящая потребность. Сознаніе ея необходимости давно проникло въ наши музыкальныя сферы. Безсмертный Глинка посвятилъ послѣдніе годы своей жизни изученію нашихъ церковныхъ напѣвовъ и церковныхъ ладовъ, и лишь преждевременная смерть помѣшала ему совершить въ нашей церковной музыкѣ благотворный поворотъ, равносильный тому, который совершилъ онъ въ нашей музыкѣ свѣтской. Сохранились интересныя его попытки на этомъ поприщѣ *). Послѣ него, покойный Потуловъ издалъ обиходную литургію, въ четырехголосной гармонизаціи, строго церковной. Эта добросовѣстная работа не имѣла успѣха, потому что ея авторъ, болѣе теоретикъ чѣмъ художникъ, не обладалъ тою силою дарованія, которая прокладываетъ дорогу новымъ направленіямъ въ искусствѣ. Въ настоящее время вниманіе къ этому дѣлу вновь возбуждено въ средѣ самыхъ талантливыхъ нашихъ композиторовъ, и ближайшее будущее принесетъ намъ на этомъ поприщѣ новыя, плодотворныя труды.

Читатели извиняютъ это длинное отступленіе. Оно было необходимо, чтобы напомнить имъ весь объемъ музыкальныхъ сокровищъ, коими обладаетъ наша церковь, все громадное развивающее значеніе, которое принадлежитъ нашему церковному пѣнію и въ настоящемъ, и въ будущемъ, всю жизненность этого искусства, единственнаго у насъ, носителемъ котораго является весь народъ, отъ великаго художника, витающаго въ высшихъ сферахъ человѣческаго творчества, до дряхлаго дьячка, свято хранящаго напѣвы, унаслѣдованныя отъ отцовъ и дѣдовъ, до полуграмотнаго школьника, впервые съ радостнымъ бла-

*) Въ книгѣ Разумовскаго о церковномъ пѣніи упоминается «литургія» Глинки. Почему она не издана?

гоговѣніемъ познающаго дивную силу, даруемую его слабому голосу сочетаніемъ съ другими голосами въ хвалѣ Всевышняго Бога.

Считаю необходимымъ присовокупить еще слѣдующее замѣчаніе. По мнѣнію многихъ авторитетныхъ художниковъ и знатоковъ церковнаго пѣнія, употребленіе въ немъ западныхъ ладовъ есть отступленіе отъ истиннаго характера православнаго пѣснопѣнія, и должно быть безусловно замѣнено гармонизаціею въ ладахъ церковныхъ. Позволяю себѣ думать, что это требованіе преувеличено, что художественная дѣятельность послѣднихъ двухъ столѣтій не можетъ быть выкинута изъ исторіи нашего церковнаго пѣнія, что рядомъ съ искаженіями, которыя надлежитъ устранить, она внесла въ его область дѣйствительное обогащеніе. Лучшія сочиненія и переложенія Бортнянскаго и его школы (въ особенности Турчанинова) не могутъ быть исключены изъ сокровищницы нашихъ церковныхъ пѣснопѣній *). Ладъ западные изъ нея не исчезнутъ. Слѣдуетъ только заключить ихъ употребленіе въ должныя границы, возстановить въ ея правахъ гармонизацію въ ладахъ церковныхъ, естественная область которыхъ несравненно обширнѣе, чѣмъ область ладовъ западныхъ. Опредѣлить, разграничить эти области—дѣло художественнаго чувства, будущей дѣятельности гениальныхъ композиторовъ—еще болѣе, чѣмъ дѣло музыкальной теоріи. И не на основаніи теоретическихъ соображеній позволяю я себѣ выразить это мнѣніе, а на основаніи практическихъ наблюденій.

*) Попрошаюсь пояснить мою мысль сравненіемъ. Наше церковное зодчество XVII вѣка, столь обильно принявшее въ себя элементы западные, можетъ ли считаться мертвою вѣтвію нашего народнаго искусства? Вспомнимъ церкви въ Филахъ и московскія церкви Успенія на Покровкѣ и Воскресенія въ Катошахъ, Крутицкія архіерейскія палаты и т. п. Вычеркнемъ ли мы изъ исторіи нашей архитектуры эти западныя гармонизаціи русскихъ мотивовъ?

Гармонизація въ ладахъ церковныхъ проще, бѣднѣе гармонизаціи въ общеупотребительныхъ западныхъ ладахъ. Но древняя италіанская церковная музыка (школа Палестрины) доказала, какія богатства заключаются въ этой относительной бѣдности, въ этой величавой простотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что гармоническая разработка нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ поведетъ къ умноженію этого богатства. Особенно умѣстна, даже необходима строго-церковная гармонизація для всѣхъ краткихъ, часто повторяемыхъ молитвословій, и для напѣвовъ величественныхъ. Она должна получить самое широкое примѣненіе въ переложеніяхъ, назначенныхъ для скромныхъ сельскихъ хоровъ, ибо церковный напѣвъ гармонизованный въ церковныхъ ладахъ и удобопонятнѣе, и легче исполнимъ, и запечатлѣвается въ памяти слушателей въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ.

Ограничиваюсь этими бѣглыми намеками на теоретическую сторону дѣла. Они были необходимы, чтобы указать на обширность музыкальной области, раскрываемой передъ нами нашимъ церковнымъ пѣніемъ. Въ слѣдующей замѣткѣ перейду къ сторонѣ практической, къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ правильное церковное пѣніе можетъ сдѣлаться общимъ достояніемъ нашихъ приходскихъ церквей, и городскихъ, и сельскихъ.

III.

Условія подъема нашего церковнаго пѣнія, широкаго его распространенія въ формахъ высокихъ и чистыхъ, коренятся въ двухъ сферахъ, до сихъ поръ имѣвшихъ весьма мало соприкосновенія: въ сферѣ нашего высшаго музыкальнаго творчества и въ сферѣ нашей скромной сельской школы.

Русская музыкальная школа обладаетъ несомнѣнною жизненностію. Ея оригинальность, ея творческая энергія признаны музыкальными авторите-

тами всего міра. Ея самобытная сила заявила себя во всѣхъ музыкальныхъ формахъ, освященныхъ вѣками, во всѣхъ музыкальныхъ направленіяхъ, возникшихъ въ новѣйшее время. Одна лишь задача оставлена этою школою безъ должнаго вниманія,— а эта задача есть коренная и историческая, кровная задача русской музыки. Она не дала намъ полнаго круга художественныхъ, истинно церковныхъ пѣснопѣній.

Пора подумать о пополненіи этого пробѣла. Вѣрю, что онъ будетъ пополненъ несмотря на всѣ вышнія препятствія. Но и объ этихъ препятствіяхъ, непонятныхъ, обидныхъ, недостойныхъ—стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Года четыре тому назадъ, самый талантливый изъ русскихъ композиторовъ, П. И. Чайковскій, издалъ четырехголосную литургію своего сочиненія. И что же? Это радостное музыкальное событіе вызвало цѣлый рядъ непостижимыхъ оскорбительныхъ скандаловъ. Партитура г. Чайковскаго была запрещена, конфискована. Исполненіе ея въ церквахъ не было допущено.

Для того, чтобы удовлетворить естественному желанію публики ознакомиться съ новымъ твореніемъ любимаго автора, нужно было прибѣгнуть къ концертному исполненію «Литургіи» *въ полномъ ея составѣ*, исполненію, которое произвело на людей благочестивыхъ самое тягостное впечатлѣніе. Дѣйствительно, это вышло похоже на обѣдню, прерываемую вызовами и рукоплесканіями.

И чѣмъ же заслужила эта несчастная «Литургія» такого усиленнаго гоненія? Съ вышней стороны, она движется въ официально признанныхъ формахъ школы Бортнянскаго, при употребленіи, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, церковныхъ ладовъ. Съ внутренней—она съ начала до конца проникнута глубокимъ, искреннимъ религіознымъ чувствомъ, съ нѣкоторымъ преобладаніемъ субъективно-элегическаго элемента. Затѣмъ она отличается обычными достоин-

ствами твореній г. Чайковскаго: обиліемъ самобытныхъ мелодій, мастерскимъ голосоведеніемъ, полнымъ отсутствіемъ всякихъ низменныхъ эффектовъ. Вся литургія рассчитана на исполненіе полнымъ, первокласснымъ хоромъ.

Въ чемъ же заключалась бы опасность, еслибъ литургія г. Чайковскаго была предоставлена самой себѣ? Она была бы исполнена нѣсколько разъ въ столичныхъ церквахъ. Нѣкоторые лучшіе ея нумера продолжали бы исполняться въ нихъ отъ времени до времени. При этомъ наглядно обнаружались бы и всѣ ея достоинства, и всѣ ея недостатки, къ которымъ никто не можетъ быть чувствительнѣе, чѣмъ высоко-талантливая, чуткая натура самого автора, и этотъ опытъ благотворно отразился бы на послѣдующей его творческой дѣятельности.

Г. Чайковскій обладаетъ слишкомъ прочно установившимся музыкальнымъ авторитетомъ, слишкомъ сильно бьетъ въ немъ творческая струя, чтобы могли остановить его подобныя случайныя невзгоды *). Но каково должно быть впечатлѣніе, производимое ими на таланты начинающіе, ищущіе пути? Не равняются ли для нихъ подобные прецеденты—*запрещенію* свободнаго творчества въ области церковнаго пѣнія?

А въ этой области намъ и нужно свободное обильное творчество, подъ руководствомъ корифеевъ искусства, подъ незамѣтнымъ контролемъ практическаго опыта. Только этимъ опытомъ можетъ быть опредѣлена та мѣра свободы въ пользованіи нашими древними напѣвами, въ отступленіи отъ нихъ, которая совмѣстима съ истинно-церковнымъ характеромъ нашего духовнаго пѣнія. Опасаться при этомъ вторженія въ нашу церковную практику твореній

*) О томъ свидѣтельствуетъ еще не изданная его, «Всенощная», въ которой, по журнальнымъ отзывамъ, уже замѣчается поворотъ къ традиціональному характеру церковнаго пѣнія.

недостойныхъ, характера низкаго и грубаго, рѣшительно нѣтъ поводовъ. Наше духовенство, постоянные посѣтители нашихъ церквей—не театральная публика. Трудно себѣ представить, чтобы музыкальное сочиненіе, могущее произвести соблазнъ, было допущено настоятелемъ церкви до исполненія во время богослуженія, невозможно предположить, чтобы такое исполненіе было повторено. Что касается до вещей просто слабыхъ и пошловатыхъ, къ сожалѣнію и нынѣ безпрестанно исполняемыхъ нашими пѣвческими хорами, городскими и фабричными, пробавляющимися преимущественно рукописными твореніями безыменныхъ авторовъ, то противъ ихъ распространенія существуетъ одно только средство: дѣльная и строгая гармонизація всего нашего богослужебнаго круга во всѣхъ главныхъ нашихъ мѣстныхъ распѣвахъ. По слухамъ, къ этому громадному, основному труду уже приступили нынѣ нѣкоторые изъ лучшихъ представителей нашего музыкальнаго искусства. Да благословить Богъ ихъ начинанія, коимъ суждено составить эпоху въ исторіи нашего духовнаго пѣнія!...

Но повторяю: кромѣ этого, намъ нужно широкое развитіе свободнаго творчества въ области церковной музыки. Лишь свободное возвращеніе нашихъ первоклассныхъ композиторовъ къ духу нашихъ древнихъ церковныхъ пѣснопѣній можетъ вдохнуть жизнь въ наше духовное искусство,—и это возвращеніе совершится неминуемо, какъ только они станутъ лицомъ къ лицу не съ кружками столичныхъ диллетантовъ, а съ массою вѣрующихъ, въ твореніяхъ предназначенныхъ для повсемѣстнаго распространенія...

Остается мнѣ сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ этого повсемѣстнаго распространенія правильного нотнаго многоголоснаго пѣнія. Орудіемъ этого распространенія можетъ служить только и уже начинаетъ служить—сельская школа. Вездѣ, гдѣ учитель мало-мальски знакомъ съ практикою хороваго

пѣнія, при церквахъ составляются небольшіе хоры изъ мальчиковъ и юношей, учащихся и учившихся. Результаты достигаемые при этомъ по истинѣ замѣчательны, если принять въ расчетъ тѣ малыя средства, то краткое время, которымъ располагаетъ наша сельская школа. Успѣхъ дѣла обуславливается тутъ, съ одной стороны, музыкальною даровитостію нашихъ крестьянскихъ ребятъ, съ другой, общимъ сочувствіемъ, возбуждаемымъ ихъ пѣніемъ въ церкви. Пѣніе—единственная отрасль обученія, въ которой успѣхи могутъ быть оцѣнены непосредственно даже безграмотными родителями учащихся, возбуждаютъ живой интересъ въ сельскихъ жителяхъ всѣхъ сословій. Учитель способный устроить въ церкви приличное пѣніе пользуется громаднымъ преимуществомъ передъ своими собратіями, и на его долю достаются лучшія учительскія мѣста.

Но такихъ учителей пока слишкомъ мало. Пѣніе преподается въ нашихъ учительскихъ семинаріяхъ, и при нихъ составляются хорошіе пѣвческіе хоры. Но при краткости и многопредметности учебнаго курса въ этихъ заведеніяхъ, лишь самые талантливые изъ ихъ воспитанниковъ успѣваютъ приобрести способность самостоятельно править хоромъ. Преподается оно и въ духовныхъ семинаріяхъ. Но молодые люди, оканчивающіе курсъ въ этихъ заведеніяхъ, занимаютъ учительскія мѣста лишь на краткіе сроки, какъ бы мимоходомъ, въ ожиданіи посвященія, и поэтому не имѣютъ ни времени, ни охоты къ устройству пѣвческихъ хоровъ. Остальные сельскіе учителя лишь по счастливой случайности могутъ приобрести знанія и навыки необходимые для управленія хоромъ.

Въ высшей степени желательно распространить и усилить у насъ средства музыкальнаго образованія, и въ частности образованія церковно-музыкальнаго. Для этого, прежде всего, должно быть усилено и возвышено преподаваніе пѣнія въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. Естественный ру-

ководитель пѣнія въ церкви есть священникъ, естественный регентъ на церковномъ клирѣ—псаломщикъ. Но послѣдняго рѣдко удается привлечь даже къ участию въ школьномъ хорѣ, за непривычною его къ нотному пѣнію, за полнымъ равнодушіемъ къ его изяществу, коему онъ предпочитаетъ—краткость службы *). Между тѣмъ, псаломщикъ-регентъ могъ бы значительно улучшить и матеріальное, и общественное свое положеніе. Его труды принесли бы ему и денежное вознагражденіе, отъ прихода и сельскаго начальства, и обезпечили бы за нимъ сочувствіе мѣстнаго общества.

Но независимо отъ того, нужны средства музыкальнаго образованія, доступныя самимъ учителямъ. Намъ нуженъ въ каждой губерніи специальный разсадникъ регентовъ, при духовной семинаріи или при архіерейскомъ хорѣ, еще лучше—при какомъ-либо значительномъ монастырѣ, твердо хранящемъ преданіе пѣнія истинно-церковнаго. Намъ нуженъ въ каждомъ уѣздѣ опытный регентъ, получающій жалованіе отъ земства, который бы лѣтомъ обучалъ мѣстныхъ сельскихъ учителей, а зимою объѣзжалъ сельскія школы, направляя практическую дѣятельность своихъ учениковъ.

Начальный импульсъ и постоянное руководство всему дѣлу, конечно, могла бы дать наша несравненная придворная капелла.

Не могу не замѣтить при этомъ, что широкое распространеніе нотнаго пѣнія должно отразиться самымъ благотворнымъ образомъ на дѣятельности нашихъ композиторовъ. Оно привлечетъ ихъ вниманіе къ задачамъ обще-церковнымъ, истинно народнымъ, приучитъ ихъ имѣть въ виду не виртуо-

*) Смертельный ударъ обиходному пѣнію въ сельскихъ церквяхъ нанесло сокращеніе причтовъ, убивъ традиціональное двухголосное пѣніе, возложивъ на единственнаго причетника бремя неудобноносимое. Нынѣ приличное богослуженіе въ селахъ возможно лишь при помощи школы.

зовъ нашихъ столичныхъ хоровъ, а исполнителей болѣе скромныхъ, не прихотливую публику, посѣщающую концерты музыкальныхъ обществъ, но массу вѣрующую, которой желательно предлагать:

Nur ewige und ernste Dinge...

Вотъ наступила осень. Быстро убываютъ размѣры трудового дня. Приходить къ концу ранняя молотба обильной благовременной жатвы. Еще недѣля и закипитъ жизнь затихшая на лѣто школа. Начнутся длинныя вечернія спѣвки, и проба новиковъ, и толки о предстоящихъ праздничныхъ службахъ, и вечернія посѣщенія прежнихъ дорогихъ учениковъ, приходящихъ заучить свою партію, отдохнуть, въ свѣтѣ и теплѣ, за чтеніемъ доброй книги, замѣнить при ребятахъ поющихъ учителей.

Благословенна наша суровая сѣверная природа, полагающая неумолимые предѣлы физическому труду селянина, повелительно призывающая насъ къ дѣятельности духа. Благословенны и долгая осенняя распутица, и безконечныя зимнія ночи, и скромная сельская церковь, собирающая подъ сѣнь свою дѣтей и юношей напомниманіемъ о томъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ НАРОДНОМЪ ОБУЧЕНІИ.

(Извлечено изъ 2-й кн. прибавленій «къ твореніямъ св. Отцевъ»,
1862 года).

Кому должно быть ввѣрено первоначальное обученіе народа?

Духовенству.—Отвѣтъ такъ несомнѣненъ, что только намѣренное желаніе поколебать въ народѣ христіанскія начала, или же совершенное незнаніе народныхъ склонностей могутъ отвѣчать иначе.

Народъ самъ признаетъ духовенство законнымъ своимъ учителемъ. При первой возможности откладываетъ ежегодно какихъ нибудь пять рублей, простолюдинъ отдаетъ сына своего на обученіе священнику или діакону; при меньшихъ средствахъ онъ обращается къ дьячку; и только въ крайней нуждѣ рѣшается обратиться къ какому нибудь отставному солдату, или своему брату крестьянину—грамотѣю. Не только въ селахъ, но даже въ городахъ, въ самой даже Москвѣ, въ домахъ священно-служителей найдете цѣлыя маленькія школы грамотности; крестьяне, мѣщане, купцы охотно отдаютъ туда дѣтей, и охотно при этомъ платятъ деньги, не смотря на то, что тутъ же рядомъ стоитъ казенное училище, гдѣ учатъ совершенно даромъ, и гдѣ выучиваютъ даже способомъ

болѣ легкимъ и скорымъ, чѣмъ какой извѣстенъ простодушному церковнослужителю. Фактъ былъ бы не вѣроятенъ, если бы не былъ вполне достовѣренъ. Онъ доказываетъ, что въ народѣ существуетъ особенное возрѣніе на грамотность. Грамота для народа есть дѣло, въ нѣкоторой степени, священное: она есть дверь, отверзаемая къ уразумѣнію божественнаго писанія. Книжная мудрость, въ народномъ словоупотребленіи, почти равнозначительна богословію; начетчикъ означаетъ человѣка, изучившаго много книгъ священныхъ. Такимъ образомъ, понятіе о книжномъ обученіи у простолюдина неразрывно связывается съ понятіемъ объ истолкованіи слова Божія; въ простомъ учителѣ чтенія онъ ждетъ видѣть наставника въ законѣ Божіемъ. Поэтому-то, православный онъ или раскольникъ, онъ отдастъ дитя свое на обученіе преимущественно лицу, которое признаетъ за священное. Поэтому-то съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ смотритъ онъ на училище казенное, гдѣ учитель «баринъ», и гдѣ ученье начинается «побасенками». Возсознательно постигаетъ простолюдинъ, что назначеніе ученія здѣсь житейское, а не то возвышенное, котораго онъ желаетъ. Осмѣлимся ли назвать эти народныя понятія предразсудками? А тѣмъ болѣе, осмѣлимся ли противостать имъ какими либо мѣропріятіями?

Но кого и способны мы будемъ дать народу, въ замѣнъ готовыхъ, естественныхъ его учителей?

Создадимъ ли особое званіе сельскихъ учителей, нарочито къ своему дѣлу приготовленныхъ? Рѣшиться на такую мѣру значило бы обнаружить удивительное незнаніе нашихъ общественныхъ отношеній. Приготовленіе къ званію сельскаго учителя должно состоять, безъ сомнѣнія, въ основательномъ ученіи. Итакъ, въ странѣ, гдѣ образованные люди столь рѣдки, что въ нихъ нуждается еще большинство мѣстъ административныхъ и судебныхъ, должны будутъ выискаться люди, которые захотятъ выслушать курсъ наукъ съ единственною цѣлію обречь себя незавидной долѣ

сельскаго учителя! Или, что еще страннѣе, должны будутъ выискаться люди, которые, уже прибрѣтши основательныя свѣдѣнія въ наукахъ, захотятъ ограничить свою дѣятельность столь скромнымъ поприщемъ, отказываясь отъ дѣятельности болѣе блестящей и болѣе выгодной! Такое предположеніе невысказано. Очевидно, что къ созданію особаго класса сельскихъ учителей возможенъ будетъ только одинъ путь, который былъ предпринятъ нѣкогда къ образованію сословія домашнихъ учителей и сельскихъ писарей: путь принужденія и соблазна. Званіе сельскаго учителя будетъ дверью для выхода изъ податнаго состоянія, для избавленія себя отъ рекрутства и тѣлесныхъ наказаній. Приготовленный къ занятіямъ сельскаго учителя крестьянинъ обязанъ будетъ прослужить въ этомъ званіи нѣсколько лѣтъ, и по истеченіи ихъ будетъ вознаграждаемъ чиномъ или званіемъ почетнаго гражданина. Но пора понять, что ни крѣпостной трудъ, каковымъ будетъ трудъ сельскаго учителя, ни соблазнительное подстрекательство къ выходу изъ простаго званія, на чемъ будетъ держаться все учрежденіе, не поведутъ ни къ чему доброму, особенно въ дѣлѣ воспитанія, гдѣ все должно истекать изъ любви, все должно быть проникнуто сердечнымъ одушевленіемъ. Будутъ ли сельскіе учителя любить свое дѣло? Нельзя любить дѣло, за которое взялся противъ призванія. Будутъ ли они любить народъ? Отреченіе отъ народа будетъ нервнымъ побужденіемъ ихъ ко вступленію въ учительство. Будутъ ли они любимы народомъ?—Случайные выходцы изъ низшей среды всегда испытываютъ недоброжелательство своей прежней братіи. Будутъ ли учителя, по крайней мѣрѣ, довольны своимъ новымъ положеніемъ, вѣсомъ, который приобрѣтутъ въ обществѣ? Но дѣйствительное ихъ положеніе никогда не будетъ соответствовать ихъ мечтаніямъ... И на этомъ основаніи строить зданіе народнаго просвѣщенія! Германія имѣетъ учрежденіе сельскихъ учителей, и вкушаетъ плоды его: въ ежегодномъ количествѣ престу-

плений на долю сельскихъ учителей выпадаетъ особенно значительный процентъ. У насъ будетъ тоже, но въ большихъ размѣрахъ: ибо то, что составляетъ причину этого явленія, чувство противорѣчія между собственнымъ внутреннимъ достоинствомъ и вѣшнимъ житейскимъ положеніемъ, у насъ, въ странѣ мало образованной, будетъ проникать сельскаго учителя сильнѣе, нежели гдѣ либо. Уже случались у насъ примѣры, что учителя изъ крестьянъ, въ удѣльныхъ селеніяхъ, кончали жизнь самоубійствомъ, не имѣя ни силъ перенести свое положеніе, ни возможности выйти изъ него. Также безвыходное положеніе будетъ участію всякаго, кто, подаваясь на приманки честолюбія, оторвется отъ крестьянскаго сословія и въ то же время увидитъ себя запертымъ въ званіи сельскаго учителя.

Однимъ словомъ, можно сказать составителямъ проектовъ о народномъ образованіи: если хотите среди самого народа создать новый классъ людей, презирающихъ народъ и ненавидимыхъ народомъ, классъ людей озлобленныхъ и завистливыхъ; если хотите внести новый развратъ въ селенія; если хотите имѣть новый элементъ государственнаго безпорядка: создайте особый классъ сельскихъ учителей.

Но не предоставитъ ли народу, въ дѣлѣ образованія, полную свободу? Пусть онъ учится у кого хочетъ, и пусть кто хочетъ заводить для него школу. — Когда дѣло идетъ объ устройствѣ едва зачинающагося народнаго образованія, слова эти звучатъ горькою насмѣшкой. Это все равно, что умирающему отъ голода указать покрытое лебедой поле и сказать: я тебѣ не препятствую, кормись, чѣмъ хочешь, и выбирай пищу, какая тебѣ удобнѣе. Кромѣ духовенства, какіе существуютъ готовые учителя для народа? Отъ скуки можетъ иногда помѣщикъ или помѣщица заняться лично нѣсколькими крестьянскими «ребятишками»; но нельзя предсказывать, что такіе случаи будутъ слишкомъ часты; нельзя сказать и того, что крестьянинъ найдетъ для себя особенно

удобнымъ пользоваться такими одолженіями помѣщика. Итакъ, какіе же учителя останутся? Останется сельскій писарь, эта язва нашихъ сельъ, этотъ крестьянинъ-подъячій, въ одномъ лицѣ совмѣщающій пороки лихоимца-чиновника съ пороками развратнаго крестьянина. Останется выгнанный изъ службы приказный, промышляющій въ деревнѣ составленіемъ ябедническихъ просьбъ. Останется наконецъ,—и это самый благонадежнѣйшій представитель сельскихъ грамотѣевъ—отставной солдатъ.

Свобода образованія есть начало истинное и неоспоримое. Но утверждать свободу образованія является надобность тамъ, гдѣ въ государствѣ нѣсколько противоборствующихъ, и по существу равноправныхъ силъ стремятся овладѣть народною мыслию; гдѣ само государство есть случайное скопленіе разнородныхъ элементовъ. Тамъ государство, покровительствуя одной какой либо силѣ, одинаково нарушаетъ и справедливость и безопасность; самая жизнь государства, все спасеніе его зависитъ тамъ именно отъ умѣнья уравновѣшивать враждебныя стремленія предоставленіемъ каждому изъ нихъ полной свободы. Россія же, благодареніе Богу, живетъ не враждою разнородныхъ началъ, и не имѣетъ нужды въ искусственномъ уравновѣшиваніи небывалыхъ противоположностей. За исключеніемъ части общества, случайно презрѣвшей русскія начала, и за исключеніемъ раскола, двинувшагося въ противоположную сторону, весь русскій народъ представляетъ сплошную массу. Весь онъ живетъ одною жизнію, стоитъ на одномъ просвѣтительномъ началѣ, движется по одному духовному направленію, которое дано церковію. Законодательству остается только давать всевозможный просторъ этому всеобщему направленію, вспомоцествовать всѣми мѣрами его развитію, устранять лежащія ему на дорогѣ препятствія: и въ этомъ будетъ состоять у насъ свобода образованія. Другими словами, истинно понятная свобода образованія въ Россіи требуетъ мѣръ, которыя бы, согласно съ собственными склонностями

народа, помогали ему глубже и сознательнѣе утвердяться въ церковномъ ученіи. Слѣдовательно свобода-то образованія и требуетъ, чтобъ обученіе народа ввѣрено было духовенству.

Нисколько не говоримъ противъ предоставленія правъ народнаго обученія и всякому желающему. Напротивъ, пусть и волостной писарь набираетъ учениковъ, если можетъ найти ихъ; пусть и солдатъ и отставной приказный ищутъ питомцевъ; пусть даже исключенный студентъ свободно берется за учительство. Словомъ, пускай *право* обучать народъ будетъ предоставлено желающему: но духовенству поставьте это въ *непремѣнную обязанность*, и облегчите ему средства къ исполненію этой обязанности. Вѣрно, что тогда ни писарь, ни солдатъ, ниже студентъ не будутъ имѣть ни одного ученика. Опасность сколько нибудь сильнаго соперничества грозитъ только со стороны раскола. Пусть однако и раскольническій старецъ свободно принимаетъ учениковъ; но рядомъ съ раскольническимъ училищемъ поставьте *непремѣнно* училище православное; приставьте къ нему священнослужителей особенно благонравныхъ и ревностныхъ. Несомнѣнно, послѣдствія будутъ тѣже: раскольническое училище опустѣетъ, и самый расколъ падетъ въ скоромъ времени.

Нужно разъ убѣдиться въ той истинѣ, что если просвѣтительное вліяніе духовенства не являлось доселѣ въ столь полной мѣрѣ, какъ бы это желательно, и какъ обнаруживается оно въ другихъ странахъ, — причиною тому не какой нибудь духовный разладъ между духовенствомъ и народомъ, а частію стѣсненное положеніе народа и, главнымъ образомъ, стѣсненное положеніе, въ которое поставлено исторіею духовенство.

Когда Петръ первый издалъ указъ, запрещавшій монаху держать у себя въ келліи перо и чернила; когда тотъ же государь указомъ повелѣлъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди: духовенство должно

было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между имъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководство народною мыслию и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствою и пастырями. Духовенство поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отселѣ не безопасно.

Когда послѣдовало отнятіе церковныхъ имуществъ (не однихъ крестьянъ, но и земель), и за отнятые рубли духовенство вознаграждено было грошами; когда приобрѣтеніе новыхъ имуществъ для церкви намѣренно обставлено было разными затрудненіями; когда надъ оставшимися имуществами контроль все болѣе и болѣе усиливался, распоряженіе ими все болѣе и болѣе централизовалось; когда часть церковныхъ имуществъ стала употребляться даже на потребу не чисто церковную: духовенство должно было почувствовать, что и у собственныхъ средствъ оно не хозяинъ, а только приставникъ; что оно не можетъ отселѣ ни задумать назначенія своимъ средствамъ, ни, тѣмъ менѣе, ручаться, что первоначальное назначеніе устоитъ долгое время. Духовенство поняло, что отселѣ властно оно, безъ всякой помѣхи, пригласить пожертвователя развѣ только на позлащеніе церковной крыши или возведеніе ограды, безъ увѣренности впрочемъ, что крыша и ограда навсегда сохранятъ свое назначеніе *).

Когда духовенство видитъ, что законодательство, сначала можетъ быть намѣренно, а за тѣмъ и безсознательно, слѣдуя старому порядку, съ обидною послѣдовательностію проводить такое правило: «духовное лице православнаго исповѣданія, за свое служеніе не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно мень-

*) При двукратномъ сокращеніи числа монастырей, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, были обращены въ казармы и другія вовсе не церковныя зданія.

шее, чѣмъ лица свѣтскія, или лица духовныя, но не православныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ»: къ какому заключенію должно приходиться духовенство? Къ тому безъ сомнѣнія, что оно есть сословіе, намѣренно уничтоженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ, и единственно за то, что оно вѣрнѣе другихъ осталось священнымъ началомъ своей родины. Какой же послѣ того ждать увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?

Происходитъ ли духовное движеніе въ народѣ, законъ велитъ ставить сейчасъ между духовенствомъ и народомъ полицейскую власть, съ обязанностию обиднаго надзора, и съ обязанностию не менѣе обиднаго содѣйствія. Устраиваетъ ли само правительство среди народа школу, оно назначаетъ туда законоучителя, но, врядъ съ другими, ставитъ его въ положеніе чиновника, подвергнутаго всѣмъ мелочнымъ формальностямъ администраціи. Самую домашнюю школу, куда крестьяне и мѣщане добровольно отдають дѣтей, духовное лице принуждено таить отъ правительства: ибо законъ требуетъ, чтобы о каждой школѣ былъ подаваемъ отчетъ, а отчетъ предполагаетъ ревизію и вмѣшательство. Не достаточно ли однихъ этихъ причинъ, чтобы сдѣлать духовенство тѣмъ, чѣмъ оно есть, къ сожалѣнію, теперь? А именно: сословіемъ запуганнымъ, но вмѣстѣ жаднымъ и завистливымъ, униженнымъ, но притязательнымъ, лѣнивымъ и равнодушнымъ къ своему высшему призванію, а вслѣдствіе того и не весьма безукоризненнымъ въ образѣ жизни.

И однако, изъ всѣхъ сословій просвѣщенныхъ или полупросвѣщенныхъ, наше духовенство, каково оно ни есть, есть сила наиболѣе хранительная въ государствѣ. И однако, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, духовная связь между имъ и народомъ не разорвана. Но чтобы укрѣпить эту благодѣтельную связь, нужно поднять, ободрить, поощрить духовенство. Стоитъ осмотрѣться вокругъ себя, что

сдѣлано уже и теперь, при данномъ вообще нѣкоторомъ просторѣ общественнымъ силамъ. Не смотря на всѣ толки, раздающіеся въ свѣтской литературѣ о необходимости народнаго образованія; не смотря на воскресныя школы, открываемыя съ такими торжественными кликами: чрезъ все это, въ сущности, дѣльнаго достигнуто еще очень не много, и усердіе нашего общества, сначала казавшееся столь горячимъ, видимо хладѣетъ. А между тѣмъ духовенство считаетъ своихъ учениковъ уже сотнями тысячъ, и безъ шума продолжаетъ свое дѣло учительства, не имѣя матеріальныхъ средствъ, и, надобно сказать правду, не встрѣчая ни малѣйшихъ признаковъ общественнаго сочувствія. Законодательство обязано всѣми силами споспѣшествовать этому благову движенію.

Пусть будетъ постановлено закономъ, что церковный причтъ, въ силу того самаго, что онъ есть причтъ, обязанъ безвозмездно принимать каждаго желающаго на обученіе чтенію, письму, начаткамъ закона Божія и церковному пѣнію (а въ случаѣ надобности и другимъ элементарнымъ свѣдѣніямъ). Разумѣется, нельзя этого требовать сейчасъ, при настоящемъ содержаніи духовенства: это значило бы принудительно возлагать на него новое бремя, ни чѣмъ не вознаграждая, и слѣдовательно только испортить все дѣло. Но, посредствомъ ли жалованья, посредствомъ ли общественныхъ сборовъ, или тѣмъ и другимъ способомъ вмѣстѣ, содержаніе духовенства должно быть увеличено. Тогда-то это увеличенное содержаніе пусть назначено будетъ не за исправленіе только церковнослуженія, но за церковнослуженіе и народное обученіе *вмѣстѣ*. Пусть та и другая обязанность, и въ глазахъ правительства и въ глазахъ народа и въ глазахъ самого духовенства, будутъ нераздѣльны.

Нельзя также требовать, чтобы обученіе народа было принимаемо на себя священникомъ непосредственно: этому могутъ иногда препятствовать его обязанности по исправленію требъ. Непосредственныя

занятія обученіемъ могутъ быть ввѣряемы діаконамъ (разумеется, кончившимъ курсъ); а еще лучше, могутъ быть поручаемы, въ видѣ искуса, духовнымъ студентамъ, готовящимся къ священному сану и возведеннымъ въ санъ иподіакона. Развитие этого учрежденія принесло бы между прочимъ ту пользу, что такими иподіаконами въ послѣдствіи замѣнились бы нынѣшніе дьячки—самая неблаговидная часть теперешняго духовенства.

Въ каждомъ приходѣ должно быть, по крайней мѣрѣ, одно училище; по мѣрѣ надобности, могло бы ихъ открыться и нѣсколько. Во всякомъ случаѣ, приходы,—эти живые памятники и символы духовнаго единенія въ вѣрѣ, да образуютъ изъ себя также средоточія и просвѣщенія вообще. Приходскій священникъ, духовный отецъ всѣхъ поселянъ прихода, былъ бы естественнымъ надзирателемъ и руководителемъ всѣхъ приходскихъ училищъ.

Нужно стараться, чтобы самое мѣсто ученія устроилось близъ церкви или даже въ самомъ церковномъ зданіи. Желательно (хотя это и не всегда возможно), чтобы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда потребуется возведеніе школы въ селеніяхъ, неимѣющихъ церкви, новоустрояемое училище заключало въ себѣ малую церковь. Равнымъ образомъ желательно, чтобы и самыя церкви на будущее время устроились не иначе, какъ съ училищами. Пусть домъ ученія будетъ домомъ молитвы, и наоборотъ.

Для знающихъ народъ не по наслышкѣ не покажется удивительнымъ, когда скажемъ, что предполагаемое соединеніе церквей съ училищами и обязанностей церковныхъ съ обязанностями учительскими должно принести плоды неисчислимыя. Оно возвыситъ нравственно самое духовенство; оно благотворно подѣйствуетъ на ходъ народнаго просвѣщенія; оно облегчитъ неимоვნю самое приобрѣтеніе способовъ къ устройству школъ.

Но необходимо, чтобы устраиваемое на такихъ основаніяхъ народное обученіе освобождено было отъ

излишнихъ формальностей, отчетностей, регламентаціи. Довольно, если избранное духовенство будетъ съѣзжаться разъ въ годъ въ епархіальномъ городѣ, для разсужденія о потребностяхъ народнаго образованія и для взаимнаго отчета о прошлой учительской дѣятельности. Довольно, если епархіальное начальство будетъ наблюдать за духовенствомъ по исполненію учительскихъ обязанностей, наравнѣ съ тѣмъ, какъ наблюдаетъ оно за исполненіемъ обязанностей чисто церковныхъ. Довольно, наконецъ, если за тѣмъ будетъ представляемъ высшему правительству общій чисто статистическій отчетъ о движеніи первоначальнаго народнаго обученія. Однимъ словомъ, правительство должно всячески помогать духовенству въ исполненіи занятій по народному обученію, но не опредѣлять хода занятій до мелочныхъ подробностей, ни требовать столь же мелочнаго отчета. Тѣмъ менѣе представляется нужды заводить какихъ либо особыхъ окружныхъ инспекторовъ, губернскихъ или областныхъ надзирателей и т. п. Деньги, и конечно немалыя, которыя были бы употреблены на содержаніе этихъ, совершенно бесполезныхъ лицъ, несравненно съ большею пользою могли бы быть обращены на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій.

Остается сказать послѣднее слово. Когда лѣтъ двадцать тому назадъ, министерство государственныхъ имуществъ издавало правила для сельскихъ школъ, и разсылало книги, назначенныя для простонароднаго чтенія, вопросъ о томъ, каковы эти правила и сколь полезны эти книги, имѣлъ посредственную важность. Народъ тогда не шелъ охотно въ школы, правительство разными приманками должно было привлекать крестьянъ къ образованію. Такимъ образомъ, если и распространялись какія свѣдѣнія въ народѣ, они, какъ вишній наростъ, скоро отпадали сами собою; выученное забывалось, не воздѣйствуя или слабо воздѣйствуя на внутреннее развитіе. Правда, довольно поплакалось народа на писарей, воспитан-

ныхъ въ новыхъ школахъ. Правда, люди даже благонамѣренныя, глядя на поколѣнiе новыхъ грамотниковъ, стали даже утверждать, что грамотность ни къ чему крестьянина не приводитъ, кромѣ преступленiя. Но все это было зломъ частнымъ; ядро народа оставалось неприкосновенно.

Теперь совсѣмъ иное. Въ послѣднiе два года жажда къ просвѣщенiю пробудилась въ народѣ съ неслыханною силою. Производимая въ быту его реформа дала ему почувствовать, что онъ призывается отселѣ къ самостоятельной дѣятельности на общественномъ поприщѣ: и онъ самъ снѣшитъ страхнуть съ себя долгiй сонъ невѣжества, хочетъ новыми просвѣтленными взорами взглянуть на Божiй мiръ и на свои общественныя отношенiя. Ясно, что теперь вопросъ о народномъ обученiи есть вопросъ уже не о частномъ злѣ и не о частномъ благѣ, которое можетъ разлить та или другая система: здѣсь вопросъ о будущемъ цѣлой Россiи, вопросъ гораздо болѣе важный, чѣмъ всѣ вопросы о финансахъ, судопроизводствѣ, полици и вообще о государственныхъ учрежденiяхъ. Ибо какъ ни плохи будутъ учрежденiя, но когда духъ народа цѣлъ, государство останется непоколебимо; а когда послѣдовало въ народѣ нравственное разложенiе, тогда самыя превосходныя учрежденiя не удержатъ государство отъ гибели.

Духъ народа и его нравственныя силы держатся или преданiемъ или обычаемъ, пока народъ не образованъ, или даются направлениемъ просвѣщенiя, когда настала пора образованiя. Для нашего народа наступаетъ такая пора; онъ не хочетъ идти болѣе ощупью, руководствоваться слѣпымъ преданiемъ и обычаемъ, онъ хочетъ дѣйствовать сознательно и просить у старшихъ своихъ братьевъ указанья къ этой сознательной дорогѣ. Итакъ, весь вопросъ въ томъ: дадимъ ли мы ему такихъ проводниковъ, которые будутъ для него не болѣе, какъ просвѣтителями въ собственномъ смыслѣ, то есть, помогутъ ему только сознательно утвердиться въ тѣхъ же преданiяхъ и

обычаяхъ, которыя до сихъ поръ онъ признавалъ слѣпо? Или же, предоставимъ общественному меньшинству, колеблемому всякимъ вѣтромъ ученія, и въ настоящую минуту случайно настроенному противоположно исконнымъ русскимъ началамъ, вывести народъ на совершенно новую дорогу, которой и конца не видно?

Отъ рѣшенія этого вопроса, какъ мы сказали, зависитъ все будущее Россіи, и надѣмся, что всякій, кто не лишенъ политическаго смысла, и кто понимаетъ всѣ грядущія послѣдствія народнаго освобожденія, вполне согласится съ этимъ мнѣніемъ.
